

СОДЕРЖАНИЕ

Том 43, № 4, 2022

К 50-ЛЕТИЮ ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ РАН И 95-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Б. Ф. ЛОМОВА

Основные направления научно-исследовательской работы лаборатории истории психологии и исторической психологии ИП РАН в 2017–2021 гг.

А. Л. Журавлев, Е. Н. Холондович 5

КОГНИТИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Светлые и темные стороны рефлексии и арефлексии: эффект расщепления

М. А. Холодная 15

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ

Привязанность у детей в различные периоды современного российского общества

Р. Ж. Мухамедрахимов, К. Г. Туманьян 27

ПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Условия социальной среды, ресурсы и социальная успешность субъектов: открытые вопросы

В. А. Толочек 36

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Психосоматика кожных заболеваний и репрезентация психического пространства

Т. А. Ребеко 48

ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

Философско-методологические аспекты зарождения экспериментальной психологии мышления и рефлексии (к 160-летию юбилею О. Кюльпе и 125-летию его Вюрцбургской школы)

И. Н. Семенов 59

Интеллектуальные и социально-политические контуры советской психологии середины 1970-х годов: по материалам архивов Института психологии РАН и Российской академии наук

В. И. Коннов 69

ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО

Проблема проактивности личности во взаимодействии со средой в современном международном дискурсе

И. А. Мироненко, П. С. Сорокин 79

Каузативно-эмотивный анализ. Часть II. Исследование реакций зрителей Youtube-каналов на пропаганду

О. Г. Григорьев, Ю. М. Кузнецова, Е. Н. Никитина, М. А. Станкевич, Н. В. Чудова 90

МЕТОДЫ И МЕТОДИКИ

Шкала “Сравнение физической внешности”: апробация на российской выборке <i>Н. Г. Артемцева, Е. С. Самойленко</i>	99
---	----

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

Е. В. Шорохова как экономический психолог (к 100-летию со дня рождения) <i>В. П. Позняков, А. Л. Журавлев</i>	109
Полвека без Б. Г. Ананьева: творческое наследие ученого в современной Петербургской психологической школе <i>Н. А. Логинова</i>	118

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Владимиру Петровичу Познякову — 70 лет	127
--	-----

CONTENTS

Vol. 43, No. 4, 2022

TO 50-TH ANNIVERSARY OF INSTITUTE OF PSYCHOLOGY RAS TO 95-th ANNIVERSARY OF B.F. LOMOV

The Main Directions of the Research Work of the Laboratory of the History of Psychology and Historical Psychology
2017–2021

A. L. Zhuravlev, E. N. Kholondovich 5

COGNITIVE PSYCHOLOGY

Light and Dark Sides of Reflection and Areflection: Splitting Effect

M. A. Kholodnaya 15

DEVELOPMENTAL PSYCHOLOGY

Attachment in Young Children in Different Periods of Russian Society

R. J. Muhamedrahimov, K. G. Tumanian 27

PSYCHOLOGY OF PROFESSIONAL ACTIVITY

Social Environment Conditions, Resources and Social Success of Subjects: Open Questions

V. A. Tolochek 36

CLINICAL PSYCHOLOGY

Psychosomatics of Skin Diseases and Representation of Mental Space

T. A. Rebeko 48

HISTORY OF PSYCHOLOGY

Philosophical and Methodological Aspects of the Origin of Experimental Psychology of Thinking and Reflexion
(To the 160th Anniversary of O. Kulpe and the 125th Anniversary of His Wurzburg School)

I. N. Semenov 59

Intellectual and Social-Political Contours of the Soviet Psychology of the 1970s: Based on Archival Materials
of the Institute of Psychology and the Russian Academy of Sciences

V. I. Konnov 69

PSYCHOLOGY AND SOCIETY

The Problem of Human Agency in Contemporary International Science

I. A. Mironenko, P. S. Sorokin 79

Causative-Emotive Analysis: The Study of Youtube Viewers Reactions to Propaganda

O. G. Grigoriev, Yu. M. Kuznetsova, E. N. Nikitina, M. A. Stankevich, N. V. Chudova 90

METHODS AND PROCEDURES

The Physical Appearance Comparison Scale (Pacs-R): Approbation on the Russian Sample

N. G. Aremtseva, E. S. Samoylenko

99

MEMORABLE DATES

E. V. Shorokhova as an Economic Psychologist (To the 100th Anniversary)

V. P. Poznyakov, A. L. Zhuravlev

109

Half a Century without Ananiev: The Creative Heritage of a Scientist at the Mordern St. Petersburg Psychological School

N. A. Loginova

118

OUR JUBELEES

The 70th anniversary of Vladimir Petrovich Poznyakov

127

К 50-ЛЕТИЮ ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ РАН
И 95-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Б. Ф. ЛОМОВА

УДК 316.613.5

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ
РАБОТЫ ЛАБОРАТОРИИ ИСТОРИИ ПСИХОЛОГИИ
И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ ИП РАН В 2017–2021 гг.**

© 2022 г. А. Л. Журавлев*, Е. Н. Холондович**

ФГБУН Институт психологии РАН;
129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.

*Академик РАН, научный руководитель института, заведующий лабораторией истории психологии и исторической психологии.

E-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru

**Кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории истории психологии и исторической психологии.

E-mail: holelena@bk.ru

Поступила 08.07.2022

Аннотация. Рассматриваются научные результаты деятельности лаборатории истории психологии и исторической психологии с 2017 по 2021 г. Описана система принципов, которые легли в основу научных исследований по истории психологии. Показано, что разработки проблем исторической психологии соответствуют выполняемым данной отраслью функциям. Дается развернутый анализ основных научных направлений исследования лаборатории: теоретико-методологические разработки; внедрение новых методов исследования психологического знания и психологической реальности прошлого; персоналистическая линия развития отечественной науки, в том числе углубленная разработка региональных аспектов в истории психологии; исследование становления и развития научных школ и направлений в отечественной психологии, в частности в Институте психологии РАН; ценные психологические идеи в творчестве отечественных мыслителей прошлого; изучение российского менталитета; разработка интегративного подхода к целостному исследованию сложных социально-психологических феноменов, относящихся к Новейшей истории. Делается вывод о том, что научно-исследовательская работа ведется сотрудниками в рамках традиционных для лаборатории направлений и активно развивается в соответствии с актуальными задачами современной науки и общественной практики.

Ключевые слова: история психологии, историческая психология, научно-исследовательская работа, психологическое познание, персоналистическая линия развития науки, менталитет, интегративный подход.

DOI: 10.31857/S020595920021473-6

В настоящее время история психологии и историческая психология — актуальные и востребованные отрасли научного знания. История психологии помогает раскрыть ранее неизвестные или неочевидные грани в изучении психики человека. Важными на современном этапе остаются рефлексия истории психологического познания, пополнение фактологического материала, сохранение и переосмысление ценных научных идей и подходов и, как следствие, обеспечение преемственности традиций и определение новых перспектив развития науки. Уровень знаний об истории науки является показателем общей научной культуры, глубины научных интересов и научного кругозора исследователя.

Поэтому историю психологии следует изучать и делать доступными знания о ее становлении и развитии. Историческая психология, в свою очередь, дает объяснение новым психологическим явлениям с опорой на исторический и социально-культурный контекст и в то же время помогает понять психологию человека, жившего ранее, с позиции современной науки.

В качестве теоретико-методологических оснований разработки проблем истории психологии выступают философские, науковедческие, общенаучные и собственно историко-психологические принципы и подходы, являющиеся ориентирами

организации и проведения научного исследования [17]. К конкретно-научным принципам историко-психологического исследования, которые определяют вектор научного поиска ученых лаборатории, следует отнести принцип единства логического и исторического, направляющий исследование на выделение генезиса проблем, этапов их становления и развития, понимание их современного состояния. Принцип детерминизма ориентирован на раскрытие логико-научных, социально-исторических и личностных аспектов развития науки. В соответствии с принципом системности, психологическое познание — это многоаспектное, многоуровневое, многомерное явление, обусловленное системой факторов, предпосылок и условий развития и взаимодействующее с системами более высокого порядка (отечественная и мировая наука, культура и общество на разных этапах). Как логическое продолжение, в этом перечне выступают общенаучный принцип развития, важный для понимания динамики психологического познания, а также принцип периодизации и преемственности, связанные с принципом объективности историко-психологического исследования. Принцип позитивного анализа направлен на выявление содержательных и конструктивных идей, отвечающих вызовам современной науки и практики, ведущих исследователя на путь приращения знания. История психологии базируется также на принципе единства коллективного и индивидуального, позволяющего осознать, что история науки — это результат деятельности как индивидуального, так и коллективного субъекта, например научной школы или институционализированного научного коллектива, что делает важнейшим фактором рассмотрения коммуникативную составляющую научного поиска и выдвигает на первый план принцип субъектности. Данные принципы выделены на основе работ известных ученых-психологов, внесших свою лепту в развитие методологии истории психологии, — Б.Г. Ананьева, Е.А. Будиловой, А.Н. Ждан, А.Л. Журавлева, В.А. Кольцовой, Б.Ф. Ломова, К.К. Платонова, Е.В. Шороховой, М.Г. Ярошевского и др.

Исследовательская работа в области исторической психологии в большей мере определялась функциями данной области психологии: методологической, прогностической, мировоззренческой [26]. Генезис различных форм индивидуального и коллективного поведения сокрыт в историческом прошлом. Их выявление и объяснение являются важнейшей задачей, решение которой позволяет спрогнозировать особенности жизнедеятельности современного человека и приблизиться к пониманию «культурно-исторической обусловленности

психологии человека, закономерностям формирования индивидуального и группового сознания, механизмов порождения индивидуальных, групповых и массовых социальных действий, взаимодействия индивидуального и массового поведения» [13, с. 11]. Являясь мультидисциплинарной отраслью знания, по мнению В.А. Мазилова, историческая психология сохраняет свой предмет познания и совокупность методов, близких к истории психологии и отличных от общепринятых в традиционных психологических исследованиях [20]. По сути, она относится к гуманитарному знанию, но при этом не ограничивается только идиографическими методами, в настоящее время идет активное включение количественных методов в исследование. Находясь в активной фазе своего развития, эта дисциплина опирается на общепринятые в науке принципы, такие как принцип историзма, важнейший для понимания психологии человека, развития — историческая психология позволяет раскрыть социально-психологическую динамику в поведении индивидуального и коллективного субъектов, становление и формирование различных процессов и психологических явлений. Принцип субъектности дает возможность понять особенности индивидуального сознания, его роль и значение в историческом процессе. Являясь междисциплинарной отраслью, историческая психология находится на стыке с другими отраслями психологии, а также активно взаимодействует с историей, политологией, социологией, что позволяет подходить к исследованию человека комплексно и системно. Опора на эти принципы делает результаты исследований более достоверными и отвечающими современным требованиям научного познания.

В настоящее время ценным становится сближение истории психологии и исторической психологии. Возможность изучения психологического знания с позиции исторического и социально-культурного контекстов, как полагала В.А. Кольцова, позволяет понять систему детерминант различного уровня, раскрыть онтологические и гносеологические характеристики процесса психологического познания и подойти к изучению объекта истории психологии с разных позиций [17]. Методологическая близость этих двух дисциплин (междисциплинарный характер, обращение к процедуре психолого-исторической реконструкции как исследовательской программе, сочетающей в себе различные методы и подходы к исследованию психологического познания и самой психологической реальности, заключенной в исторический контекст), движение к их интеграции позволяют говорить о попытке «развития смешанных

методологий” и обращении к позициям “постнеклассического идеала рациональности”, где представляется возможность преодолеть фрагментарность исследования и сочетать в себе качественный и количественный анализ при исследовании целостных объектов [7, с. 40]. Интегрирование принципов и приемов анализа обеих дисциплин при изучении динамики психологического знания с опорой на осмысление психологических феноменов прошлого делает возможным выйти в подобных исследованиях на уровень трансдисциплинарности и решать вопросы глобальных изменений в общественной практике.

Перечисленные принципы определяли научно-исследовательскую работу лаборатории истории психологии и исторической психологии в период 2017–2021 гг. Нужно сказать, что работа как проводилась в традиционных для истории психологии научных направлениях, так и отражала новые тенденции. Это не означает отказа от прежних позиций, но показывает стремление исследователей к освещению наиболее острых тем в современной науке и практике.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ в 2017–2021 гг.

Значительной частью исследовательской программы лаборатории было и остается изучение *персоналистических факторов развития отечественной науки*. К этому направлению следует отнести работы, посвященные изучению научного наследия выдающихся психологов прошлого.

С.н.с. Т.И. Артемьева выполнила работу, посвященную личности, научным воззрениям и жизненному пути Е.А. Будиловой, в которой раскрывается ее вклад в развитие истории психологии [4]. В свою очередь, гл.н.с. В.П. Позняков и научный руководитель лаборатории А.Л. Журавлев анализируют вклад Е.А. Будиловой в изучение отечественной социальной психологии, который состоит в обосновании идеи о том, что в России эта область имела собственные научные корни, и объектами социально-психологического исследования выступали специфические социальные проблемы и явления [8].

Существенное значение имеют историко-психологическая реконструкция, обобщение и систематизация взглядов К.К. Платонова, Е.В. Шороховой, Б.Ф. Ломова в области социальной психологии, проведенные А.Л. Журавлевым и В.П. Позняковым. Ими проанализированы представления

К.К. Платонова о предмете социальной психологии, системе социально-психологических явлений и понятий, основных разделах и отраслях социальной психологии [9]. В разработке наследия Е.В. Шороховой большое внимание уделялось предмету социальной психологии и анализу психологических проблем и факторов социальной детерминации поведения человека: материальные условия жизни общества, социально-психологические отношения (структура и функции, характер и механизмы взаимосвязей объективных общественных и субъективных психологических отношений), формы общественного сознания [4]. В свою очередь, Б.Ф. Ломов внес значительный вклад в теоретико-эмпирические исследования проблемы общения, психологических аспектов совместной деятельности, становление и развитие психологии управления [10].

Изучению научного наследия, жизненного пути, особенностей личности Я.А. Пономарева посвящена научно-исследовательская работа с.н.с Т.В. Галкиной и научного руководителя лаборатории А.Л. Журавлева [5]. Отталкиваясь в своих разработках от проблематики творчества, Я.А. Пономарев приходит к решению более общих глобальных философско-психологических проблем: новаторские идеи, связанные с принципом взаимодействия, структурно-уровневой концепцией развития психики, универсальным законом ЭУС (этапы—уровни—ступени), а также “двухполюсностью” организации Мироздания, этапами развития научного знания и экспериментальной методологией. Все эти идеи имеют эвристический потенциал, что уже доказано в современных научно-практических разработках его учеников и последователей.

С.н.с. А.Н. Славской были предприняты анализ, обобщение и интеграция взглядов А.В. Брушлинского по вопросам социально-философских, методологических, теоретических и экспериментальных исследований.

Н.с. Н.Г. Немировская провела целостный историко-психологический анализ научного наследия В.Н. Дружинина, включающий четыре основных аспекта: персоналистический, логико-научный, социальный, наукометрический, которые позволили наглядно показать влияние ученого на развитие современной науки. Востребованность его психологического наследия характеризуется научной многогранностью, широтой направлений исследований, весомыми организационно-научными достижениями [21].

В 2021 г. были выполнены работы по изучению жизненного пути и осмыслению вклада в разные отрасли психологии А.А. Митькина, значения

работ Б.Д. Парыгина для развития социальной психологии, описан вклад в психологию В.Ф. Рубахина и др.

Традиционно в рамках лаборатории проводятся исследования по выявлению и теоретическому осмыслению психологических идей в творчестве отечественных ученых различных отраслей знания. Н.с. А.А. Костригин неоднократно обращался к этой теме: значение психологии в научном творчестве П.П. Кашенко, выявление психологических идей в ранних работах В.В. Зеньковского, исследование концепций А.И. Галича, О.М. Новицкого, М.И. Владиславлева, В.А. Снегирева с позиции представлений о познавательных способностях и др. [18; 19]. Им проведен наукометрический и библиометрический анализ историко-психологических взглядов А.Н. Нечаева. Проведено исследование частоты упоминаний фамилии В.М. Бехтерева в русскоязычном и англоязычном корпусах текстов в базе Google Books. Описана организация психотехнического образования в 1920–1930-е годы при непосредственном участии И.Н. Шпильрейна.

Сравнительный анализ философско-методологических взглядов А.А. Ухтомского на проблему научного описания живого, в том числе поведения человека, с научными представлениями Н. Винера и С.П. Курдюмова выполнен н.с. К.Б. Зуевым. Показано, что многие идеи А.А. Ухтомского предвосхитили кибернетику и синергетику, а его учение о доминанте актуально для современной психологии [11].

В настоящее время наметилось новое направление в развитии истории психологии — это *история психологии в регионах России*: поиск, теоретическое осмысление и описание деятельности региональных психологов прошлого; значительные историко-психологические разработки в городах Ярославле, Твери, Владимире, Нижнем Новгороде, Курске, Саратове. В 2019 г. сотрудниками лаборатории была проведена конференция, результатом которой стал коллективный сборник научных трудов “Историческая преемственность в отечественной психологии”, отражающий современные тенденции в истории психологии [12].

Персоналистическая линия исследований в области истории психологии имеет большое значение в контексте празднования 50-летнего юбилея Института психологии РАН, который отмечается в 2022 г. Признание научных достижений предшественников, конструктивное развитие их идей и приращение знания выступают важнейшей задачей истории психологии, так как помогают найти новые грани научного поиска выдающихся деятелей отечественной науки и наметить вектор

исследований в других отраслях психологического знания.

Задача по *сохранению, систематизации и введению в научный оборот архивных материалов* как конкретных ученых, так и в целом Института психологии РАН была поставлена Б.Ф. Ломовым перед научной группой истории психологии под руководством В.А. Кольцовой еще в начале 1980-х годов. В настоящий момент с интенсивным развитием “цифровизации” идет активная реализация этой задачи: развитие современных форм хранения, обработки и представления архивных материалов. Оцифрованные материалы позволяют работать сотрудникам Института психологии РАН и внешним исследователям с документами удаленно. В рамках этой работы были выявлены, описаны и введены в научный оборот новые биографические данные, архивные материалы и публикации представителей научных школ, созданных в Институте психологии АН СССР в 1972–1975 гг., а также материалы из фонда официальных документов Института психологии РАН, относящиеся к 1972–1985 гг.

Особо нужно отметить работу по описанию и анализу предыстории и хронологии организации Института психологии АН СССР в 1970–1972 гг., в результате которой определены социокультурные факторы его организации и функционирования: логика развития психологической науки в 1960-е и 1970-е годы, становление и развитие социальной психологии, инженерной психологии, психологии познавательных процессов, психофизиологии и нейропсихологии, потребность других наук и практики в использовании результатов психологических исследований для решения конкретных задач.

На основе вновь обнаруженных архивных материалов описано создание сектора социальной психологии в Институте психологии АН СССР, проанализированы результаты научных исследований по социальной психологии в Институте за 1972–1975 гг. Установлено, что в первые годы работы сектора проводилась теоретико-методологическая разработка социально-психологической проблематики, закладывались основы дальнейших исследований в данной области [2].

Проведена организация перевода с немецкого на русский язык и редактирования диссертации С.Л. Рубинштейна “Абсолютный и дуалистический рационализм и трансцендентальная философия” (Марбург, 1914). Сделана подборка ранних работ С.Л. Рубинштейна для публикации в книге: С.Л. Рубинштейн. Работы ранних лет. Подготовлены к изданию избранные труды известных психологов Е.С. Кузьмина и А.Н. Костина.

Научно-исследовательская работа в этих направлениях выполнена н.с. А.А. Костригиным, гл.н.с. В.И. Белополюским и научным руководителем лаборатории А.Л. Журавлевым.

Серии научно-исследовательских работ проведены сотрудниками лаборатории по *изучению истории разработки проблем, отраслей и направлений психологии*.

В 2017 г. зав. лаб. В.А. Кольцовой и гл.н.с. К.А. Абульхановой были рассмотрены основные принципы, подходы и пути их интеграции, разрабатывавшиеся в психологической науке в советский период [1]. Исследователи сделали акцент на единстве советской психологии. Оно было обусловлено исторически и культурно сложившимся стремлением к построению единой науки, глубокой философской проработанностью подходов к раскрытию объекта психологии и определению ее предмета. Глубокая проработка положений философии марксизма позволила в тот период оттолкнуться от отечественной и мировой философии и вывести психологическую науку на новый уровень, выработать систему принципов, которые обогащаются и развиваются в процессе решения конкретных задач современной психологии. В этом заключается их эвристический потенциал.

Предметом изучения в 2018 г. с.н.с. Т.И. Артемьевой стали психологические взгляды русских военных специалистов второй половины XIX — начала XX в. К. Дружинина, В.Е. Попелищева, П.И. Измествьева. Представляют интерес содержательное описание феномена “воинский дух”, условия возникновения такого явления, как паника, и др.

Проводимые в лаборатории исследования причин и последствий современного кризиса правосознания и психологического осмысления концепции естественного права с.н.с. Н.В. Борисовой обусловлены современными тенденциями в развитии общества: серьезными трансформациями в социальной, экономической, политической, мировоззренческой сферах. Обращение к правовому сознанию представителей нравственной элиты позволяет подойти к изучению проблемы соотношения нравственного и правового сознания с позиции нового направления в психологической науке — духовно-нравственной психологии, так как правовая зрелость личности находится в зависимости от зрелости нравственной. В качестве примера успешного формирования нравственной и правовой зрелости в их единстве был рассмотрен жизненный путь и личность старца Паисия Святогорца [3].

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ в 2017–2021 гг.

Исследования сотрудников лаборатории в русле исторической психологии в 2017–2021 гг. в первую очередь были направлены на продолжение работы по *изучению российского менталитета*. Это теоретический анализ представлений о менталитете русского народа в отечественной дореволюционной науке, изучение ментальных характеристик различных социальных групп, особенности его становления на разных этапах российской истории. С.н.с. Т.И. Артемьева выполнила серию работ, предметом исследования которых стали взгляды Н.А. Полевого, А.И. Герцена, Н.Г. Чернышевского на “психологию русского народа”. Н.с. А.А. Костригин выделил представления А.Н. Некрасова об особенностях русского менталитета. Психолого-историческая реконструкция ментальных характеристик русского крестьянства конца XIX — начала XX в. была проведена с.н.с. Е.Г. Синякиной. С.н.с. Е.Н. Холондович изучала особенности формирования ментальности русского человека XVII в. Исследованию менталитета и его неотъемлемой составляющей — языку посвящены работы с.н.с. Е.В. Харитоновой.

В.н.с. А.В. Сухаревым был проведен сравнительный анализ развития обществ Латинской Америки, Китая, Западной Европы и России на основе авторской философско-антропологической этнофункциональной концепции синтеза хаоса и космоса для определения историко-психологических условий развития/рецессии ментальности этнических систем в различных природно-культурных ареалах как по психологическим, так и непсихологическим показателям [22].

В.н.с. А.А. Гостев обобщил теоретико-методологические проблемы изучения психоманипулирования внутренним миром современного человека в целях поиска путей обеспечения психологической безопасности при различных видах информационного воздействия. Искажение социального восприятия и цивилизационного прогнозирования имеет место на разных уровнях и обладает кумулятивным эффектом. Гостев обосновал, что психоманипуляция любого содержания служит информационно-психологическим оружием в современных политических и экономических войнах [6].

В 2020–2021 гг. в работе лаборатории намечилось активное обсуждение и разработка *теоретико-методологических проблем исторической психологии*. В настоящий период идут осмысление предмета и объекта исторической психологии и разработка

методов исследования. Например, гл.н.с. В.П. Позняковым обосновывается необходимость внедрения в психолого-исторические исследования методов социальной психологии, более того, активное использование результатов социально-психологических работ, полученных в практике в более ранние периоды, рассматриваются им как достоверные и верифицированные результаты для объяснения психологических явлений прошлого [22]. Эти и другие вопросы теории, методологии и практики психолого-исторических исследований нашли свое отражение в коллективном сборнике научных трудов “Историческая психология: прошлое, настоящее, будущее”, выпущенном в 2020 г. [14].

С.н.с. Е.Н. Холондович предложила комплексную программу реконструкции жизненного пути и различных психологических характеристик исторической личности как метод психологии, в основу которого положены структурно-динамическая модель человека Б.Г. Ананьева, субъектно-деятельностный подход С.Л. Рубинштейна, представления Б.Ф. Ломова о системной детерминации психики, процедура психолого-исторической реконструкции, позволяющая объединить в исследовании различные методы. Предложенная программа дает возможность изучить историческую личность всесторонне, в динамике, включенной в целостную систему общественных отношений, а также вскрыть особенности ее развития в контексте исторического времени. Различные иерархически организованные структуры (индивид, личность, субъект деятельности, индивидуальность) охватывают все уровни отношений и взаимодействий человека, исполняемые им функции и роли в процессе жизни на каждом этапе его развития. Подобное исследование выходит на уровень системной реконструкции жизненного пути исторической личности как целостного явления и позволяет преодолеть односторонность и субъективность в исследовании исторического деятеля [25]. Разработка данной программы стала логическим продолжением работ по изучению жизненного пути и психологических характеристик гениев русской словесности Ф.М. Достоевского, Н.В. Гоголя, А.П. Чехова в русле понимания феномена гениальности.

Так как объектом исторической психологии являются продукты деятельности человека, в основном представленные в письменных источниках, важнейшими методами исследования, позволяющими обработать большой массив данных и квантифицировать полученные результаты, выступают так называемые цифровые методы исследования, активно разрабатываемые и применяемые сотрудниками лаборатории в последние несколько лет.

Они позволяют выполнять масштабные проекты и получать больше научной информации, создавая широкие возможности для междисциплинарного анализа проблем современного общества.

С.н.с. Ю.В. Ковалевой показаны некоторые методические возможности данного подхода. Он позволил расширить представления о признаках субъектности больших социальных групп на современном этапе исторического развития, где они выступают как сетевые интернет-сообщества, доказать роль коллективных эмоций, сопровождающих переживание большими социальными группами трансформации собственной гражданской идентичности в отношении исторических достижений государства, народа и др.

Ю.В. Ковалева закончила цикл работ по изучению больших социальных групп, рассматривая их с различных точек зрения: как психологическое понятие и знание о нем в истории психологии, а также как реально существующий психологический феномен, активно развивающийся в историческом процессе. В ходе исследования эмпирически наметился интегративный подход к анализу социальных объектов, сочетающий в себе методические приемы как истории психологии, так и исторической психологии [16].

В рамках исследования теоретических концепций менталитета в.н.с. Д.А. Китова и научный руководитель лаборатории А.Л. Журавлев выделяют обыденное сознание индивидуального и группового субъекта, которое содержит опыт, накопленный поколениями при социализации и адаптации к реальности, как значимый культурный элемент национального сознания в целом. При этом оно включает осознаваемые и неосознаваемые компоненты, находящие свое отражение в языковой картине мира человека. С помощью метода цифровой обработки большого числа данных с последующим контент-анализом проводилось изучение языковой единицы “мировоззрение”, находящей свое отражение в сознании пользователей социальной сети Твиттер. Выделены доминирующие мировоззренческие установки пользователей, связанные с личностными характеристиками и социальными взаимодействиями, когнитивные, ценностные, эмоциональные и конативные компоненты данного феномена, имеющего высокий уровень абстрагирования. Показано, что мировоззрение может иметь разную эмоциональную выраженность и интенсивность, мотивационную направленность. Подобного рода исследования имеют большой эвристический потенциал в силу возможности охвата большого числа респондентов при изучении таких сложных

и закрытых для осмысления феноменов, как менталитет [15].

Н.с. А.А. Костригиным проведено изучение отношения к собственности в советский и постсоветский периоды как элемента экономического сознания российского народа. Проанализирована частота употребления термина “собственность” в русскоязычном корпусе книг Google Books за период 1918–2019 гг. Феномен собственности отразился в российском менталитете в рассматриваемых периодах вследствие следующих событий: изменение экономической системы в советское время, разграничение между государственной и частной собственностью в 1930-е годы, послевоенное восстановление и модернизация сельского хозяйства и промышленности, экономические реформы 1990-х годов и приватизация.

С.н.с. Е.В. Харитоновна разрабатывает новое для лаборатории направление: психологические особенности повседневности в кризисные периоды истории России на примере событий Великой Отечественной войны. В настоящее время эта тема чрезвычайно актуальна. Военная повседневность отличается обострением экстремальности во всех сферах жизни человека. Начальный этап работы позволил выявить тесную связь фронта и тыла, определить изменения в повседневности и, как следствие, в поведении людей и социально-психологическом состоянии общества в целом, которые способствовали сплочению людей, повышению обороноспособности государства и привели к победе в войне: активная трудовая деятельность, направленная на внешнее преобразование мира, стремление к устойчивости или выработке привычных установок в своем поведении, расширение используемых ресурсов человека, специфическое восприятие времени, появление в языковой картине мира человека новых слов и выражений [24].

С.н.с. В.А. Сосниным проанализированы важнейшие детерминанты геополитической психологии в XXI в., выделены психологические характеристики личности и больших групповых образований с позиции геополитических отношений.

В.н.с. А.А. Гостевым начата разработка макро-социо-политической психологии глобальной трансформации. Пристальное внимание уделено изучению феноменологии духовно-нравственной деградации личности как результата психоманипулятивных воздействий, рассмотрению в психолого-историческом ключе метаисторического фактора мифологических представлений народов, выделению локальных архетипов этнических общностей, психологических аспектов религиозных верований и др. Важнейшей задачей при этом

выступает исследование образов многовариантности глобальной трансформации — подобная многовариантность является значимым фактором переживания людьми неопределенности своего бытия в современном мире [6].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нужно отметить, что научно-исследовательская работа сотрудников лаборатории отражает как традиционные для истории психологии научные направления, которые были изложены выше, так и новые тенденции, обнаруженные при их разработке: изучение архивных материалов, относящихся к истории создания Института психологии РАН, формированию научных направлений и школ; совершенствование современных форм хранения документов, их обработка и представление; развитие истории психологии в регионах России; применение в исследованиях современных методов количественного анализа (наукометрия, библиометрия, анализ больших данных с помощью методов цифровой обработки); разработка интегративного подхода к исследованию сложных целостных социально-психологических феноменов. Их дальнейшее развитие выступает приоритетной задачей лаборатории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова К.А., Кольцова В.А. Интеграция методологических принципов отечественной психологии на рубеже веков // Человек и мир. 2017. Т. 1. № 1. С. 6–52.
2. Белопольский В.И., Журавлев А.Л., Костригин А.А. Первые годы научной деятельности сектора социальной психологии в Институте психологии АН СССР // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5. № 3 (19). С. 197–226.
3. Борисова Н.В. Правовое сознание представителя нравственной элиты (на примере Паисия Святогорца). Часть 1: Жизненный путь и характер жизненных поступков // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2022. № 2 (22). С. 113–146. URL: <http://socioeconom-psychology.ru/engine/documents/document946.pdf>
4. Выдающиеся ученые Института психологии РАН: Биографические очерки / Под ред. А.Л. Журавлева. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2020. 419 с.
5. Галкина Т.В., Журавлев А.Л. Вклад Я.А. Пономарева в развитие методологических и теоретических вопросов психологической науки (к 100-летию со дня

- рождения) // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 6. С. 5–13.
6. *Гостев А.А.* Психологические и духовно-нравственные проблемы современного человека: риски—угрозы—вызовы // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5. № 4 (20). С. 35–66.
 7. *Гусельцева М.С.* Принцип развития в психологии: вызовы полипарадигмальности и трансдисциплинарности // Принцип развития в современной психологии / Под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2015. С. 31–51.
 8. *Журавлев А.Л., Позняков В.П.* Е.А. Будилова о разработке социально-психологических проблем в российской науке и социальной практике // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 1. С. 65–76.
 9. *Журавлев А.Л., Позняков В.П.* Вклад К.К. Платонова в восстановление отечественной социальной психологии // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 1. С. 107–116.
 10. *Журавлев А.Л., Позняков В.П.* Б.Ф. Ломов о проблемах социальной психологии // Психологический журнал. 2022. Т. 44. № 1. С. 5–16.
 11. *Зуева Е.Ю., Зуев К.Б.* Учение А.А. Ухтомского о доминанте: диалог с кибернетикой и синергетикой // История отечественной и мировой психологической мысли: знать прошлое, анализировать настоящее, прогнозировать будущее. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2022 (в печати).
 12. Историческая преемственность в отечественной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.В. Харитоновна, Е.Н. Холондович. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2019.
 13. Историческая психология: предмет, структура и методы: Учеб. пособие / Под ред. А.А. Королева. М.: Изд-во МосГУ, 2004.
 14. Историческая психология: прошлое, настоящее, будущее / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.В. Харитоновна, Е.Н. Холондович. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2020.
 15. *Китова Д.А., Журавлев А.Л.* Мировоззрение как психологический феномен в обыденном представлении россиян // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 4. С. 106–117.
 16. *Ковалева Ю.В.* История разработки понятия “большие социальные группы”. Часть 3: Начало современного этапа развития социальной психологии (1990-е — 2000 гг. XX века) // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2021. Т. 6. № 1 (21). С. 93–126. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document920.pdf>. DOI: 10.38098/ipran.sep.2021.21.1.004
 17. *Кольцова В.А.* Теоретико-методологические основы истории психологии. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2004.
 18. *Костригин А.А.* Отечественные психологические учения XIX в. о познавательных способностях и их связи с гениальностью человека // Способности и ментальные ресурсы человека в мире глобальных перемен / Отв. ред. А.Л. Журавлев, М.А. Холодная, П.А. Сабадош. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2020. С. 214–222.
 19. *Костригин А.А.* Фундаментальные психологические идеи В.В. Зеньковского в ранний период эмиграции // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5. № 2 (18). С. 461–485.
 20. *Мазилев В.А.* Российская историческая психология: новые горизонты // Историческая психология: прошлое, настоящее, будущее / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.В. Харитоновна, Е.Н. Холондович. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2020. С. 87–105.
 21. *Немировская Н.Г.* Реконструкция жизненного пути и творческой деятельности В.Н. Дружинина: Дис. ... канд. психол. наук. М.: Институт психологии РАН, 2018.
 22. *Позняков В.П.* Эмпирические исследования в русской науке второй половины XIX — начала XX века как предпосылки становления исторической психологии // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5. № 1 (17). С. 116–133.
 23. *Сухарев А.В.* К вопросу о методологии и методе анализа развития русской ментальности // Ярославская психологическая школа: история, современность, перспективы: Сборник материалов Всероссийской научной конференции, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, 8–10 октября 2020 г. Ярославль, 2020. С. 108–112.
 24. *Харитоновна Е.В.* Укрепление психологического состояния и морального духа в годы Великой Отечественной войны // История та на психология та по времена Втората Световна война: методология и практика / Отв. ред. М.Д. Няголова, Ю.Н. Олейник. Велико Търново: Издательство “ИВИС”, 2021. С. 213–228.
 25. *Холондович Е.Н.* Комплексная реконструкция жизненного пути и психологических характеристик исторической личности как метод исторической психологии // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 4 (121). С. 97–109.
 26. *Холондович Е.Н.* Предисловие: Традиции и возможности развития исторической психологии как научной отрасли // Историческая психология: прошлое, настоящее, будущее / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.В. Харитоновна, Е.Н. Холондович. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2020. С. 7–24.

THE MAIN DIRECTIONS OF THE RESEARCH WORK OF THE LABORATORY OF THE HISTORY OF PSYCHOLOGY AND HISTORICAL PSYCHOLOGY 2017–2021

A. L. Zhuravlev*, E. N. Kholondovich**

*Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, bldn. 1, Russia.*

**Academician of the Russian Academy of Sciences, Scientific Director of the Institute,
Head of the Laboratory of the History of Psychology and Historical Psychology.*

E-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru

*** PhD (Psychology), Senior Researcher, Laboratory of the History of Psychology
and Historical Psychology.*

E-mail: holelena@bk.ru

Received 08.07.2022

Abstract. The purpose of the article is to review the activities of the Laboratory of the history of psychology and historical psychology in the period from 2017 to 2021. It describes a system of principles that formed the basis of scientific research on the history of psychology. The article shows that the development of problems of historical psychology correspond to the functions performed by this branch. The authors give a detailed analysis of the main scientific directions of the laboratory's research: theoretical and methodological developments, the introduction of new methods for the study of psychological knowledge and psychological reality of the past, the personalistic line of development of domestic science, including in-depth development of regional aspects in the history of psychology, the study of the formation and development of scientific schools and areas of domestic psychology of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, valuable psychological ideas in the works of Russian thinkers of the past, the study of the Russian mentality, development of an integrative approach to the holistic study of complex socio-psychological phenomena related to recent history. In conclusion, the authors conclude that the research work is carried out within the framework of the traditional directions for the laboratory and is actively developing in accordance with the current tasks of modern science.

Keywords: history of psychology, historical psychology, research work, psychological cognition, personalistic line of development of science, mentality, integrative approach.

REFERENCE

1. *Abul'hanova K.A., Kol'cova V.A.* Integracija metodologicheskikh principov otechestvennoj psihologii na rubezhe vekov. *Chelovek i mir.* 2017. V. 1. № 1. P. 6–52. (In Russian)
2. *Belopol'skij V.I., Zhuravlev A.L., Kostrigin A.A.* Pervye gody nauchnoj dejatel'nosti sektora social'noj psihologii v Institute psihologii AN SSSR. *Social'naja i jekonomicheskaja psihologija.* 2020. V. 5. № 3 (19). P. 197–226. (In Russian)
3. *Borisova N.V.* Pravovoe soznanie predstavitelja npravstvennoj jelity (na primere Paisija Svjatogorca). *Chast' 1: Zhiznennyj put' i harakter zhiznennyh postupkov.* Institut Psihologii Rossijskoj akademii nauk. *Social'naja i jekonomicheskaja psihologija.* 2021. V. 6. № 2. P. 113–146. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document946.pdf>. (In Russian)
4. *Vydajushhiesja uchenye Instituta psihologii RAN: Biograficheskie ocherki.* Ed. A.L. Zhuravlev. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2020. 419 p. (In Russian)
5. *Galkina T.V., Zhuravlev A.L.* Vklad Ja.A. Ponomareva v razvitie metodologicheskikh i teoreticheskikh voprosov psihologicheskoi nauki (k 100-letiju so dnja rozhdenija). *Psikhologicheskij zhurnal.* 2020. V. 41. № 6. P. 5–13. (In Russian)
6. *Gostev A.A.* Psihologicheskie i duhovno-nravstvennyye problemy sovremennogo cheloveka: riski-ugrozy-vyzovy. Institut Psihologii Rossijskoj akademii nauk. *Social'naja i jekonomicheskaja psihologija.* 2020. V. 5. № 4 (20). P. 35–66. (In Russian)
7. *Gusel'ceva M.S.* Princip razvitiya v psihologii: vyzovy poliparadigmal'nosti i transdisciplinarnosti. Princip razvitiya v sovremennoj psihologii. Eds. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2015. P. 31–51. (In Russian)
8. *Zhuravljov A.L., Poznjakov V.P.* E.A. Budilova o razrabotke social'no-psihologicheskikh problem v rossijskoj nauke i social'noj praktike. *Psikhologicheskij zhurnal.* 2020. V. 41. № 1. P. 65–76. (In Russian)
9. *Zhuravljov A.L., Poznjakov V.P.* Vklad K.K. Platonova v vosstanovlenie otechestvennoj social'noj psihologii.

- Psikhologicheskij zhurnal. 2021. V. 42. № 1. V. 107–116. (In Russian)
10. *Zhuravljov A.L., Poznjakov V.P.* B.F. Lomov o problemah social'noj psihologii. Psikhologicheskij zhurnal. 2022. V. 44. № 1. P. 5–16. (In Russian)
 11. *Zueva E.Ju., Zuev K.B.* Uchenie A.A. Uhtomskogo o dominante: dialog s kibernetikoj i sinergetikoj. Istorija otechestvennoj i mirovoj psihologicheskoy mysli: znat' proshloe, analizirovat' nastojashhee, prognozirovat' budushhee. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2022 (v pečati). (In Russian)
 12. Istoricheskaja preemstvennost' v otechestvennoj psihologii. Eds. A.L. Zhuravlev, E.V. Haritonova, E.N. Holondovich. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2019. (In Russian)
 13. Istoricheskaja psihologija: predmet, struktura i metody: Ucheb. posob. Ed. A.A. Korolev. Moscow: Izd-vo MosGU, 2004. (In Russian)
 14. Istoricheskaja psihologija: proshloe, nastojashhee, budushhee Eds. A.L. Zhuravlev, E.V. Haritonova, E.N. Holondovich. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2020. (In Russian)
 15. *Kitova D.A., Zhuravlev A.L.* Mirovozzrenie kak psihologicheskij fenomen v obydenom predstavlennii rossijan. Psikhologicheskij zhurnal. 2021. V. 42. № 4. P. 106–117. (In Russian)
 16. *Kovaleva Ju.V.* Istorija razrabotki ponjatija "bol'shie social'nye gruppy". Chast' 3. Nachalo sovremennogo jetapa razvitija social'noj psihologii (1990-e — 2000 gg. XX veka). Institut psihologii Rossijskoj fkademii nauk. Social'naja i jekonomicheskaja psihologija. 2021. V. 6. № 1. P. 93–126. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document920.pdf>. DOI: 10.38098/ipran.sep.2021.21.1.004 (In Russian)
 17. *Kol'cova V.A.* Teoretiko-metodologicheskie osnovy istorii psihologii. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2004. (In Russian)
 18. *Kostrigin A.A.* Otechestvennye psihologicheskie učenija XIX v. o poznavatel'nyh sposobnostjakh i ih svjazi s genial'nost'ju cheloveka. Sposobnosti i mental'nye resursy cheloveka v mire global'nyh peremen. Eds. A.L. Zhuravljov, M.A. Holodnaja, P.A. Sabadosh. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2020. P. 214–222. (In Russian)
 19. *Kostrigin A.A.* Fundamental'nye psihologicheskie idei V.V. Zen'kovskogo v rannij period jemigracii. Institut Psihologii Rossijskoj akademii nauk. Social'naja i jekonomicheskaja psihologija. 2020. V. 5. № 2 (18). P. 461–485. (In Russian)
 20. *Mazilov V.A.* Rossijskaja istoricheskaja psihologija: novye gorizonty. Istoricheskaja psihologija: proshloe, nastojashhee, budushhee. Eds. A.L. Zhuravlev, E.V. Haritonova, E.N. Holondovich. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2020. S. 87–105. (In Russian)
 21. *Nemirovskaja N.G.* Rekonstrukcija zhiznennogo puti i tvorcheskoj dejatel'nosti V.N. Druzhinina. Dis. ... kand. psihol. nauk. Moscow: Institut psihologii RAN, 2018. (In Russian)
 22. *Poznjakov V.P.* Jempiricheskie issledovanija v russkoj nauke vtoroj poloviny XIX — nachala XX veka kak predposylki stanovlenija istoricheskaj psihologii. Institut Psihologii Rossijskoj akademii nauk. Social'naja i jekonomicheskaja psihologija. 2020. V. 5. № 1 (17). P. 116–133. (In Russian)
 23. *Suharev A.V.* K voprosu o metodologii i metode analiza razvitija russkoj mental'nosti. Jaroslavskaja psihologicheskaja shkola: istorija, sovremennost', perspektivy: Sbornik materialov Vserossijskoj nauchnoj konferencii, Jaroslavskij gosudarstvennyj universitet im. P.G. Demidova, 8–10 oktjabrja 2020 g. Jaroslavl', 2020. P. 108–112. (In Russian)
 24. *Haritonova E.V.* Ukreplenie psihologicheskogo sostojanija i moral'nogo duha v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. Istorijata na psihologija ta po vremena Vtorata Svetovna vojna: metodologija i praktika. Eds. M.D. Njagolova, Ju.N. Olejnik. Veliko T'rnovo: Izdatel'stvo "IVIS". 2021. P. 213–228. (In Russian)
 25. *Holondovich E.N.* Kompleksnaja rekonstrukcija zhiznennogo puti i psihologicheskikh harakteristik istoricheskaj lichnosti kak metod istoricheskaj psihologii. Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2020. № 4 (121). P. 97–109. (In Russian)
 26. *Holondovich E.N.* Predislovie: Tradicii i vozmozhnosti razvitija istoricheskaj psihologii kak nauchnoj otrasli. Istoricheskaja psihologija: proshloe, nastojashhee, budushhee. Eds. A.L. Zhuravlev, E.V. Haritonova, E.N. Holondovich. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2020. P. 7–24. (In Russian)

УДК 159.95

СВЕТЛЫЕ И ТЕМНЫЕ СТОРОНЫ РЕФЛЕКСИИ И АРЕФЛЕКСИИ: ЭФФЕКТ РАСЩЕПЛЕНИЯ

© 2022 г. М. А. Холодная

ФГБУН Институт психологии РАН;

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.

Доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории психологии способностей и ментальных ресурсов им. В.Н. Дружинина.

E-mail: kholod1949@yandex.ru

Поступила 06.12.2021

Аннотация. Анализируется феноменология рефлексии с учетом связей уровня рефлексии с различными интеллектуальными и личностными свойствами, а также успешностью деятельности. Обосновывается роль метакогнитивных способностей как основы позитивных и негативных проявлений высокого и низкого уровней рефлексии, позволяющих говорить о светлых и темных сторонах рефлексии и арефлексии. Описываются проявления “эффектов расщепления” высоких и низких показателей рефлексии. Полюс высокой рефлексии может скрывать как продуктивные формы саморегуляции с позитивными последствиями (повышение успешности деятельности, самоэффективность, системная рефлексия), так и дезадаптивные формы саморегуляции с негативными последствиями (снижение успешности деятельности, руминации, гиперперсональный контроль, иллюзорный контроль, интроспекция, квазирефлексия). В свою очередь, полюс низкой рефлексии также “расщепляется” на две разные составляющие: продуктивные формы саморегуляции с позитивными последствиями (имплицитное обучение, интеллектуальное поведение экспертов, вторичный контроль, избирательная осмысленность, творческий процесс) и дезадаптивные формы саморегуляции с негативными последствиями (снижение успешности деятельности, выученная беспомощность, психологическая инкапсуляция). В качестве механизма, обеспечивающего эффект расщепления высоких и низких показателей рефлексии, выступают метакогнитивные способности (способность к произвольному и непроизвольному контролю собственной психической активности). Результаты исследования позволяют сделать вывод о многомерной, нелинейной природе рефлексии.

Ключевые слова: рефлексия, саморегуляция, когнитивный контроль, непроизвольный контроль, произвольный контроль, эффект расщепления, метакогнитивные способности.

DOI: 10.31857/S020595920021475-8

Несмотря на большое количество исследований в области психологии рефлексии, ясность в определении этого понятия отсутствует. Данное обстоятельство во многом связано с тем, что рефлексия — это зонтичный термин, которое объединяет разнородные, часто не идентичные по своей природе психические явления.

Среди множества точек зрения можно выделить некоторые общие основания для всех проявлений рефлексии (они же — ее отличительные особенности): во-первых, это осознанное, произвольное состояние/процесс; во-вторых, она характеризуется Я-центрированной направленностью, то есть всегда выступает в форме самосознания и реализуется в виде внутреннего диалога (разговора с самим собой); в-третьих, суть рефлексии составляет регулирующая функция, которая включает ее в процесс

взаимодействия субъекта с физическим и социальным миром; в-четвертых, рефлексия предполагает реализацию различных мыслительных операций и мыслительных действий, связанных с изучением объекта рефлексирования (анализом, сравнением, обобщением, интерпретацией, прогнозированием и т.д.). Важно подчеркнуть, что подлинная рефлексия предполагает интеграцию всех четырех аспектов.

В традиционных подходах к исследованию рефлексии доминирует представление о том, что уровень рефлексии связан линейно с различными проявлениями психической активности: чем выше уровень рефлексии, тем выше показатели успешности деятельности и психологического благополучия человека. В частности, рефлексия рассматривается как основа творчества [22] и самодеятельного

индивидуального Я [23]. Осознанная саморегуляция, в том числе ее рефлексивные проявления, изучается в качестве психологического средства самоуправления, необходимого для успешности достижения целей в любом виде деятельности [16]. Рефлексивность (как результат развития рефлексивных способностей) определяется как универсальный инструмент прогнозирования и конструирования личностного и профессионального роста [18]. “Высшие рефлексивные способности” трактуются как важнейший аспект духовности человека с акцентом на их обусловленности высшими ценностями и смыслами [17]. Дополнительным свидетельством в пользу убеждения в позитивной роли рефлексивной саморегуляции являются многочисленные практики и тренинги, направленные на повышение уровня рефлексии их участников.

Одна из самых сложных проблем — это истоки формирования рефлексии. Она может проявляться в регуляции разных видов психической деятельности, начиная с собственных познавательных процессов (интеллектуальный аспект рефлексии), включая самоанализ (личностный аспект) и заканчивая процессами общения и социального взаимодействия (коммуникативный аспект). Однако это не отменяет вопроса о едином механизме рефлексии, которая, как отмечают многие авторы, органично связана с формированием интеллектуальной сферы личности.

Согласно Ж. Пиаже, рефлексия появляется на высшей стадии развития интеллекта, а именно стадии формальных операций (стадии “рефлексивного интеллекта”), на которой происходит формирование категориально-логических схем и в полной мере проявляет себя способность к децентрации. Децентрация предполагает способность к дискуссии, принятию и обсуждению разных точек зрения: “...в плане интеллекта кооперация... является объективно ведущейся дискуссией... из нее и на основе ее возникает позднее интериоризированная дискуссия, какую представляет собой размышление или рефлексия” [19, с. 182]. В дальнейшем Дж. Флейвелл использовал понятие “метапознание” для выделения особой группы познавательных процессов — активного мониторинга, регуляции и согласования когнитивных операций в соответствии с поставленными целями. Метапознание включает метакогнитивное знание, метакогнитивные навыки и метакогнитивные переживания [39]. Метакогнитивизм как новое научное направление был проанализирован А.В. Карповым [7; 9].

Аналогично Л.С. Выготский связывал рефлексии с третьей, высшей ступенью интеллектуального

развития — “мышлением в понятиях” — и полагал, что именно образование понятий (т.е. способность к обобщению) является основой понимания себя и других людей [4].

Р. Стернберг в рамках триархической теории интеллекта трактовал метакомпоненты как фундаментальный аспект интеллекта: умные люди не только быстрее перерабатывают информацию, но и более эффективно управляют собственной интеллектуальной деятельностью [51]. По мнению Р. Нисбетта с соавторами, саморегулируемое поведение [46] (например, контроль удовлетворения актуальной потребности) является проявлением интеллекта. Непроизвольный и произвольный контроль, включая рефлексии, рассматриваются как компоненты метакогнитивного опыта в структуре интеллекта [29; 30]. Особый интерес в связи с изучением природы рефлексии в контексте психического развития и ее связи с интеллектом представляет понятие “контроль поведения” [25; 26]. Согласно Е.А. Сергиенко, он является важнейшим механизмом регуляции индивидуальных психических ресурсов человека, при этом подчеркивается, что “...контроль поведения является основой самоконтроля” [26, с. 160]. В свою очередь, контроль поведения включает такие компоненты, как когнитивный контроль, эмоциональная регуляция и волевой контроль. Когнитивный контроль рассматривается как комплекс интеллектуальных способностей и стилевых свойств интеллекта [Там же]. Таким образом, в онтогенезе линия развития самоконтроля (контроля субъектом своего поведения) оказывается тесно переплетенной с линией становления интеллекта.

Эмпирические исследования связей уровня рефлексии и уровня интеллекта малочисленны, а их результаты неоднозначны [14]. В частности, связи между уровнем психометрического интеллекта и уровнем рефлексии меняются с возрастом: в четвертых классах наблюдается слабая связь ($p = 0.05$), затем в шестых классах связи усиливаются ($p = 0.01$) и в десятых классах снова уменьшаются ($p = 0.05$) [34]. Подобного рода противоречивые данные, на наш взгляд, объясняются тем обстоятельством, что в большинстве исследований используются показатели психометрического интеллекта, которые, возможно, не имеют прямого отношения к формированию механизмов рефлексивной саморегуляции.

Основная проблема может быть сформулирована следующим образом: действительно ли высокий уровень рефлексии является условием эффективности разных видов деятельности и предпосылкой психологического благополучия личности (иными

словами, всегда ли рефлексия разворачивается к человеку только своей светлой стороной, а арефлексия — только своей темной стороной) и какие интеллектуальные способности играют ведущую роль в продуктивной рефлексивной саморегуляции?

Задачи исследования: проанализировать феноменологию рефлексии с учетом связей ее уровня с различными интеллектуальными и личностными свойствами, а также успешностью деятельности; обосновать роль метакогнитивных способностей как основы позитивных и негативных проявлений высокого и низкого уровня рефлексии, позволяющих говорить о светлых и темных сторонах как рефлексии, так и арефлексии.

Теоретическая гипотеза: как высокие, так и низкие показатели рефлексии (в том числе измеряемые с помощью соответствующих опросников) расщепляются на две субобласти, каждая из которых объединяет лиц с разным типом психической организации и разным типом поведения.

ЭФФЕКТ РАСЩЕПЛЕНИЯ ВЫСОКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ РЕФЛЕКСИИ

Постепенно накапливались факты, свидетельствующие о психологической неоднозначности высоких показателей рефлексии. Цикл исследований, проведенных А.В. Карповым и его сотрудниками, выявил, что с повышением рефлексивности качество принятия управленческих решений растет, но только до определенного предела, а затем начинает снижаться [6]. Более того, наибольший уровень структурной организации основных параметров метакогнитивной сферы имеет место на среднем (но не высоком!) уровне рефлексии [7; 33]. Эти факты позволили сделать важный вывод о том, что связь между уровнем рефлексии и мерой сложности ее структурной организации по отношению к результативным параметрам деятельности является нелинейной и описывается инвертированной U-образной кривой. По мнению Карпова, влияние высокой рефлексивности на эффективность принятия управленческих решений амбивалентно: с одной стороны, обеспечиваются широта и разнообразие способов принятия решения, а с другой — высокорефлексивные люди учитывают в ситуации выбора слишком много альтернатив и склонны усложнять ситуацию.

О психологической неоднозначности высоких показателей рефлексивности свидетельствует ряд других фактов, на которые обратили внимание А.А. Карпов и А.В. Карпов. В частности, высокий уровень развития многих метакогнитивных

параметров тесно связан с большей выраженностью психических качеств, которые отрицательно влияют на успешность интеллектуальной деятельности: нейротизма, психологических защит, склонности к психическому выгоранию и т.д. [5].

Негативное влияние высокого уровня рефлексии отчетливо проявляется в феномене руминации — склонности к чрезмерно длительному, фиксированному на деталях, назойливому обдумыванию проблемы. Отмечается связь руминации с проявлениями эмоциональной дезадаптации, в том числе депрессивными состояниями, враждебностью и т.д. [21; 28; 47; 48]. Аналогично личностная позиция в виде внимания, фокусированного на себе (self-focused attention), в том числе крайняя степень ее выраженности в виде чрезмерного вовлечения в собственные переживания, также может привести к депрессивным расстройствам и тревожности [41].

Психологическая неоднозначность высокого уровня рефлексии обнаруживает себя в случае воспринимаемого персонального контроля (perceived personal control) — индивидуальной веры в свою способность создавать благоприятные обстоятельства и избегать опасных ситуаций. С одной стороны, чувство персонального контроля является важным механизмом эффективной психической саморегуляции, особенно в экстремальных обстоятельствах. Так, Л.В. Виноградова эмпирически показала, что в выборке мужчин, осужденных за убийство жены, был снижен целый ряд параметров воспринимаемого персонального контроля. Соответственно, эти мужчины в условиях межличностного семейного конфликта не смогли найти адекватный вариант выхода из трудной жизненной ситуации [3]. Многие исследования свидетельствуют о том, что наличие чувства персонального контроля связано с целым рядом позитивных последствий (ментальное и физическое здоровье, адаптация к болезни и т.п.). С этой точки зрения воспринимаемый персональный контроль можно рассматривать как продуктивную форму рефлексии в виде самоэффективности — веры человека в эффективность собственных действий в той или иной ситуации и ожидание успеха от их реализации (А. Бандура). С другой стороны, утверждение “чем выше уровень личной веры в свою способность контролировать происходящее, тем лучше” не является верным. Существует множество фактов, свидетельствующих о негативных аспектах потребности контролировать происходящее [50].

Как это ни удивительно, контроль над стрессором скорее увеличивает стресс, чем его редуцирует. В частности, индивидуумы со слишком высокой верой в свою способность контролировать

события (те, кто затрачивает слишком много усилий на социальный контроль и доминирование), имеют более высокий риск кардиологических заболеваний. Кроме того, вера в персональный контроль имеет оборотную сторону, поскольку может вести к росту тревоги и самообвинения. Таким образом, в действительности "...соотношение между контролем и состоянием психологического здоровья является нелинейным" [Там же, с. 1251]. Иными словами, гиперперсональный контроль может выступать в качестве непродуктивной формы саморегуляции.

Почему же повышение произвольного контроля приводит к выраженным негативным последствиям? Один из возможных ответов на этот вопрос дал Дж.М. Бюргер, который понимал под контролем веру в свою способность существенно изменять события. По его мнению, влияние контроля опосредованно таким психическим явлением, как самопрезентация. Некоторые люди в большей мере, чем другие, озабочены социальной оценкой себя, поэтому для них исключительно важное значение имеет желательная самопрезентация, поддержание которой имеет цену в виде роста тревоги и беспокойства. Таким образом, "...повышенный контроль приводит к очень высокому уровню беспокойства относительно своей самопрезентации, что может привести скорее к снижению, чем к повышению производительности деятельности" [35, с. 250]. Кроме того, при высоком уровне воспринимаемого контроля (либо потребности в таком контроле) самопрезентация может деформироваться до уровня реализации защитной функции.

Разновидностью персонального контроля с негативными последствиями является феномен иллюзорного контроля (*illusory control*) — это воспринимаемая способность влиять на результаты, которые находятся вне пределов индивидуальных возможностей (например, когда человек с алкогольной зависимостью говорит, что он не имеет зависимости, потому что он может прекратить пить, когда захочет) [36; 43]. Характерно, что в психотерапевтической практике считается полезным формировать у клиентов чувство потери контроля, поскольку именно снижение персонального контроля открывает возможности для самообъяснения и самоизменения.

Существенным продвижением в объяснении противоречивой роли рефлексии является дифференциальная модель рефлексии [12]. Согласно этой модели, существуют разные формы рефлексивных процессов: системная рефлексия, интроспекция, квазирефлексия. Системная рефлексия основана на самодистанцировании, взгляде на себя со стороны одновременно

с учетом направленности на внешнюю ситуацию. Интроспекция (самокопание) характеризует склонность сосредотачиваться на собственных внутренних переживаниях и состояниях (как правило, негативных переживаниях и возможных нежелательных последствиях собственных действий). Квазирефлексия (посторонние размышления) направлена на объект, который не связан с актуальной жизненной ситуацией, т.е. это своего рода форма психологической защиты через уход от неприятной ситуации. Позже был разработан опросник, позволяющий выделить на полюсе рефлексивности три указанные выше формы рефлексии [13]. Следует отметить, что авторы не анализировали противоположный полюс — полюс арефлексии, хотя можно ожидать, что и низкие показатели рефлексивности (вплоть до ее отсутствия) могут быть психологически неоднородными.

Результаты с использованием данного опросника оказались весьма любопытными. В частности, у студентов с увеличением уровня рефлексии (в терминах "Методики диагностики уровня развития рефлексивности" А.В. Карпова) растет вероятность использования квазирефлексии в виде ухода от неприятной ситуации [1]. Кроме того, чем выше уровень рефлексии у студентов, тем больше вероятность агрессивных действий и меньше связь с проблемно-ориентированным копингом [Там же]. Отмечается, что только конструктивная форма рефлексивной саморегуляции (системная рефлексия) выступает в качестве внутреннего условия личностной зрелости, тогда как, напротив, неконструктивные формы рефлексивной саморегуляции (интроспекция и квазирефлексия) демонстрируют отрицательные связи с уровнем личностной зрелости [10].

Таким образом, в показателе высокой рефлексии можно констатировать наличие двух составляющих, продуктивной и непродуктивной: высокий уровень рефлексии может скрывать либо продуктивные формы саморегуляции с позитивными последствиями (повышение успешности деятельности, самоэффективность, системная рефлексия), либо дезадаптивные формы саморегуляции с негативными последствиями (снижение успешности деятельности, руминация, гиперперсональный контроль, иллюзорный контроль, интроспекция, квазирефлексия).

ЭФФЕКТ РАСЩЕПЛЕНИЯ НИЗКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ РЕФЛЕКСИИ

Гораздо менее очевиден эффект расщепления противоположного полюса, а именно области низких показателей уровня рефлексии (так называемой

арефлексии — состояния, когда человек полностью сосредоточен на внешнем объекте/ситуации при отсутствии направленности сознания на собственные состояния в виде самооценки, самоанализа, самомониторинга и т.п.). Действительно существуют многочисленные факты, свидетельствующие о том, что низкие показатели рефлексии связаны с разного рода эмоциональными и личностными нарушениями, а также снижением показателей успешности разных видов деятельности [9].

В качестве негативного проявления арефлексии можно рассматривать феномен выученной беспомощности (М. Селигман) — это состояние, которое возникает как результат неоднократного опыта столкновения со стрессовой ситуацией при переживании ее неконтролируемости. Постепенно у человека формируется убеждение в своей неспособности контролировать либо изменить ситуацию, даже если для этого складываются очевидные благоприятные условия. Рефлексия в этом случае снижается до минимума.

Характерно, что на фоне низкого уровня рефлексии начинают формироваться разного рода защитные механизмы: например, при росте выученной беспомощности растет вера в паранормальные явления, поскольку паранормальные убеждения помогают снять с себя ответственность за контроль над происходящим [53]; отмечается связь выученной беспомощности с отказом студентов изучать математику [40].

Примером негативного проявления арефлексии является феномен психологической инкапсуляции (К. Левин) — поведение, при котором индивид защищается от болезненных переживаний, связанных с восприятием трагических ситуаций, или ситуаций, противоречащих базовым убеждениям личности (например, человек выключает телевизор, где показываются сцены насилия; игнорирует любую альтернативную информацию в условиях противостояния “мы—они” и т.д.). Рефлексивная саморегуляция в этом случае минимальна. Хотя обычно психологическую инкапсуляцию связывают с подростковым возрастом либо с вытеснением детской травмы (это уже область психопатологии), подобное арефлексивное поведение весьма характерно для многих нормальных взрослых людей.

Если негативные формы арефлексии выделить достаточно легко, то позитивные ее формы, казалось бы, невозможны. Тем не менее существуют варианты поведения, когда низкий уровень рефлексии является предпосылкой как эффективности деятельности, так и психологического благополучия.

Прежде всего это имплицитное научение. Знание, приобретенное в ходе имплицитного научения, не осознается и не может быть вербализовано, т.е. оно по механизмам возникновения и форме проявления является нерефлексивным, при этом человек, используя такие субсознательные знания, успешно решает задачи [37; 38]. Более того, успешность познавательной деятельности может снижаться при включении рефлексивной регуляции. Обобщив результаты подобного рода исследований, Н.В. Морошкина и И.И. Иванчей пришли к выводу о том, что “сознательный контроль в задаче может препятствовать как формированию имплицитного знания, так и его извлечению” [15, с. 114].

Продуктивный характер арефлексии обнаруживает себя в деятельности экспертов. Чем выше способности эксперта в соответствующей предметной области, тем менее он способен к описанию знаний, используемых им для решения задач. Эксперт нерефлексивен не только в плане вербализации процесса своей интеллектуальной деятельности, но и на этапе принятия решений (по словам Р. Глезера, эксперты — “скорее блестящие опознаватели, нежели глубокие мыслители”). Тем не менее — и это обстоятельство необходимо подчеркнуть — эксперты активно используют рефлексивные стратегии (при изучении своей предметной области, оценке альтернативных позиций, анализе обнаруженных противоречий и т.д.).

Иллюстрацией позитивного влияния свертывания рефлексивной (произвольной) саморегуляции является вторичный контроль (*secondary control*) — процесс, посредством которого люди корректируют некоторые аспекты своего Я и принимают обстоятельства такими, какие они есть, т.е. приводят себя в соответствие с требованиями окружающей среды [44; 49]. В этом плане вторичный контроль отличается от первичного (*primary control*), который является собственно контролем в прямом значении этого термина и предполагает попытки изменить ситуацию с тем, чтобы она соответствовала индивидуальным потребностям. Одно из проявлений вторичного контроля — это специфическая стратегия совладания в виде нежелания преодолевать трудности и отказа от вовлеченности в ситуацию (*relinquished coping*).

Казалось бы, вторичный контроль — это пассивная форма контакта с окружением, тем не менее он является адаптивным средством для преодоления трудностей и может преобладать в определенных культурных контекстах (в частности, вторичный контроль чаще используется представителями восточных сообществ по сравнению

с представителями западных) и оказывается полезным для установления межличностных отношений [42]. Отмечается, что вторичный контроль сопряжен с целым рядом позитивных последствий, в том числе снижением депрессии и тревоги в стрессовой ситуации.

Для нас важным представляется заключение о том, что некоторые люди парадоксальным образом используют обе стратегии (принимать обстоятельства и изменять их) одновременно [44]. Более того, ощущение способности принимать обстоятельства может усилить уверенность в возможности их изменения, и наоборот, ощущение способности изменять обстоятельства поддерживает способность их терпеть, если затраты на первичный контроль в данный момент времени оказываются слишком высокими. Отметим, что подобный парадокс одновременности не может быть описан и объяснен в рамках традиционной линейной интерпретации рефлексии и арефлексии.

Типичным примером позитивной роли арефлексии является феномен избирательной осмысленности (*mindfulness*) в виде “отстранения”, когда блокируются оценки типа “хорошо—плохо” в анализе чужой или собственной деятельности и отсутствуют попытки контролировать либо подавлять свои состояния и мысли. То есть человек при низком уровне рефлексивной регуляции может занять ментальную позицию наблюдателя, полностью принимая внутреннюю логику событий без попытки вмешаться в происходящее. Состояние майндфулнесс предполагает специфическую саморегуляцию внимания, позволяющую сконцентрироваться на настоящем моменте. Описан целый ряд позитивных последствий этого ментального состояния, включая увеличение чувства психологического благополучия и удовлетворенности межличностными отношениями, снижение когнитивной и эмоциональной реактивности [20].

На полюсе арефлексии, как правило, находится творческая деятельность, поскольку порождение творческого продукта — это не столько результат произвольной саморегуляции интеллектуальной деятельности, сколько следствие работы непроизвольных психических механизмов, которые реализуются в таких эффектах, как озарение, инсайт, догадка, инкубация и т.п. Во многих исследованиях показано отсутствие рефлексивного самомониторинга в процессе приближения к инсайтному решению, более того, продукты творческого мышления далеко не всегда являются результатом сознательных усилий [2; 11]. В то же время, что также важно отметить, для творческих людей характерна индивидуально-специфическая форма рефлексивной

саморегуляции (уникальные способы самостимуляции творческого процесса, особый тип самопрезентации и т.д.).

Таким образом, можно говорить о расщеплении полюса арефлексии (в виде отсутствия рефлексии либо ее слабой представленности) на две составляющие: непродуктивную форму саморегуляции (снижение успешности деятельности, выученная беспомощность, психологическая инкапсуляция) и продуктивную форму саморегуляции (имплицитное научение, интеллектуальное поведение экспертов, вторичный контроль, майндфулнесс, творческий процесс).

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что эффект расщепления высоких и низких показателей рефлексии заключается в следующем. Каждый из полюсов — и полюс высоких показателей рефлексии, и полюс низких показателей рефлексии — “расщепляется” на две субобласти в зависимости от представленности продуктивной и непродуктивной составляющих. Высокий уровень рефлексии скрывает как эффективную произвольную саморегуляцию, так и неадаптивные механизмы саморегуляции. В свою очередь, за низким уровнем рефлексии могут скрываться как эффективные механизмы непроизвольной саморегуляции, так и неспособность к контролю собственных состояний и происходящего.

Можно сделать вывод о том, что рефлексия в разных диапазонах ее проявления — это многомерное психическое явление, которое характеризуется разными формами саморегуляции как с позитивными, так и с негативными последствиями.

ОБСУЖДЕНИЕ

Основной вопрос, требующий обсуждения, — это вопрос о психических механизмах, лежащих в основе эффекта расщепления высокого и низкого уровней рефлексии, особенно на полюсах этого измерения, когда речь идет о гиперрефлексии или арефлексии. Почему рефлексивная саморегуляция может обернуться либо светлой, либо темной стороной?

На наш взгляд, следует обратиться к понятию метакогнитивных способностей и уточнить его содержание [8; 31]. Согласно нашему определению, *метакогнитивные способности* — это психические свойства, которые отвечают за продуктивность произвольной и непроизвольной саморегуляции индивидуальных ментальных ресурсов в процессе построения ментальных репрезентаций прошлых, настоящих и будущих событий.

Ядро метакогнитивных способностей — это способность к контролю индивидуальной психической активности. *Интеллектуальный контроль* — это система психических механизмов, которые “изнутри” субъекта отвечают за такие ментальные процедуры, как мониторинг, проверка, сдерживание, торможение, коррекция, управление. Назначение интеллектуального контроля — участие в построении ментальных репрезентаций актуального субъект-объектного взаимодействия, приведенных в соответствие с субъективными намерениями и объективными обстоятельствами.

Метакогнитивные способности включают *произвольный интеллектуальный контроль* и *непроизвольный интеллектуальный контроль*. *Произвольный контроль* — это осознанное управление своими ментальными ресурсами в процессе построения ментальных репрезентаций (планирование, оценка, поиск и коррекция ошибок, регуляция умственных действий и психических состояний, предвосхищение, обоснование выбора, формирование смыслов, инициация новой деятельности и т.д.). *Непроизвольный контроль* — неосознанное управление процессами переработки информации в процессе построения ментальных репрезентаций (торможение доминирующего сигнала в пользу более слабого, но релевантного; распределение внимания в пространстве множества признаков в зависимости от степени их значимости; оперативная и избирательная активизация рабочей памяти; особенности перцептивного сканирования; преодоление интерференции стимулов и т.д.). В разных исследованиях проявления произвольного контроля изучаются в контексте исследований рефлексии, непроизвольного контроля — управляющих функций (executive functions).

Если мы рассмотрим полюс высокой рефлексии, то продуктивные формы рефлексивной саморегуляции предполагают высокий уровень метакогнитивных способностей, т.е. сформированность произвольного контроля в сочетании с непроизвольным. Что касается непродуктивных форм рефлексивной саморегуляции (при столь же высоком уровне рефлексии), в этом случае имеет место низкий уровень метакогнитивных способностей,

прежде всего за счет редукции непроизвольного контроля над процессом построения ментальной репрезентации происходящего. Например, в виде дефицитов организации внимания: во-первых, снижения селективности внимания (отсюда избыточность признаков в составе ментальной репрезентации либо неспособность дифференцировать релевантные и нерелевантные признаки); во-вторых, чрезмерной фиксированности внимания на отдельных нерелевантных признаках; в-третьих, смещения фокуса внимания на содержание собственного Я и, как следствие, центрацию и сужение ментального образа ситуации. Именно снижение селективности, рост фиксированности и смещенный фокус внимания выступают в качестве предпосылки искажения ментальной репрезентации, что и провоцирует защитное поведение в случае гиперрефлексии.

На полюсе низкой рефлексии продуктивная саморегуляция основывается на высоком уровне непроизвольного контроля, однако при необходимости включается и произвольный контроль. Возможность спонтанного либо осознанного перехода от непроизвольной к произвольной саморегуляции отчетливо проявляется в интеллектуальной деятельности компетентных и талантливых людей: на уровне непроизвольного контроля осуществляется опознание противоречий, выделение релевантных признаков, быстрое принятие решения и т.д.; на уровне произвольного контроля — длительное и тщательное изучение соответствующей предметной области, готовность рассматривать альтернативные варианты, открытая познавательная позиция и т.д. В свою очередь, непродуктивная саморегуляция — при столь же низком уровне рефлексии — обусловлена низким уровнем сформированности и непроизвольного, и произвольного контроля, что стимулирует импульсивное поведение в самых разных его проявлениях.

Эффект расщепления высоких и низких показателей рефлексии может быть представлен в следующем виде (см. рисунок).

Таким образом, в качестве основного критерия, обеспечивающего эффект расщепления высоких и низких показателей рефлексии, выступают

Эффект расщепления высоких и низких показателей рефлексии

метакогнитивные способности. Именно высокий либо низкий уровень сформированности метакогнитивных способностей (в виде меры эффективности произвольного и непроизвольного контроля) является причиной тому, что рефлексия и арефлексия обретают свою светлую либо темную стороны. Иными словами, собственно рефлексия — для ее описания можно употреблять термины “рефлексивные способности” [17; 18] либо “системная рефлексия” [12] — предполагает действие и произвольных, и непроизвольных механизмов метакогнитивной саморегуляции.

При этом важно учитывать дополнительные свойства метакогнитивных способностей, которые обуславливают продуктивные формы рефлексии и арефлексии (их светлые стороны): 1) *биполярность* — сформированность двух разных способов саморегуляции (непроизвольного и произвольного) и возможность их одновременной актуализации; 2) *мобильность* — оперативное изменение меры выраженности рефлексии на всем диапазоне ее проявлений — от минимума до максимума в зависимости от требований ситуации.

Одной из перспективных линий дальнейших исследований эффекта расщепления показателей рефлексии является изучение роли понятийных способностей (шире — понятийного опыта личности). Есть основания предполагать, что чем выше способность к обобщению и концептуализации, тем в большей мере сформированы метакогнитивные способности.

В контексте поставленного вопроса нельзя не вспомнить блестящую раннюю книгу Л.Л. Терстоуна, в которой он определял интеллект как способность подавлять (тормозить) актуальную потребность. Подобного рода “отсроченное” поведение, по его утверждению, связано с работой “обобщающего мышления”, позволяющего воспринимать и интерпретировать ситуацию в более абстрактном виде [52].

Современные исследования подтверждают идею о том, что формирование рефлексии как специфического механизма саморегуляции теснейшим образом связано с формированием понятийного мышления. Так, по мере развития представлений детей о целях своей деятельности происходит (благодаря усвоению категорий) смещение от конкретных целей ко все более абстрактным, одновременно с этим растет эффективность произвольной саморегуляции: обеспечивается более гибкое поведение за счет преодоления поведенческих привычек; контроль оказывается все более самостоятельным, так как его правила порождаются самим ребенком; поведение становится менее импульсивным и т.д.

[45]. Кроме того, именно понятийное мышление выступает в качестве промежуточного звена, которое связывает интеллектуальную (метакогнитивную регуляцию познавательной деятельности) и личностную (смысловую интеграцию мотивационно-потребностной сферы личности) рефлексии [24].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Многие противоречия в психологических исследованиях объясняются игнорированием того обстоятельства, что в действительности психические объекты и, соответственно, их проявления имеют многомерный (нелинейный) характер. Одним из доказательств в пользу многомерной природы психических свойств является эффект расщепления традиционных психологических показателей: показатель *с одной и той же количественной мерой выраженности* характеризуется психологической неоднозначностью, скрывая за собой радикально разные типы психической организации и разные типы поведения.

Ранее этот эффект был описан на примере когнитивных стилей [31], психометрического интеллекта и психометрической креативности [32], эмпатии [27]. Иными словами, можно ожидать, что эффект расщепления имеет универсальный характер. Если это так, то возникает необходимость учета многомерной (нелинейной) природы психических явлений и, следовательно, пересмотра процедур интерпретации показателей традиционных психодиагностических методик и методов обработки эмпирических данных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авраменко Н.Н. Роль рефлексивных процессов в выборе стратегий совладания с трудными жизненными ситуациями у студентов // Вестник Костромского гос. ун-та. Сер. Педагогика. Психология. Социоконетика. 2016. Т. 22. № 3. С. 128–132.
2. Валуева Е.А., Ушаков Д.В. Инсайт и инкубация в мышлении: роль процессов осознания // Сибирский психологический журнал. 2017. № 63. С. 19–35.
3. Виноградова Л.В. Интеллектуальный контроль как способ интерпретации эмоционально-трудных жизненных ситуаций // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 6. С. 21–28.
4. Выготский Л.С. Мышление и речь // Собр. соч. Т. 2. М.: Педагогика, 1982. С. 5–361.

5. *Карпов А.А., Карпов А.В.* Взаимосвязь психометрического интеллекта с организацией метакогнитивных процессов и качеств личности // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 2. С. 69–78.
6. *Карпов А.В., Пономарева В.В.* Психология рефлексивных процессов управления. М.-Ярославль: Диа-Пресс, 2000.
7. *Карпов А.В.* Психология рефлексивных механизмов деятельности. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2004.
8. *Карпов А.В.* О понятии метакогнитивных способностей личности // Психология интеллекта и творчества / Под ред. А.Л. Журавлева, М.А. Холодной и др. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2010. С. 35–46.
9. *Карпов А.В.* Психология сознания. Метасистемный подход. М.: Изд-во РАО, 2011.
10. *Костенко В.Ю.* Рефлексивные предпосылки личностной зрелости: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2017.
11. *Лантева Н.М.* Инкубация в решении творческих задач: гипотезы и перспективы исследований // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2020. Т. 17. № 4. С. 630–644.
12. *Леонтьев Д.А., Аверина А.Ж.* Феномен рефлексии в контексте проблемы саморегуляции // Психологические исследования: электрон. науч. журнал. 2011. № 2 (16). URL: <http://psystudy.ru/index.php/2011n2-16/463-leontiev-averina16.html> (дата обращения: 20.10.2021).
13. *Леонтьев Д.А., Осин Е.Н.* Рефлексия “хорошая” и “дурная”: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11. № 4. С. 110–135.
14. *Литвинов А.В., Иволина Т.В.* Метакогниция: понятие, структура, связь с интеллектуальными и когнитивными способностями (по материалам зарубежных исследований) // Современная зарубежная психология. 2013. № 3. С. 59–70.
15. *Морошкина Н.В., Иванчей И.И.* ИмPLICITное научение: исследование соотношения осознаваемых и неосознаваемых процессов в когнитивной психологии // Методология и история психологии. 2012. Т. 7. № 4. С. 109–131.
16. *Моросанова В.И.* Осознанная саморегуляция произвольной активности человека как психологический ресурс достижения целей // Теоретическая и экспериментальная психология. 2014. Т. 7. № 4. С. 62–78.
17. *Ожиганова Г.В.* Рефлексия, рефлексивность и высшие рефлексивные способности: подходы к исследованию // Вестник Костромского гос. ун-та. Сер. Педагогика. Психология. Социокинетика. 2018. № 4. С. 56–60.
18. *Перевалова О.В.* Рефлексивные способности личности как полинаучная категория // Вестник Красноярского гос. пед. ун-та. 2012. № 2. С. 237–244.
19. *Пижае Ж.* Психология интеллекта // Психологические труды. М.: Просвещение, 1969.
20. *Пуговкина О.Д., Шильникова З.И.* Концепция mindfulness (осознанность): неспецифический фактор психологического благополучия // Современная зарубежная психология. 2014. № 2. С. 18–28.
21. *Сагалакова О.А., Труевцев Д.В.* Руминации в контексте метакогниций, неадаптивных схем и психической ригидности // Известия Алтайского гос. ун-та. 2011. № 2/1 (70). С. 69–72.
22. *Семенов И.Н.* Рефлексивная психология творчества: концепции, экспериментатика, практика // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 2. № 4. С. 65–73.
23. *Семенов И.Н.* Рефлексивность самонаблюдения и персонология интроспекции: к онтологии и методологии рефлексивной психологии индивидуальности // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2015. № 3. С. 22–39.
24. *Серегин К.С.* Связь рефлексии и понятийного мышления подростков: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2013.
25. *Сергиенко Е.А., Виленская Г.А., Ковалева Ю.В.* Контроль поведения как субъектная регуляция. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2010.
26. *Сергиенко Е.А.* Психическое развитие с позиций системно-субъектного подхода. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2021.
27. *Соловьева Е.В.* Выраженность параметров эмпатии при уровнях авторитарной агрессии // Методология современной психологии. 2021. № 4. С. 123–127.
28. *Филинская М.А., Лифинцев Д.В.* Взаимосвязь руминативного мышления и эмоциональной дезадаптации у школьников старших классов (9, 10, 11 класс) // Устойчивое развитие науки и образования. 2019. № 8. С. 69–77.
29. *Холодная М.А.* Психология интеллекта: Парадоксы исследования. М.-Томск: Барс, 1997.
30. *Холодная М.А.* Психология интеллекта: Парадоксы исследования. 3-е изд., доп. и перераб. М.: Юрайт, 2019.
31. *Холодная М.А.* Когнитивные стили: О природе индивидуального ума. 2-е изд., доп. и перераб. СПб.: Питер, 2004.
32. *Холодная М.А.* Многомерная природа показателей интеллекта и креативности: теоретические и методические следствия // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 3. С. 18–31.
33. *Чемякина А.В., Перевозкина Ю.М., Карпов А.В., Карпов А.А.* Структурные закономерности рефлексивной детерминации управленческой деятельности

- в образовательном пространстве // Вестник Новосибирского гос. пед. ун-та. 2018. Т. 8. № 5. С. 209–228.
34. *Шадриков В.Д., Кузнецова М.Д.* Динамика связей показателей интеллекта и рефлексии в процессе обучения // Акмеология. 2013. № 1 (45). С. 31–45.
 35. *Burger J.M.* Negative reactions to increases in perceived personal control // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1989. V. 56. № 2. P. 246–256.
 36. *Cowley E., Briley D.A., Farrell C.* How do gamblers maintain an illusion of control // *Journal of Business Research*. 2015. V. 68. № 10. P. 2181–2188.
 37. *Dienes Z., Perner J.* A theory of implicit and explicit knowledge // *Behavioral and Brain Sciences*. 1999. № 22. P. 735–808.
 38. *Dienes Z., Scott R.* Measuring unconscious knowledge: Distinguishing structural knowledge and judgment knowledge // *Psychological Research*. 2005. № 69. P. 338–351.
 39. *Flavell J.H.* Metacognition and cognitive monitoring: A new area of cognitive-developmental inquiry // *American Psychologist*. 1979. V. 34. № 10. P. 96–101.
 40. *Hwang J.* Relationships among locus of control, learned helplessness, and mathematical literacy in PISA 2012: focus on Korea and Finland // *Large-Scale Assess Education*. 2019. V. 7. № 4.
 41. *Ingram R.E.* Self-focused attention in clinical disorders: Review and a conceptual model // *Psychological Bulletin*. 1990. V. 107. № 2. P. 156–176.
 42. *Lam A.G., Zane N.W.S.* Ethnic differences in coping with interpersonal stressors: A test of self-construals as cultural mediators // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2004. V. 35. P. 446–459.
 43. *Langer E.J.* The illusion of control // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1975. V. 32. № 2. P. 311–328.
 44. *Morling B., Evered S.* Secondary control reviewed and defined // *Psychological Bulletin*. 2006. V. 132 № 2. P. 269–296.
 45. *Munakata Y., Snyder H.R., Chatham Ch.H.* Developing Cognitive control: Three Key Transitions // *Current Directions in Psychological Science*. 2012. V. 21. № 2. P. 71–77.
 46. *Nisbett R.E., Aronson J., Blair C., Dickens W., Flynn J., Halpern D.F., Turkheimer E.* Intelligence: New findings and theoretical developments // *American Psychologist*. 2012. V. P. 130–159.
 47. *Nolen-Hoeksema S., Parker L.E., Larson J.* Ruminative coping with depressed mood following loss // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1994. V. 67. № 1. P. 92–104.
 48. *Nolen-Hoeksema S., Wisco B.E., Lyubomirsky S.* Rethinking Rumination // *Perspectives on Psychological Science*. 2008. V. 3. № 5. P. 400–424.
 49. *Rothbaum F., Weisz J.R., Snyder S.S.* Changing the world and changing the self: A two-process model of perceived control // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1982. V. 42. № 1. P. 5–37.
 50. *Shapiro D.H., Schwartz C.E., Astin J.A.* Controlling ourselves, controlling our world: Psychology's role in understanding positive and negative consequences of seeking and gaining control // *American Psychologist*. 1996. V. 51. № 12. P. 1213–1230.
 51. *Sternberg R.J.* The triarchic mind: A new theory of human intelligence. N.Y.: Viking Penguin Inc., 1988.
 52. *Thurstone L.L.* The nature of intelligence. London: K. Paul, Trench, Trubner & Co., Ltd.; New York: Harcourt, Brace & Company, Inc., 1924.
 53. *Watt C., Watson S., Wilson L.* Cognitive and psychological mediators of anxiety: Evidence from a study of paranormal belief and perceived childhood control // *Personality and Individual Difference*. 2007. V. 42. № 2. P. 335–343.

LIGHT AND DARK SIDES OF REFLECTION AND AREFLECTION: SPLITTING EFFECT

M. A. Kholodnaya

*Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences;
129366, Moscow, Yaroslavskaia str., 13, bldn. 1, Russia.
ScD (Psychology), Professor, Leading Research Officer of Laboratory of Psychology
of Abilities and Mental Resources Named after V.N. Druzhinin.
E-mail: kholod@psychol.ras.ru*

Received 06.12.2021

Abstract. The objectives of this study are to analyze the phenomenology of reflection, taking into account the relationship of the level of reflection with various intellectual and personal properties and the success of the activity. Along with this, the objectives of the study are to substantiate the role of metacognitive abilities as the basis of positive and negative manifestations of a high and low level of reflection, allowing us to talk about the light and dark sides of reflection and areflection. The results of the analysis describe the manifestations of the “splitting effects” of high and low reflection indicators. The pole of high reflection can hide both productive forms of self-regulation with positive consequences (such as increasing the success of activities, self-efficacy, systemic reflection), and maladaptive forms of self-regulation with negative consequences (decreased success in activities, rumination, hyperpersonal control, illusory control, introspection, quasi-reflection). In turn, the pole of low reflection also “splits” into two different components: productive forms of self-regulation with positive consequences (implicit learning, intellectual behavior of experts, secondary control, selective mindfulness, creative process) and maladaptive forms of self-regulation with negative consequences (decreased success, learned helplessness, psychological encapsulation). In addition, the mechanism that provides the effect of splitting high and low indicators of reflection is metacognitive abilities (the ability to involuntarily and voluntarily control one’s mental activity). The results of the study allow us to conclude the multidimensional (nonlinear) nature of reflection.

Keywords: reflection, self-regulation, cognitive control, voluntary control, involuntary control, “splitting effect”, metacognitive abilities.

REFERENCES

1. *Avramenko N.N.* Rol’ refleksivnyh processov v vybere strategij sovladaniya s trudnymi zhiznennymi situacijami u studentov. Vestnik Kostromskogo gos. un-ta. Serija: Pedagogika. Psihologija. Sociokinetika. 2016. V. 22. № 3. P. 128–132.
2. *Valueva E.A., Ushakov D.V.* Insajt i inkubacija v myshlenii: rol’ processov osoznaniya. Sibirskij psihologicheskij zhurnal. 2017. № 63. P. 19–35.
3. *Vinogradova L.V.* Intel’kual’nyj kontrol’ kak sposob interpretacii jemocional’no-trudnyh zhiznennyh situacij. Psihologicheskij zhurnal. 2004. V. 25. № 6. P. 21–28.
4. *Vygotskij L.S.* Myshlenie i rech’. Sobr. soch. V. 2. Moscow: Pedagogika, 1982. P. 5–361.
5. *Karpov A.A., Karpov A.V.* Vzaimosvjaz’ psihometricheskogo intellekta s organizaciej metakognitivnyh processov i kachestv lichnosti. Psihologicheskij zhurnal. 2016. V. 37. № 2. P. 69–78.
6. *Karpov A.V., Ponomareva V.V.* Psihologija refleksivnyh processov upravlenija. Moscow-Jaroslavl: Dia-Press, 2000.
7. *Karpov A.V.* Psihologija refleksivnyh mehanizmov dejatel’nosti. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 2004.
8. *Karpov A.V.* O ponjatii metakognitivnyh sposobnostej lichnosti. Psihologija intellekta i tvorcestva. Eds. A.L. Zhuravleva, M.A. Holodnaya i dr. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 2010. P. 35–46.
9. *Karpov A.V.* Psihologija soznaniya. Metasistemnyj podhod. Moscow: Izd-vo RAO, 2011.
10. *Kostenko V. Ju.* Refleksivnye predposylki lichnostnoj zrelosti: Dis. ... kand. psihol. nauk. Moscow, 2017.
11. *Lapteva N.M.* Inkubacija v reshenii tvorcheskih zadach: gipotezy i perspektivy issledovanij. Psihologija. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki. 2020. V. 17. № 4. P. 630–644.
12. *Leont’ev D.A., Averina A.Zh.* Fenomen refleksii v kontekste problemy samoreguljacii. Psihologicheskie issledovanija: jelektron. nauch. zhurnal. 2011. № 2 (16). URL: <http://psystudy.ru/index.php/2011n2-16/463-leontiev-averina16.html> (data obrashhenija: 20.10.2021).
13. *Leont’ev D.A., Osin E.N.* Refleksija “horoshaja” i “durnaja”: ot ob’jasnitel’noj modeli k differencial’noj diagnostike. Psihologija. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki. 2014. V. 11. № 4. P. 110–135.
14. *Litvinov A.V., Ivolina T.V.* Metakognicija: Ponjatie, struktura, svjaz’ s intellektual’nymi i kognitivnymi sposobnostjami (po materialam zarubezhnyh issledovanij). Sovremennaja zarubezhnaja psihologija. 2013. № 3. P. 59–70.
15. *Moroshkina N.V., Ivanchej I.I.* Implicitnoe nauchenie: issledovanie sootnoshenija osoznavaemyh i neosoznavaemyh processov v kognitivnoj psihologii. Metodologija i istorija psihologii. 2012. V. 7. № 4. P. 109–131.
16. *Morosanova V.I.* Osoznannaja samoreguljacija proizvol’noj aktivnosti cheloveka kak psihologicheskij resurs dostizhenija celej. Teoreticheskaja i jeksperimental’naja psihologija. 2014. V. 7. № 4. P. 62–78.
17. *Ozhiganova G.V.* Refleksija, refleksivnost’ i vysshie refleksivnye sposobnosti: podhody k issledovaniju. Vestnik Kostromskogo gos. un-ta. Serija: Pedagogika. Psihologija. Sociokinetika. 2018. № 4. P. 56–60.
18. *Perevalova O.V.* Refleksivnye sposobnosti lichnosti kak polinauchnaja kategorija. Vestnik Krasnojarskogo gos. ped. un-ta. 2012. № 2. P. 237–244.
19. *Piazhe Zh.* Psihologija intellekta. Psihologicheskie trudy. Moscow: Prosveshhenie, 1969.
20. *Pugovkina O.D., Shil’nikova Z.I.* Koncepcija mindfulness (osoznannost’): nespecificheksij faktor psihologicheskogo blagopoluchija. Sovremennaja zarubezhnaja psihologija. 2014. № 2. P. 18–28.

21. *Sagalakova O.A., Truevcev D.V.* Ruminacii v kontekste metakognicij, neadaptivnyh shem i psihicheskoj rigidnosti. *Izvestija Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2011. № 2/1 (70). P. 69–72.
22. *Semenov I.N.* Refleksivnaja psihologija tvorcestva: koncepcii, jeksperimentatika, praktika. *Psihologija. Zhurnal Vysšej shkoly jekonomiki*. 2005. V. 2. № 4. P. 65–73.
23. *Semenov I.N.* Refleksivnost' samonabljudenija i personologija introspekcii: k ontologii i metodologii refleksivnoj psihologii individual'nosti. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 14: Psihologija*. 2015. № 3. P. 22–39.
24. *Seregin K.S.* Svjaz' refleksii i ponjatijnogo myshlenija podrostkov: Dis. ... kand. psihol. nauk. M., 2013.
25. *Sergienko E.A., Vilenskaja G.A., Kovaleva Ju.V.* Kontrol' povedenija kak sub'ektnaja reguljacija. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2010.
26. *Sergienko E.A.* Psihicheskoe razvitie s pozicij sistemno-sub'ektnogo podhoda. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2021.
27. *Solov'eva E.V.* Vyrazhennost' parametrov jempatii pri urovnjah avtoritarnoj agressii. *Metodologija sovremennoj psihologii*. 2021. № 4. P. 123–127.
28. *Filinskaja M.A., Lifincev D.V.* Vzaimosvjaz' ruminativnogo myshlenija i jemocional'noj dezadaptacii u shkol'nikov starshih klassov (9, 10, 11 klass). *Ustojchivoe razvitie nauki i obrazovanija*. 2019. № 8. P. 69–77.
29. *Kholodnaya M.A.* Psihologija intellekta: Paradoksy issledovanija. Moscow-Tomsk: Bars, 1997.
30. *Kholodnaya M.A.* Psihologija intellekta: Paradoksy issledovanija. 3-e izd., dop. i pererab. Moscow: Urait, 2019.
31. *Kholodnaya M.A.* Kognitivnye stili: O prirode individual'nogo uma. 2-e izd., dop. i pererab. Saint Petersburg: Piter, 2004.
32. *Kholodnaya M.A.* Mnogomernaja priroda pokazatelej intellekta i kreativnosti: teoreticheskie i metodicheskie sledstvija. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2020. V. 41. № 3. P. 18–31.
33. *Chemjakina A.V., Perevozkina Ju.M., Karpov A.V., Karpov A.A.* Strukturnye zakonomernosti refleksivnoj determinacii upravlencheskoj dejatel'nosti v obrazovatel'nom prostranstve. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2018. V. 8. № 5. P. 209–228.
34. *Shadrikov V.D., Kuznecova M.D.* Dinamika svjazej pokazatelej intellekta i refleksii v processe obuchenija. *Akmeologija*. 2013. № 1(45). P. 31–45.
35. *Burger J.M.* Negative reactions to increases in perceived personal control. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1989. V. 56. № 2. P. 246–256.
36. *Cowley E., Briley D.A., Farrell C.* How do gamblers maintain an illusion of control. *Journal of Business Research*. 2015. V. 68. № 10. P. 2181–2188.
37. *Dienes Z., Perner J.* A theory of implicit and explicit knowledge. *Behavioral and Brain Sciences*. 1999. № 22. P. 735–808.
38. *Dienes Z., Scott R.* Measuring unconscious knowledge: Distinguishing structural knowledge and judgment knowledge. *Psychological Research*. 2005. № 69. P. 338–351.
39. *Flavell J.H.* Metacognition and cognitive monitoring: A new area of cognitive-developmental inquiry. *American Psychologist*. 1979. V. 34. № 10. P. 96–101.
40. *Hwang J.* Relationships among locus of control, learned helplessness, and mathematical literacy in PISA 2012: focus on Korea and Finland. *Large-scale Assess Education*. 2019. V. 7. № 4.
41. *Ingram R.E.* Self-focused attention in clinical disorders: Review and a conceptual model. *Psychological Bulletin*. 1990. V. 107. № 2. P. 156–176.
42. *Lam A.G., Zane N.W.S.* Ethnic differences in coping with interpersonal stressors: A test of self-construals as cultural mediators. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2004. V. 35. P. 446–459.
43. *Langer E.J.* The illusion of control. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1975. V. 32. № 2. P. 311–328.
44. *Morling B., Evered S.* Secondary control reviewed and defined. *Psychological Bulletin*. 2006. V. 132. № 2. P. 269–296.
45. *Munakata Y., Snyder H.R., Chatham Ch.H.* Developing Cognitive Control: Three Key Transitions. *Current Directions in Psychological Science*. 2012. V. 21. № 2. P. 71–77.
46. *Nisbett R.E., Aronson J., Blair C., Dickens W., Flynn J., Halpern D.F., Turkheimer E.* Intelligence: New findings and theoretical developments. *American Psychologist*. 2012. V. P. 130–159.
47. *Nolen-Hoeksema S., Parker L.E., Larson J.* Ruminative coping with depressed mood following loss. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1994. V. 67. № 1. P. 92–104.
48. *Nolen-Hoeksema S., Wisco B.E., Lyubomirsky S.* Rethinking Rumination. *Perspectives on Psychological Science*. 2008. V. 3. № 5. P. 400–424.
49. *Rothbaum F., Weisz J.R., Snyder S.S.* Changing the world and changing the self: A two-process model of perceived control. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1982. V. 42. № 1. P. 5–37.
50. *Shapiro D.H., Schwartz C.E., Astin J.A.* Controlling ourselves, controlling our world: Psychology's role in understanding positive and negative consequences of seeking and gaining control. *American Psychologist*. 1996. V. 51. № 12. P. 1213–1230.
51. *Sternberg R.J.* The triarchic mind: A new theory of human intelligence. N.Y.: Viking Penguin Inc., 1988.
52. *Thurstone L.L.* The nature of intelligence. London: K. Paul, Trench, Trubner & Co., Ltd.; New York: Harcourt, Brace & Company, Inc., 1924.
53. *Watt C., Watson S., Wilson L.* Cognitive and psychological mediators of anxiety: Evidence from a study of paranormal belief and perceived childhood control. *Personality and Individual Difference*. 2007. V. 42 (2). P. 335–343.

УДК 159.9.07

ПРИВЯЗАННОСТЬ У ДЕТЕЙ В РАЗЛИЧНЫЕ ПЕРИОДЫ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА¹

© 2022 г. Р. Ж. Мухамедрахимов*, К. Г. Туманьян**

Санкт-Петербургский государственный университет;
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9, Россия.

* Доктор психологических наук, профессор. E-mail: rjm@list.ru

** Аспирантка. E-mail: karinatumanyan@gmail.com

Поступила 25.01.2022

Аннотация. Исследования привязанности в разных странах свидетельствуют о негативных изменениях распределения паттернов привязанности у детей в обстоятельствах социального риска и важности социально-экономических условий для формирования семейной жизни и моделей воспитания детей. В данной работе проведено сравнение распределения паттернов привязанности, полученных в трех исследованиях российских детей раннего возраста: в 1989 и 2017–2018 гг. до и после периода глубокого социально-экономического кризиса в российском обществе и в 1999 — начале 2000-х к концу этого периода. Для исследования привязанности в каждой работе использовался классический метод “Незнакомая ситуация” с последующим выделением паттернов безопасного (B), небезопасных избегающего (A), тревожно-сопротивляющегося (C), а также дезорганизованного (D) видов. Результаты свидетельствуют о соответствии распределения паттернов привязанности у детей в российских семьях международно признанному распределению в исследованиях 1989 и 2017–2018 гг. и о негативных изменениях, по сравнению с результатами этих исследований, по данным 1999 — начала 2000-х годов: снижение формирования паттерна B и увеличение C и D. Результаты исследований поддерживают необходимость благоприятных социально-экономических условий в обществе, влияющих на стабильность и безопасность жизни семьи, матери и ребенка, для формирования детьми организованной привязанности и увеличения частоты формирования безопасного паттерна привязанности.

Ключевые слова: паттерны привязанности, дети раннего возраста, российское общество, социально-экономические условия.

DOI: 10.31857/S020595920021477-0

Согласно теории привязанности, для обеспечения безопасности и защиты дети от рождения направлены на развитие в социальных условиях и к концу первого года жизни в результате взаимодействия с матерью формируют первые стабильные представления о себе и матери и модель поведения с ней — паттерн привязанности [9]. Качество привязанности зависит от особенностей, приносимых ребенком и матерью в процесс взаимодействия, а также от влияния каждого из них на другого в этом процессе. Разработанный Мэри Эйнсворт и ее коллегами метод “Незнакомая ситуация” (The Strange Situation Procedure), признанный золотым стандартом изучения привязанности у детей, позволил выделить формируемые детьми по отношению к матерям паттерны привязанности безопасного (B; 66% выборки), небезопасного избегающего (A; 21.7%)

и небезопасного тревожно-сопротивляющегося (C; 12.3%) видов [6]. Установлено, что вид формируемого ребенком паттерна привязанности зависит от поведения матери, ее чувствительности к сигналам ребенка [6; 9; 13] и непосредственно связан с систематическим опытом его взаимодействия с матерью (фигурой привязанности). Проведенное в последующем изучение случаев, не соответствующих классификации по системе ABC, а также исследование детей, воспитывающихся в семьях родителей с неразрешенным травматическим опытом, и детей с опытом пренебрежения и жестокого обращения, привело к выделению дезорганизованного (D) вида привязанности [12].

Со времени публикации Джоном Боулби основных положений теории привязанности и последующего проведения М. Эйнсворт эмпирических исследований паттернов привязанности [6; 9] в научной литературе представлены результаты

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00626 (<https://rscf.ru/project/22-28-00626/>).

множества исследований привязанности у детей из семей, проживающих в разных странах мира, на различных континентах. Данные этих исследований с использованием систем классификации *ABC* и *ABCD* проанализированы и обобщены в метааналитических работах [15; 16] и свидетельствуют об универсальности феномена формирования ребенком привязанности к матери (или заменяющему ее близкому взрослому) и представленности выделенных паттернов привязанности вне зависимости от страны проживания и культуральной принадлежности семьи [13]. Вместе с этим в литературе представлена информация о значительных негативных изменениях распределения паттернов привязанности у детей, воспитывающихся в семьях социального риска [16], и о культуральных различиях в отношении частоты проявления конкретных паттернов привязанности, подчеркивающих важность социально-экономических обстоятельств в формировании семейной жизни и моделей воспитания детей [13]. Результаты исследований детей, воспитывающихся в семьях различных регионов одной страны, поддерживают представление о влиянии культуральных особенностей на формирование привязанности [7].

Исследования привязанности у российских детей с использованием метода “Незнакомая ситуация” до настоящего времени были представлены двумя работами. По результатам первой работы, проведенной в 1989 г. исследователями из Германии, частота распределения паттернов привязанности по системе *ABC* у детей в возрасте от 11 до 12 мес., воспитывавшихся в московских семьях, составляла 18% *A*, 63% *B* и 14% *C* [5]. Согласно данным второй работы, проведенной в Санкт-Петербурге в 1999 — начале 2000-х годов, распределение паттернов привязанности при классификации по системе *ABCD* у детей в возрасте от 11 до 16 мес. составляло 10% *A*, 6% *B*, 34% *C* и 50% *D* [3; 14]. Авторы объясняли наблюдаемое между двумя работами различие распределений паттернов привязанности изменением условий развития обследованных детей, связанных с кардинальным изменением политической и социально-экономической ситуации в стране в 1990-х годах, негативно отразившихся на жизни семей и эмоциональной доступности и чувствительности матерей во взаимодействии с детьми [14].

За время, прошедшее после проведения в 1999 — начале 2000-х годов второго исследования, социально-экономическая ситуация в стране значительно изменилась: увеличились основные индикаторы уровня жизни, снизилась величина естественной убыли населения, уменьшилось количество

зарегистрированных преступлений, в том числе в 3.6 раза — террористических актов; увеличилась ожидаемая при рождении продолжительность жизни [4]. Согласно данным анализа научных исследований, выход из глубокого социально-экономического кризиса с повышением безопасности условий жизни семей может положительно отразиться на формировании привязанности к матерям у детей. В известной нам литературе, посвященной изучению привязанности, не обнаружено работ, изучавших распределение паттернов привязанности у детей в семьях после периода глубоких социально-экономических изменений по сравнению с распределениями у детей, воспитывавшихся в семьях до и к концу этого периода. Научная актуальность проведения такого исследования определяется необходимостью получения информации о формировании паттернов привязанности и возможных изменениях их распределения в связи с социально-экономической ситуацией внутри одной страны, а также по сравнению с международно признанными, по исследованиям в других странах, распределениями паттернов привязанности.

Цель данной работы заключается в изучении распределения паттернов привязанности у детей, полученных в исследованиях, проведенных в различные периоды российского общества. *Объект исследования* — привязанность у детей, *предмет* — распределение паттернов привязанности у российских детей. *Задачи* исследования включают изучение распределения паттернов привязанности у детей в семьях, проживающих в современных условиях российского общества, и сравнение распределений, полученных в исследованиях в разные периоды российского общества, как между собой, так и с международно признанным распределением.

МЕТОДИКА

Участники исследования. Для сравнения распределения паттернов привязанности были использованы данные, полученные по выборке детей, обследованных в 1989 г. группой исследователей из Германии [5], по выборке, обследованной в 1999 — начале 2000-х [3; 14], а также по представленной в настоящей работе выборке детей, обследованных в 2017–2018 гг. Согласно опубликованному данным, в работе 1989 г. была исследована группа из 22 детей в возрасте $M(SD) = 11.9 (0.8)$ мес. (от 11 до 12 мес.), рожденных в срок, типично развивающихся, без нарушений здоровья, воспитывающихся в полных московских семьях среднего класса с матерями в роли ухаживающих за детьми

близких взрослых [5]. В работе 1999 — начала 2000-х годов группу исследования составили 130 детей в возрасте от 11 до 16 мес. (в среднем — 13.3 мес.), 98% из которых родились в срок. Дети проживали в Санкт-Петербурге, 97% семей были полными и 92% относились к семьям со средним или высоким доходом. Ухаживающими за детьми близкими взрослыми были матери с высшим (62%) или средним и средним специальным (38%) образованием [3; 14].

Участниками проведенного нами в 2017–2018 гг. исследования² были 28 рожденных в срок типично развивающихся детей в возрасте $M(SD) = 32.1(10.1)$ мес. (от 12 до 47 мес.). Дети воспитывались в полных семьях с доходом среднего и выше среднего уровня. Ухаживающими за детьми близкими взрослыми были матери с высшим (82%) или незаконченным высшим и образованием на уровне колледжа (18%). Дополнительно из общей группы была выделена подгруппа из 15 детей в возрасте $M(SD) = 17.9(3.14)$ мес. (от 12 до 24 мес.).

Метод исследования. Для оценки качества привязанности у детей была использована классическая лабораторная процедура “Незнакомая ситуация” (Strange Situation Procedure [6]), описанная в российской литературе [1; 2]. Она состоит из восьми записываемых на видео эпизодов взаимодействия матери и ребенка, включая два разлучения и, соответственно, две встречи матери и ребенка после разлучения. Общая длительность метода составляет около 22 мин. “Незнакомая ситуация”, разработанная для изучения привязанности у детей в возрасте около года и второго года жизни [6], широко используется и для детей более старшего возраста [7; 8; 15; 16]. В данной работе приведены результаты использования “Незнакомой ситуации” в выборках детей в возрасте до 24 и от 12 до 47 мес.

Классификация привязанности в исследовании 1989 г. [5] проводилась в соответствии с классической системой с определением паттернов безопасного (*B*), небезопасного избегающего (*A*), небезопасного тревожно-сопротивляющегося (*C*) [6] видов, а также выделением случаев, не поддающихся классификации (в настоящей работе эти случаи рассматривались как проявления предложенной впоследствии дезорганизованной привязанности *D* [12]). Классификация в работах, проведенных в 1999 — начале 2000-х [3] и в 2017–2018 гг. была проведена по системе *ABCD* с определением

паттернов как организованного (*ABC* [6]), так и дезорганизованного (*D* [12]) видов.

В кратком представлении и согласно основным характеристикам паттернов, дети классифицировались как имеющие безопасную привязанность в случае, если искали контакта с матерью и получали утешение от нее; как имеющие небезопасную привязанность избегающего вида, если отворачивались от матери или не обращались к ней за поддержкой и утешением; небезопасную привязанность тревожно-сопротивляющегося вида, если не успокаивались даже при достижении близости с матерью. Привязанность дезорганизованного вида классифицировалась в случае, если поведение детей соответствовало определенным проявлениям дезорганизации, включавшим одновременное или последовательное проявление противоречащих видов поведения, замирание или оцепенение, нарушение направленности поведения привязанности (например, приближение к незнакомке при стрессе), проявление в присутствии матери стереотипий или аномальных поз, проявление непосредственных показателей опасений матери (например, выражение страха, когда она возвращается) или прямых показателей дезорганизации или дезориентации (например, быстрые изменения в действиях, дезориентированное блуждание) [12; 16]. Случаи, когда у детей наблюдались поведенческие проявления, свидетельствующие о невозможности классификации привязанности по системе *ABCD*, обозначались как *CC* (cannot classify) и, согласно существующему подходу [8], присоединялись к группе детей с дезорганизованной привязанностью.

Процедура исследования. Во всех трех исследованиях “Незнакомая ситуация” проводилась в специальной комнате, оборудованной двумя стульями (для матери и незнакомки), игрушками для ребенка и видеокамерой (за зеркалом Гезелла с невидимым для ребенка оператором) для записи эпизодов взаимодействия матери и ребенка. Последующий анализ видеоматериалов с определением паттернов привязанности проводился прошедшими обучение исследователями с высоким уровнем надежности анализа во время обучения. В работе исследователей из Германии согласованность результатов обучения с результатами общепризнанных экспертов (M. Main, A. Sroufe) составляла 86–90% [5]. В исследовании периода 1999 — начала 2000-х годов у проанализировавшей видеоматериалы исследователя (Н. Плешкова) уровень согласованности результатов обучения с результатами эксперта (P. Crittenden) составила 90% [3].

² Исследование поддержано Этическим комитетом СПбГУ в области исследований с привлечением людей (протокол № 71 от 01.02.2017).

В работе 2017–2018 гг. анализ видеоматериалов и классификация привязанности проводились двумя независимыми экспертами, основная из которых (Е. Carlson), являющаяся международно признанным специалистом по обучению оценке привязанности по системе *ABCD*, проанализировала видеоматериалы по всей группе детей. Для оценки надежности полученных результатов 20% случаев было проанализировано вторым экспертом (М. Dozier³), которая прошла обучение оценке привязанности по системе *ABCD* с достижением уровня согласованности результатов не менее 80%. Совпадение результатов двух независимых экспертов составило 83%.

Анализ данных. Распределение привязанности, полученное в каждом из трех исследований российских детей, сравнено с международно признанным распределением, полученным по результатам метаанализа исследований типично развивающихся детей в возрасте до 24 мес. из семей среднего класса Северной Америки (15% *A*, 62% *B*, 9% *C* и 15% *D*, $n = 2104$; так называемое стандартное распределение [16]). Такое сравнение проведено для групп российских детей в возрасте до 24 мес., а также, в соответствии с представленным в литературе подходом к анализу привязанности у детей более широкого возрастного диапазона [7], для детей от 12 до 47 мес. Дополнительно данные, полученные в группе детей 12–47 мес., были сравнены с результатами метааналитического обобщения 10 исследований детей в возрасте после 24 мес. (19% *A*, 56% *B*, 10% *C* и 15% *D*, $n = 492$) [16].

Кроме того, в работе проведено сравнение распределений паттернов привязанности, полученных в три различных периода исследований российских детей (в 1989, 1999 — начале 2000-х, 2017–2018 гг.). Для проведения частотного анализа распределения паттернов привязанности применялся критерий χ^2 .

РЕЗУЛЬТАТЫ

Распределения паттернов привязанности у российских детей, полученные в исследованиях 1989 [5], 1999 — начала 2000-х [3; 14] и 2017–2018 гг., а также результаты их сравнения с распределениями,

выделенными по результатам метаанализа [16] и между собой, представлены в таблице.

В исследовании 1989 г. было выявлено 18% детей, сформировавших паттерн *A*, 63% детей — паттерн *B*, 14% — *C* и 5% детей с невозможностью классификации привязанности (*CC*; в настоящей работе рассматривалось как проявление предложенной впоследствии дезорганизованной привязанности *D* [12]). По частоте представленных паттернов полученное распределение не отличалось от международно признанного “стандарта” распределения, выделенного по результатам метааналитического исследования детей в возрасте до 24 мес. [16] ($p > 0.10$).

В исследовании 1999 — начала 2000-х годов распределение паттернов привязанности состояло из 10% *A*, 6% *B*, 34% *C* и 50% *D* [3; 14] и значительно отличалось от распределения, полученного в результате метаанализа у детей младше 24 мес., как в целом ($\chi^2(3) = 233.2$; $p < 0.001$; $n = 2234$), так и меньшей представленностью паттерна *B* ($\chi^2(3) = 155.8$; $p < 0.001$; $n = 2234$) и большей — *C* ($\chi^2(1) = 85.5$; $p < 0.001$; $n = 2234$) и *D* ($\chi^2(1) = 108.0$; $p < 0.001$; $n = 2234$).

Анализ видеоматериалов “Незнакомой ситуации” в исследовании, проведенном нами в 2017–2018 гг., выявил для детей в возрасте от 12 до 47 мес. распределение привязанности в виде 11% *A*, 78.5% *B*, 3.5% *C* и 7% *D* и *CC*, для подгруппы детей от 12 до 24 мес. — 20% *A*, 73% *B*, 7% *C* и отсутствие *D* или *CC*. Выявлено, что каждое из этих распределений не отличается от распределений, полученных в результате метаанализа ($p > 0.10$) (см. таблицу).

Сравнение распределений паттернов привязанности у российских детей, исследованных в разные годы, показало отсутствие различий между данными, полученными в 1989 и 2017–2018 гг. (для всех сравнений $p > 0.10$). В то же время обнаружено значимое отличие распределения, полученного в 1999 — начале 2000-х годов, по сравнению как с данными исследования 1989 г. ($\chi^2(3) = 55.5$; $p < 0.001$; $n = 152$), так и с данными 2017–2018 гг. (для детей до 24 мес. $\chi^2(3) = 58.2$; $p < 0.001$; $n = 145$; для детей 12–47 мес. — $\chi^2(3) = 81.0$; $p < 0.001$; $n = 158$) (см. таблицу).

Отличие распределения, полученного в 1999 — начале 2000-х годов определяется, по данным сравнения проявления отдельного паттерна с суммарным проявлением других паттернов, меньшей представленностью *B* (при сравнении с данными 1989 г. $\chi^2(1) = 50.2$; $p < 0.001$; $n = 152$; при сравнении с данными 2017–2018 гг. для детей до 24 мес. — $\chi^2(1) =$

³ Авторы выражают глубокую признательность руководителю отдела развития ребенка университета Делавэр проф. Мэри Дожер (Professor Mary Dozier, Amy E. du Pont Chair of Child Development, Univ. of Delaware) и доктору наук Элизабет Карлсон (Elizabeth A. Carlson, PhD, Senior Research Associate; Director, Harris Programs; Institute of Child Development at the University of Minnesota) за научное взаимодействие и профессиональную поддержку данной работы.

Распределение паттернов привязанности у детей, воспитывающихся в российских семьях, и результаты их сравнения с данными метаанализа и между собой (χ^2, p)

Исследования детей в российских семьях (годы проведения)	Возраст детей, мес.	Паттерны привязанности, %					<i>n</i>	χ^2, p	
		<i>A</i>	<i>B</i>	<i>C</i>	<i>D</i>	<i>CC*</i>		Результаты сравнения с данными метаанализа (van Ijzendoorn et al., 1999 [16])	
								< 24 мес.	≥ 24 мес.
1. Ahnert, Meischner, Schmidt, 2000 [5] (1989)	11–12	18	63	14	–	5	22	$p > 0.10$	–
2. Плешкова, Мухамедрахимов, 2008 [3] Pleshkova, Muhamedrahimov, 2010 [14] (1999 — начало 2000-х)	11–16	10	6	34	50	0	130	$\chi^2(3) = 233.2$ $p < 0.001$	–
3. Данные настоящего исследования (2017–2018)	12–24	20	73	7	0	0	15	$p > 0.10$	–
	12–47	11	78.5	3.5	3.5	3.5	28	$p > 0.10$	$p > 0.10$
								Результаты сравнения между российскими данными 1–2: $\chi^2(3) = 55.5; p < 0.001$ 2–3 (12–24): $\chi^2(3) = 58.2; p < 0.001$ 2–3 (12–47): $\chi^2(3) = 81.0; p < 0.001$ 1–3 (12–24): $p > 0.10$ 1–3 (12–47): $p > 0.10$	

* — невозможность классификации, для последующего анализа объединена с *D*.

= 53.3; $p < 0.001$; $n = 145$ и для общей группы детей в возрасте 12–47 мес. — $\chi^2(1) = 78.5; p < 0.001$; $n = 158$). Кроме того, в выборке 1999 — начала 2000-х годов обнаружена большая представленность *C* (при сравнении с данными 1989 г. $\chi^2(1) = 3.6; p = 0.058; n = 152$; при сравнении с 2017–2018 гг. для подгруппы до 24 мес. — $\chi^2(1) = 4.5; p = 0.03; n = 145$; для детей 12–47 мес. — $\chi^2(1) = 10.4; p = 0.002; n = 158$) и *D* (при сравнении с 1989 г. $\chi^2(1) = 15.8; p < 0.001; n = 152$; при сравнении с 2017–2018 гг. для детей до 24 мес. — $\chi^2(1) = 13.6; p < 0.001; n = 145$; для детей 12–47 мес. — $\chi^2(1) = 17.3; p < 0.001; n = 158$).

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

В результате проведенного исследования показано, что распределение паттернов привязанности по отношению к матерям у детей, воспитывающихся в российских семьях, соответствует выделенному в метааналитическом исследовании международно признанному “стандарту” [16] при изучении в 1989 г.; показывает негативные изменения по сравнению с предыдущим и последующим исследованиями российских детей, а также с международно признанным распределением, при изучении в 1999 — начале 2000-х годов и соответствует данным 1989 г. и “стандарту” по результатам исследования в 2017–2018 гг. Негативные изменения распределения привязанности, обнаруженные

в 1999 — начале 2000-х годов, проявились по сравнению с международным распределением и данными двух других исследований в снижении частоты формирования детьми безопасного паттерна привязанности (*B*) и увеличении формирования паттернов привязанности небезопасного тревожно-сопротивляющегося (*C*) и дезорганизованного (*D*) видов.

В каждом из проведенных исследований показана представленность паттернов привязанности организованных (*B, A* и *C*) и дезорганизованного (*D*) видов. Данные изучения российских детей не только поддерживают развитые в теории привязанности [6; 9] и в последующем эмпирические доказанные исследователями из разных стран мира представления об универсальности феномена привязанности ребенка к матери [13; 15; 16], но и свидетельствуют о возможности формирования детьми организованных паттернов привязанности (безопасного и небезопасного видов) в семьях, жизнь которых проходит в самых различных общественных условиях.

Согласно данным литературы, негативные изменения распределения привязанности с повышением проявлений дезорганизации наблюдаются у детей, воспитывающихся вне зависимости от страны проведения исследования в семьях с проявлением пренебрежения и жестокого обращения, при переживании родителями неразрешенного опыта травматизации [16]. Исследования межкультуральных

различий показывают значительное снижение встречаемости безопасной привязанности у детей из семей, проживающих в бедности (32% по выборке в Мексике), в регионах с недостаточным питанием (до 7% в отдельных областях Чили) [13], что подчеркивает важность социально-экономических обстоятельств в формировании семейной жизни и родительского поведения по отношению к детям. Эти данные позволяют полагать, что негативное изменение распределения привязанности, наблюдаемое у российских детей, обследованных в 1999 — начале 2000-х годов, со снижением паттернов безопасной и увеличением небезопасной привязанности тревожно-сопротивляющегося и дезорганизованного видов связано прежде всего с опытом проживания семей в период глубокого социально-экономического кризиса, произошедшего в России в 1990-х годах. Изменения коснулись практически каждой семьи и негативно отразились на уровне дохода, социальных гарантиях со стороны государства, системе здравоохранения, преступности [4]. Матери детей пережили длительный опыт тяжелых социальных и экономических потрясений. Период их взросления и формирования собственной семьи прошел в условиях драматического снижения безопасности и стабильности жизни. Когда риск и опасность для взрослых возрастают, они увеличивают усилия по самозащите и, таким образом, снижают предсказуемость поведения и чувствительность к детям [14]. Снижение чувствительности матерей во взаимодействии с детьми отразилось, в соответствии с данными литературы [16], на снижении формирования паттерна безопасной привязанности и увеличении формирования паттернов небезопасного и дезорганизованного видов. При этом увеличение частоты формирования паттерна небезопасного тревожно-сопротивляющегося вида у детей могло быть следствием повышения сосредоточенности матерей на решении своих проблем и связанного с этим снижения доступности, повышения непоследовательности их поведения по отношению к детям [10], что, например, может проявляться в задержке реагирования на плач и занятости матерью рутинной работой, даже когда она держит ребенка на руках [6].

В отличие от этого матери детей, обследованных в 1989 г., росли и развивались в относительно стабильных и предсказуемых советских социально-экономических условиях и, проживая в полных семьях среднего класса, во взаимодействии с детьми демонстрировали эмоциональность и мягкость, в большинстве случаев были чувствительны [5], что проявилось в формировании детьми организованной привязанности с преобладанием безопасного

паттерна. Улучшение социально-экономической ситуации в российском обществе в период после проведения второго исследования (с начала 2000-х по 2017 г.), выход из периода социальных потрясений и экономического кризиса, повышение безопасности и стабильности жизни российских семей [4] создали новые, отличающиеся от 1990-х годов условия развития, взросления и формирования собственных семей у нового поколения родителей. В соответствии с данными литературы о чувствительности матерей и преобладании безопасной привязанности у детей в семьях, проживающих в странах с положительными социально-экономическими условиями [16], изменения в российском обществе с увеличением безопасности и стабильности жизни положительно отразились на формировании привязанности у детей.

Одним из факторов, который мог дополнительно повлиять на изменения распределения паттернов привязанности в исследовании, проведенном в 1999 — начале 2000-х годов, является различие в подходе к классификации привязанности у проводивших анализ видеоматериалов экспертов. Анализ полученных в этой работе видеоматериалов “Незнакомой ситуации” был проведен по результатам обучения у автора динамической модели созревания привязанности П. Криттенден (P. Crittenden; Dynamic-Maturational Model of attachment, DMM [11]), что, несмотря на классификацию по системе *ABCD* [6; 12], могло привести к выделению меньшего числа детей с безопасным паттерном привязанности и увеличению числа детей, отнесенных к паттерну дезорганизованного вида [5]. Однако при использовании разработанной в рамках DMM модифицированной системы оценки привязанности пропорция детей с паттерном безопасной привязанности была в работе 1999 — начала 2000-х годов ниже, чем в выборках детей из других стран, также оцененных согласно модифицированной системе [14]. То есть одно лишь различие в подходе к классификации не могло привести к наблюдаемому у этой группы значительному изменению распределения с уменьшением паттерна *B* (6% по сравнению с 63 и 73% у сверстников в двух других российских исследованиях).

Другим фактором, который мог опосредованно повлиять на изменение распределения привязанности у детей в исследовании 1999–2000-х годов, является различие в месте проживания семей: в исследовании 1989 г. — в Москве, в исследованиях 1999 — начала 2000-х и 2017–2018 гг. — в Санкт-Петербурге. Данные литературы свидетельствуют о возможности изменения распределения у детей, проживающих в различных регионах одной

и той же страны, как в связи с культуральными особенностями регионов [7], так и в связи с различием социально-экономической ситуации [13]. При этом культуральные особенности семей внутри одной страны при одинаковой социально-экономической ситуации в регионах могли отразиться на проявлениях не столько безопасной, сколько небезопасной привязанности (например, большая представленность в распределении привязанности паттерна небезопасной привязанности тревожно-сопротивляющегося вида у детей из семей Южного Китая по сравнению с детьми из Северного Китая [7]). Тот факт, что в проанализированных нами выборках дети проживали в русскоязычных семьях среднего класса, а негативные изменения распределения, показанные в работе 1999 — начала 2000-х годов, включали значительные изменения представленности паттернов безопасного и дезорганизованного видов, свидетельствует об изменениях в формировании привязанности у детей в связи не с местом проживания семей, а с общим для всех опытом проживания в кризисных условиях российского общества 1990-х годов.

Данные проведенного исследования поддерживают научную информацию о негативных изменениях распределения паттернов привязанности у детей в семьях, проживающих в тяжелых социально-экономических обстоятельствах [13; 16]. Чтобы дети в российских семьях во взаимодействии с матерями формировали не дезорганизованную, а организованную привязанность с увеличением частоты формирования безопасного паттерна, необходимо создание и поддержание в российском обществе благоприятных социально-экономических условий, положительно влияющих на стабильность и безопасность жизни семей, родителей и детей.

ВЫВОДЫ

Результаты исследования распределения паттернов привязанности у детей раннего возраста в российских семьях в различные общественные периоды позволяют сделать следующие выводы.

1. Распределение паттернов привязанности у детей в российских семьях по отношению к матерям соответствует выделенному в метаанализе международно признанному “стандарту” распределения [16] при исследовании в 1989 и 2017–2018 гг., однако показывает негативные изменения привязанности в период 1999 — начала 2000-х годов.

2. Негативные изменения распределения привязанности, обнаруженные в исследовании 1999 — начала 2000-х годов, проявились в снижении

формирования детьми безопасного паттерна привязанности (*B*) и увеличении формирования паттернов привязанности небезопасного тревожно-сопротивляющегося (*C*) и дезорганизованного (*D*) видов.

3. Распределение паттернов привязанности у детей раннего возраста по отношению к матерям в российских семьях меняется в зависимости от социально-экономической ситуации в различные общественные периоды: не отличается от международно признанного распределения в условиях стабильности и негативно изменяется в условиях отрицательно влияющих на жизнь семьи и матери нестабильности и снижения безопасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мухамедрахимов Р.Ж., Пleshкова Н.Л. Методы изучения привязанности у младенцев и детей раннего возраста // Практикум по возрастной психологии / Под ред. Л.А. Головей, Е.Ф. Рыбалко. СПб.: Речь, 2000. С. 598–615.
2. Пleshкова Н.Л. Развитие теории и системы классификации отношений привязанности у детей // Эмоции и отношения человека на ранних этапах развития / Под ред. Р.Ж. Мухамедрахимова. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2008. С. 198–219.
3. Пleshкова Н.Л., Мухамедрахимов Р.Ж. Отношения привязанности у детей в семьях и домах ребенка // Эмоции и отношения человека на ранних этапах развития / Под ред. Р.Ж. Мухамедрахимова. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2008. С. 220–239.
4. Россия в цифрах. 2019: Краткий статистический сборник / Ред. коллегия: П.В. Малков (предс.) и др. М.: Федеральная служба государственной статистики (Росстат), 2019.
5. Ahnert L., Meischnner T., Schmidt A. Maternal sensitivity and attachment in East German and Russian Family Networks // The organization of attachment relationships: Maturation, culture, and context / Ed. P.M. Crittenden, A.H. Claussen. N.Y.: Cambridge University Press, 2000. P. 61–74.
6. Ainsworth M.D.S., Blehar M., Waters E., Wall S. Patterns of attachment: A psychological study of the Strange Situation. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1978.
7. Archer M., Steele M., Lan J., Jin X., Herreros F., Steele H. Attachment between infants and mothers in China: Strange situation procedure findings to date and a new sample // International Journal of Behavioral Development. 2015. V. 39. № 6. P. 485–491.
8. Bernard K., Dozier M., Bick J., Lewis-Morrarty E., Lindhiem O., Carlson E. Enhancing Attachment Organization Among Maltreated Children: Results of a Randomized Clinical Trial // Child Development. 2012. V. 83. № 2. P. 623–636.

9. Bowlby J. Attachment and loss: Vol. 1. Attachment. N.Y.: Basic Books, 1982 (Original work published 1969).
10. Cassidy J., Berlin L. The insecure/ambivalent pattern of attachment: Theory and research // Child Development. 1994. V. 65. P. 971–991.
11. Crittenden P.M. A dynamic-maturational model of attachment // Australian and New Zealand Journal of Family Therapy. 2006. V. 27. P. 105–115.
12. Main M., Solomon J. Procedure for identifying infants as disorganized/disoriented during the Ainsworth Strange Situation // Attachment in preschool years: Theory, research and intervention / Eds. M.T. Greenberg, D. Cicchetti, E.M. Cummings. Chicago: University of Chicago Press, 1990. P. 121–160.
13. Mesman J., van Ijzendoorn M.H., Sagi-Schwartz A. Cross-cultural patterns of attachment: Universal and contextual dimensions // Handbook of attachment: Theory, research, and clinical applications. 3rd ed. / Eds. J. Cassidy, P.R. Shaver. N.Y.: Guilford Press, 2016. P. 790–815.
14. Pleshkova N.L., Muhamedrahimov R.J. Quality of attachment in St. Petersburg (Russian Federation): A sample of family-reared infants // Clinical Child Psychology and Psychiatry. 2010. V. 15. № 3. P. 355–362.
15. Van Ijzendoorn M.H., Kroonenberg P.M. Cross-cultural patterns of attachment: A meta-analysis of the strange situation // Child Development. 1988. V. 59. P. 147–156.
16. Van Ijzendoorn M.H., Schuengel C., Bakermans-Kranenburg M.J. Disorganized attachment in early childhood: Meta-analysis of precursors, concomitants, and sequelae // Development and Psychopathology. 1999. V. 11. P. 225–249.

ATTACHMENT IN YOUNG CHILDREN IN DIFFERENT PERIODS OF RUSSIAN SOCIETY⁴

R. J. Muhamedrahimov*, K. G. Tumanian**

*St. Petersburg State University;
199034, St. Petersburg, Universitetskaya emb., 7–9, Russia.*

**ScD (Psychology), Professor.*

E-mail: rjm@list.ru

***Graduate student.*

E-mail: karinatumanyan@gmail.com

Received 25.01.2022

Abstract. Studies of attachment in different countries indicate negative changes in the distribution of attachment patterns in social risk children, as well as cultural differences in attachment distribution that emphasize the importance of socio-economic conditions in the formation of family life and parenting models. The current study compares the distribution of attachment patterns obtained in three studies of young children conducted in 1989 and 2017–2018, before and after a period of deep socio-economic and political crisis in Russian society, and in 1999 — early 2000s by the end of this period. In each study attachment quality was assessed in the Strange Situation. Results show that the distribution of attachment patterns in young Russian children corresponds to the “standard” distribution in studies of 1989 and 2017–2018, and indicates the significantly lower rates of secure attachment and higher rates of resistant and disorganized attachment in the study of 1999 — early 2000s. These results support the need of the positive socio-economic conditions in society favorably affecting the stability and security of family life and supporting the formation by young children the organized attachment and increase the rate of security.

Keywords: attachment patterns, young children, Russian society, socio-economic conditions.

REFERENCES

1. Muhamedrahimov R.J., Pleshkova N.L. Metody izucheniya privyazannosti u mladentsev i detei rannego vozrasta. Praktikum po vozrastnoi psikhologii. Eds. L.A. Golovei, E.F. Rybalko. Saint Petersburg: Rech, 2000. P. 598–615. (In Russian)

⁴ The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 22-28-00626 (<https://rscf.ru/en/project/22-28-00626/>).

2. *Pleshkova N.L.* Razvitiye teorii i sistemy klassifikatsii otnosheniya privyazannosti u detei. Emotsii i otnosheniya cheloveka na rannikh etapakh razvitiya. Ed. R.J. Muhamedrahimov. Saint Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2008. P. 198–219. (In Russian)
3. *Pleshkova N.L., Muhamedrahimov R.J.* Otnosheniya privyazannosti u detei v semyakh i domakh rebenka. Emotsii i otnosheniya cheloveka na rannikh etapakh razvitiya. Ed. R.J. Muhamedrahimov. Saint Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2008. P. 220–239. (In Russian)
4. Rossiya v tsifrakh. 2019: Kratkii statisticheskii sbornik. Eds. P.V. Malkov et al. Moscow: Federalnaya sluzhba gosudarstvennoi statistiki (Rosstat), 2019. (In Russian)
5. *Ahnert L., Meischnner T., Schmidt A.* Maternal sensitivity and attachment in East German and Russian Family Networks. The organization of attachment relationships: Maturation, culture, and context. Eds. P.M. Crittenden, A.H. Claussen. N.Y.: Cambridge University Press, 2000. P. 61–74.
6. *Ainsworth M.D.S., Blehar M., Waters E., Wall S.* Patterns of attachment: A psychological study of the Strange Situation. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1978.
7. *Archer M., Steele M., Lan J., Jin X., Herreros F., Steele H.* Attachment between infants and mothers in China: Strange situation procedure findings to date and a new sample. *International Journal of Behavioral Development*. 2015. V. 39. № 6. P. 485–491.
8. *Bernard K., Dozier M., Bick J., Lewis-Morrarty E., Lindhiem O., Carlson E.* Enhancing Attachment Organization Among Maltreated Children: Results of a Randomized Clinical Trial. *Child Development*. 2012. V. 83. № 2. P. 623–636.
9. *Bowlby J.* Attachment and loss: Vol. 1. Attachment. N.Y.: Basic Books, 1982 (Original work published 1969).
10. *Cassidy J., Berlin L.* The insecure/ambivalent pattern of attachment: Theory and research. *Child Development*. 1994. V. 65. P. 971–991.
11. *Crittenden P.M.* A dynamic-maturational model of attachment. *Australian and New Zealand Journal of Family Therapy*. 2006. V. 27. P. 105–115.
12. *Main M., Solomon J.* Procedure for identifying infants as disorganized/disoriented during the Ainsworth Strange Situation. Attachment in preschool years: Theory, research and intervention. Eds. M.T. Greenberg, D. Cicchetti, E.M. Cummings. Chicago: University of Chicago Press, 1990. P. 121–160.
13. *Mesman J., van Ijzendoorn M.H., Sagi-Schwartz A.* Cross-cultural patterns of attachment: Universal and contextual dimensions. *Handbook of attachment: Theory, research, and clinical applications*. 3rd ed. Eds. J. Cassidy, P.R. Shaver. N.Y.: Guilford Press, 2016. P. 790–815.
14. *Pleshkova N.L., Muhamedrahimov R.J.* Quality of attachment in St. Petersburg (Russian Federation): A sample of family-reared infants. *Clinical Child Psychology and Psychiatry*. 2010. V. 15. № 3. P. 355–362.
15. *Van Ijzendoorn M.H., Kroonenberg P.M.* Cross-cultural patterns of attachment: A meta-analysis of the strange situation. *Child Development*. 1988. V. 59. P. 147–156.
16. *Van Ijzendoorn M.H., Schuengel C., Bakermans-Kranenburg M.J.* Disorganized attachment in early childhood: Meta-analysis of precursors, concomitants, and sequelae. *Development and Psychopathology*. 1999. V. 11. P. 225–249.

ПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 316.6

УСЛОВИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЫ, РЕСУРСЫ И СОЦИАЛЬНАЯ УСПЕШНОСТЬ СУБЪЕКТОВ: ОТКРЫТЫЕ ВОПРОСЫ¹

© 2022 г. В. А. Толочек

ФГБУН Институт психологии РАН;

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.

Доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории психологии труда, эргономики, инженерной и организационной психологии.

E-mail: tolochekva@mail.ru

Поступила 11.01.2022

Аннотация. Статья посвящена изучению темпоральных и пространственных характеристик условий социальной среды как потенциальных ресурсов социальной успешности субъектов. Использовалась авторская методика (анкета “Динамика стиля профессиональной жизни”); респонденты (482 мужчин и женщин в возрасте 30–50 лет — государственные служащие, инженеры и руководителей подразделений промышленных предприятий, менеджеры) оценивали в баллах роль условий социальной среды как “факторов профессионализма”, динамику своего профессионализма от 20 до 65 лет; фиксировались их социально-демографические и служебно-должностные характеристики. В ходе статистического анализа общая выборка делилась на разные группы (мужчин и женщин, специалистов и руководителей, представителей разных профессий, реализованных и нереализованных в семейной сфере); использовались суммы оценок условий среды разных социальных пространств (“Родительская семья”, “Родственники”, “Межличностные связи”, “Семейная среда”, “Рабочая среда”, “Мезосреда”) и относительные оценки (отражающие длительность исполнения обязанностей руководителя, стаж управленческой деятельности и семейной жизни относительно возраста респондентов). Получили подтверждение гипотезы о том, что разные позитивно влияющие условия социальной среды не равно значимы для всех людей, лиц разного пола, возраста, работающих в разных сферах деятельности, имеющих разный социальный опыт; при совместном и/или продолжительном воздействии позитивно влияющие условия социальной среды не суммируются и не дают более сильный эффект, чем при их отдельных, избирательных и/или кратковременных воздействиях.

Ключевые слова: условия социальной среды, социальная успешность, ресурсы, суммарные (пространственные) и относительные (темпоральные) характеристики, эффекты.

DOI: 10.31857/S020595920021478-1

ВВЕДЕНИЕ

Одной из тенденций развития современной психологии в последние десятилетия стало обращение к сложным социально-психологическим явлениям, которые не могут представляться как законченный, завершённый фрагмент социальной действительности — ресурсы, потенциал, потенциалы, жизнеспособность, духовность, качество жизни и удовлетворенностью ею, благополучие и т.п. [2; 6–8; 14; 15; 17; 20]. Объяснимо, что и суждения ученых о каждом из этих явлений заметно разнятся.

Соответственно, и их научная операционализация не может быть однозначно определенной, а выдвигаемые концепции — завершёнными. Одним из таких явлений, широко используемым также и для объяснения других явлений, выступают *ресурсы*. Это понятие используется для объяснения неординарных социальных достижений, профессиональной успешности, успешной карьеры и профессионального выгорания, негативного состояния человека при вынужденной безработице, жизнеспособности и восхождения к трансцендентальности, стрессов и стратегий поведения замещающих родителей в семьях с приемными детьми, детьми-инвалидами, выбора, освоения профессии и трудоустройства детей с ОВЗ [2; 4; 5; 7–9; 11; 13–15; 18–20].

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 22-28-00250 “Профессиональная карьера: ресурсный подход”, Институт психологии РАН.

Актуальность настоящего исследования заключается в том, что в нем представлен опыт выделения принципиальных аспектов расхождения научных позиций ученых; продвижения в понимании феномена “ресурсы”, механизмов актуализации условий социальной среды как ресурсов; накопления и систематизации баз эмпирических данных; привлечения комплекса методов математической статистики для анализа и описания феномена; уточнения связей ресурсов и составляющих социальной (профессиональной в том числе) успешности человека.

В отношении *ресурсов* в научной литературе можно выделить две противоположные позиции. Согласно первой, это явление есть нечто уже существующее в человеке и/или его окружении, потенциально доступное и сравнительно легко используемое для решения человеком актуальных социальных задач [2; 6–8; 17; 18; 20]. Соответственно, к ресурсам относят широкий спектр известных и хорошо изученных *свойств* — индивидуальные особенности человека (физические, психофизиологические, личностные, интеллектуальные), знания, умения и навыки (стили саморегуляции, стратегии совладания, профессиональные компетенции), а также *условия социальной среды* (окружения) — отношение и поддержку близких, уровень развития социальных институтов и пр. Другими словами, ресурсы есть все, что способствует успешности решения человеком (группой) социальных задач. Множество разных ресурсов можно разделять на интрасубъектные, интерсубъектные, внесубъектные [13; 20]. При второй позиции ресурсы понимаются как внутренние условия человека и/или внешние, которые он как субъект жизнедеятельности может *ситуативно актуализировать и использовать* для повышения и/или поддержания успешности решения отдельных задач и деятельности в целом [11–14; 19]. Согласно такому видению, *ресурсы есть процессы, формирующие и/или поддерживающие востребованные функциональные состояния человека как субъекта жизнедеятельности; различаются ресурсы, поддерживающие ранее сформированные функциональные системы и ресурсы, их изменяющие, формирующие новые системы.*

Согласно первой позиции, ресурсы есть нечто рядоположенное компонентам функциональной системы деятельности человека, и вовлечение новых ресурсов есть акты прибавления, приращения, количественного усиления этой системы [2; 7; 18; 20]; согласно второй, они катализаторы преобразований, ведущие к качественной перестройке функциональных систем, изменению их структуры и/или

поддержанию устойчивого функционирования системы [12; 13].

Выделяя и развивая логику первой позиции, можно полагать, что ресурсы есть нечто сохраняющее и/или восстанавливающее свое значение (силу, воздействие, влияние) продолжительно долго; есть нечто легко интегрируемое с другими, конвертируемое (для обозначения этого аспекта используется понятие “накопление ресурсов”); ресурсы есть нечто дающее сходные социальные эффекты (успешные решения задач в трудных ситуациях), сравнительно универсальное (равно пригодное для разных людей, находящихся в разных ситуациях, решающих разные задачи); полагается, что сочетание, суммирование разных ресурсов обеспечивает большие количественные изменения и эффекты (в деятельности, в совладании со сложными жизненными ситуациями и пр.). В логике второй позиции утверждается, что ресурсы есть внешние и/или внутренние условия человека, эпизодически действующие, уникальные, вызывающие эффекты лишь “здесь и теперь”, у отдельных людей, в особых ситуациях. Согласно второму видению, ключевую роль играет сочетаемость структур *функциональных систем*² человека и условий среды, некоторые из них могут актуализироваться как ресурсы — по-особому, по-новому “заявлять о себе”, по-новому восприниматься человеком, “открываться заново”, “преобразовываться” — и, таким образом, выступать в новом качестве. Соответственно, нет оснований говорить о накоплении ресурсов. Напротив, полагается, что, например, условия социальной среды как возможные ресурсы имеют особую пространственную и временную метрику, локализацию и структуры.

Заостряя выделенные различия в понимании учеными феномена “ресурсы”, определим *цель* нашего исследования: изучение темпоральных и пространственных характеристик условий социальной микро- и мезосреды как потенциальных ресурсов социальной успешности субъектов.

Рабочие гипотезы:

1. Разные позитивно влияющие условия социальной среды неравнозначимы для всех людей (лиц разного пола, возраста, работающих в разных сферах деятельности, имеющих разный социальный опыт и др.).

2. При совместном и/или продолжительном воздействии позитивно влияющие условия социальной среды не суммируются и не дают более

² *Функциональные системы* понимаются как физиологические и/или психологические механизмы, формируемые для решения специфических задач [1; 14; 16].

сильный эффект, чем при их отдельных, избирательных и/или кратковременных воздействиях.

В задачи НИР входили выделение разных аспектов и подходов к проблеме ресурсов, поиск новых средств решения, апробация и сопоставление результатов разных техник измерения, разных методов статистического анализа эмпирических данных.

МЕТОДИКА

Дизайн исследования. По ранее проверенной на надежность и валидность авторской методике — анкете “Динамика стиля профессиональной жизни” (ДСПЖ) [12; 13] респонденты оценивали в баллах (от 0 до 8) роль условий социальной среды как “факторов профессионализма”, динамику своего профессионализма от 20 до 65 лет (ретроспективно до актуального возраста и проспективно, прогнозируя динамику последующей эволюции). Было опрошено 482 мужчины и женщины в возрасте 30–50 лет (132 государственных служащих, 129 инженеров и руководителей подразделений промышленных предприятий, 221 менеджер).

Параметры оценок и выделение социальных групп. Наряду с основными переменными — “пунктами” анкеты ДСПЖ (субъективной значимости условий среды и динамики профессионализма), в анализе эмпирических данных использовались социально-демографические и служебно-должностные характеристики респондентов. Объем выборки позволял проводить ее деление на социальные группы как по первичным характеристикам (пол, должность, профессиональная сфера, возраст, стаж и др.), так и по их производным (*суммам оценок субъективной значимости условий среды* разных социальных пространств; *относительным оценкам* — занимаемой должности, стажу управленческой деятельности и семейной жизни с учетом возраста респондента; комбинациям социально-демографических характеристик — состояния в браке, стажа семейной жизни, наличия детей в семье как отражения полноты самореализации человека в семейной сфере). В первом цикле расчетов изучались связи и различия отдельных переменных между представителями разных профессий, занимающими различные должностные позиции, разного пола, разной степени полноты самореализации в семье; во втором цикле — связи в каждой из профессиональных групп; в третьем — связи и различия сумм переменных между группами; в четвертом цикле — связи и различия относительных оценок переменных между представителями разных профессий. Таким образом, в четырех циклах расчетов проверялись гипотезы сохранения/изменении связей и различий

между представителями социальных групп, о разных социальных сферах как относительно закрытых пространствах, о темпоральных аспектах самореализации людей и их социальной успешности.

В выборке в целом и в каждой профессиональной группе различались две-три подгруппы и сопоставлялись данные двух крайних: мужчин и женщин, специалистов и руководителей среднего и высшего звена (к специалистам относили лиц, должностная позиция которых оценивалась в интервале 1–3, к руководителям — 5–8; руководители низового звена и заместители относились к промежуточной группе)³; реализованных в семейной сфере (состоящих в браке не менее пяти лет, имеющих не менее одного ребенка) и нереализованных (не состоящих в браке, не имеющих опыта семейной жизни, не имеющих детей); остальных относили к промежуточной группе. В НИР использовались разные методы статистики (описательная, *t*-сравнение, корреляционный, факторный, множественный регрессионный анализ). Поскольку при разных делениях выборки на группы их размер чаще превышал 100–150 человек, а число обследуемых различилось, в анализе результатов статистических расчетов мы ориентировались на величину средних, стандартных отклонений, коэффициентов корреляции, а не на уровни статистической значимости (различий, связи).

Социальная успешность субъектов понималась как мера и время позитивных изменений в процессах профессионального становления — в должностном продвижении, овладении новым опытом (в том числе управленческой деятельности, изменении социальной позиции), в полноценной самореализации в сфере семьи. Формальными и легко измеряемыми характеристиками профессиональной успешности субъекта выступают *должность* (занимаемая позиция), *стаж управленческой деятельности*, *динамика роста профессионализма*, *быстрота карьеры* и др. Предполагается, что с возрастом, с приобретением опыта люди последовательно продвигаются по должностным позициям (специалист — старший, ведущий, главный) и могут

³ Индексы должностных позиций субъектов в организации присваивались с учетом их естественной иерархии, начиная с 1 — неквалифицированный работник; 2 — квалифицированный рабочий (наличие опыта и профессиональной подготовки); 3 — мастер, специалист, инженер, менеджер (лица, имеющие среднее и высшее специальное образование); 4 — руководители низового звена управления, заместители руководителей всех уровней; 5 — руководители среднего звена управления: начальник цеха, отдела, департамента и т.д.; 6–8 — руководители высшего звена управления организации, работники министерства.

переходить на должности руководителей; при ограничениях оргструктуры для прямого иерархического продвижения работника наиболее подготовленные и талантливые становятся руководителями рабочих групп, т.е. в добавление к своим основным обязанностям выполняют *управленческие функции*, овладевают новым *социальным опытом* управления людьми; легко измеряемыми составляющими *успешности человека в семейной сфере* считались состояние в браке, его устойчивость во времени (стаж семейной жизни), рождение детей.

Суммы и относительные статистики. Ввиду того что представители первого подхода в понимании *ресурсов* постулируют эквивалентность их разных видов, экстенсивность воздействия условий социальной среды, усиление воздействий в случае их сочетания, их агрегацию (объединение в одну систему, накопление), длительность сохранения эффектов воздействия, в НИР предполагалось использовать как первичные, так и вторичные эмпирики: а) *суммы оценок субъективной значимости условий среды*, среди которых различались социальные пространства: *“Родительская семья”* (образование и занимаемая должность, субъективно значимая роль отца и матери); *“Родственники”* (роль братьев/сестер и близких родственников); *“Межличностные связи”* (роль друзей, мужчин, женщин), *“Семейная среда”* (роль супруги(а) и детей), *“Рабочая среда”* (роль руководителя и рабочих групп), *“Мезосреда”* (роль науки, искусства, религии) и б) *относительные оценки*. Полагалось, что *темпоральные* характеристики воздействия условий социальной среды на человека можно выводить из некоторых социальных “норм”. В качестве такой “нормы” был избран *возраст 20 лет* (в 20 лет человек может регулярно работать, руководить группой сотрудников, состоять в браке; соответственно, те, кто рано вступил в стабильный брак, стал руководить людьми, на кого соответствующие условия среды, окружения воздействуют более продолжительно, будут иметь преимущество перед теми, у кого подобные условия появляются позже или отсутствуют). Соответственно, относительные оценки рассчитывались по формуле: *Стаж (управленческой деятельности, состояния в браке, должность) : (Актуальный возраст — 20 лет)*, где в качестве знаменателя дроби выступала разница между актуальным возрастом опрашиваемого и условной “нормой”, равной 20 годам. Таким образом, мы получаем ряды величин, отражающих относительную продолжительность воздействия условий социальной среды и меру продолжительности влияния данных условий социального окружения на социальную успешность субъекта, где

более продолжительное воздействие условий среды представлено большими величинами.

Итак, использование в НИР как первичных, так и вторичных эмпирик (*сумм оценок и относительных оценок*) призвано найти новые аргументы к одному из ключевых вопросов проблемы ресурсов (об их “накоплении”, агрегировании, равной и неограниченной продолжительности действия) в “треугольнике” трех групп переменных, где *условия социальной среды* и критерии *социальной успешности субъекта* могут количественно определяться достаточно корректно, а наиболее сложные вопросы *ресурсов* — рассматриваться в разных аспектах, отношениях, связях, сравнениях.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Большая часть использованных эмпирик характеризовалась нормальным распределением, коэффициенты асимметрии и эксцесса были в пределах (≤ 1.000), что позволяет как выдвигать, так и проверять гипотезы. Надежность и валидность методики подтверждалась ранее [12; 13]. По полученным эмпирикам три выборки оказались близки по их средним и стандартным отклонениям, как по исходным оценкам, так и по суммарным (обобщенным) и по относительным, вычисляемым производным (табл. 1).

Из результатов описательной статистики следует, что три группы обследованных сопоставимы; в каждой из них имели место выраженные межличностные вариации по всем анализируемым переменным. При проведении *t*-сравнения меры сходства/различия субъективной значимости для обследованных 15 “факторов профессионализма” и особенностей родительской семьи у представителей трех *профессиональных групп* от 11 до 13 переменных (или 59–68%) достигали уровня статистической значимости; наиболее выделяется среди других выборка государственных служащих (табл. 2).

Ввиду размера сравниваемых групп (129, 132 и 221 человек) и их гомогенности значимость различий фиксируется уже при различии групповых средних около 0.50 балла (на этот критерий мы будем опираться и в последующем; поэтому в табл. 2 не приводятся значения уровня значимости при *t*-сравнении — они в большинстве составляют 0.01–0.001). При разделении выборки по другим критериям — *должностной позиции* (специалисты/руководители), *полу* (мужчины/женщины), полноте *самореализации в семейной сфере* (реализованные/не реализованные) — также установлены значимые

Таблица 1. Социально-демографические и профессионально-должностные характеристики выборок государственных служащих (132 человека), менеджеров (221 человек), инженеров и руководителей подразделений НИИ и промышленных предприятий (129 человек): основные и вторичные статистики (суммы оценок значимости факторов профессионализма и относительные оценки разных видов социального опыта/стажа)

Переменные	Государственные служащие		Менеджеры		Инженеры	
	<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>
Пол	0.6	0.48	0.6	0.51	0.8	0.41
Возраст	39.9	7.63	37.2	7.89	44.1	12.24
Стаж работы	19.7	8.28	16.2	8.35	23.5	12.70
Стаж управленческий	9.8	7.63	6.8	6.99	11.1	10.24
Должность	4.5	1.57	3.7	1.63	3.4	1.13
Брак	0.7	0.44	0.7	.45	0.8	0.93
Стаж семейный	13.2	9.29	10.8	9.54	18.3	13.18
Дети	1.4	1.33	1.1	0.9	1.5	0.94
<i>Суммарные переменные</i>						
Σ Родительская семья	15.9	4.41	17.9	3.22	15.5	4.77
Σ Родственники	15.6	5.93	12.4	6.17	11.1	6.55
Σ Межличностные	9.2	6.36	8.9	6.15	7.0	5.82
Σ Семейная среда	5.2	4.95	4.5	4.27	4.2	4.46
Σ Рабочая среда	4.4	2.31	9.1	3.89	8.1	5.01
Σ Мезосреда	10.0	8.09	10.9	6.99	8.1	6.51
<i>Относительные (производные) переменные</i>						
СтРаботы/Возраст_20	97.8	17.21	94.3	29.37	94.0	18.25
СтУправл/Возраст_20	46.3	28.83	35.8	29.37	40.4	30.58
Должность/Возраст_20	25.0	11.54	25.8	16.18	23.4	29.08
СтСемейный/Возраст_20	6.2	3.47	5.5	3.89	6.4	3.53

Примечание. Здесь и ниже: Стаж управленческий — стаж управленческой деятельности; Σ Родительская семья — сумма условий родительской семьи (уровень образования и занимаемая должность родителями, субъективные оценки роли отца и матери в становлении профессионализма субъекта); Σ Родственники — субъективные оценки роли братьев/сестер и других родственников; Σ Межличностные (отношения) — субъективные оценки роли друзей, мужчин и женщин; Σ Семейная среда — субъективные оценки роли супругов и детей; Σ Рабочая среда — субъективные оценки роли руководителей и рабочих групп; Σ Мезосреда — субъективные оценки роли науки, искусства, религии; СтРаботы/Возраст_20 — относительный стаж управленческой деятельности; Должность/Возраст_20 — быстрота карьеры; СтСемейный/Возраст_20 — относительный стаж семейной жизни.

различия средних; при этом различия средних, превышающие величину 0.50, имели место в отношении 5–8 переменных (или 26–47%). Значительная доля аналогичных различий сохраняется и при проведении анализа раздельно в каждой из профессиональных подвыборок — госслужащих, менеджеров, инженеров (см. три нижние строки табл. 2).

Ожидалось, что межгрупповые различия у представителей трех профессиональных групп не сводятся к отдельным “факторам профессионализма”, что эти переменные определенным образом связаны между собой. В выборке госслужащих для 9 используемых для иллюстрации анализируемых переменных имеют место 15 интеркорреляций с $r > 0.300$, менеджеров — 7, инженеров и руководителей — 14 (табл. 3; ввиду того что ряд переменных — роль матери, обстоятельств, науки, религии, искусства — слабо коррелирует с другими ($r < 0.200$), эти данные в таблице не приводятся). Примечательно, что в разных группах они чаще

не совпадают по величине и плеядам. Ожидание подтвердилось, что своеобразные структуры связей характерны для всех выделяемых социальных групп — специалистов и руководителей, мужчин и женщин, реализованных в семье и нереализованных. Другими словами, все выделяемые в НИР группы людей были уникальными в их связях с условиями среды, их социальным окружением (ввиду ограниченного формата статьи эти данные не приводятся и не обсуждаются).

Итак, наличие специфичных плеяд для каждой социальной группы должно указывать на нераздельное их влияние на профессиональную успешность субъекта. Поэтому на следующем этапе НИР проводились группировки анализируемых переменных с последующими статистическими расчетами. Отмечаемое во всех ранее рассматриваемых профессиональных выборках [12; 13] сходное влияние отдельных переменных — образование и должность матери, признание роли матери и отца,

Таблица 2. Особенности оценок условий среды как “факторов профессионализма” у представителей разных социальных групп

Переменные	ГС	Мен	Мен	Инж	Инж	ГС	Спец	Рук	Муж	Жен	Реал	Нереал
	М1	М2	М2	М3	М3	М1	М4	М5	М6	М7	М8	М9
Образование отца	3.13	3.45	3.45	2.73	2.73	3.13	3.18	3.13	3.02	3.40	2.99	3.44
Должность отца	3.04	3.29	3.29	2.75	2.75	3.04	2.82	3.47	3.06	3.14	3.95	3.16
Образование матери	3.08	3.49	3.49	2.75	2.75	3.08	3.19	3.22	3.03	3.41	2.99	3.66
Должность матери	1.91	2.76	2.76	2.33	2.33	1.91	2.35	2.54	2.31	2.55	2.32	2.61
<i>Субъективные оценки роли разных условий среды (окружения) в становлении профессионализма субъекта</i>												
Отца	5.38	3.94	3.94	3.79	3.79	5.38	3.46	5.48	4.41	4.14	4.46	3.44
Матери	5.69	5.07	5.07	4.46	4.46	5.69	4.71	5.69	4.92	5.33	4.93	5.31
Братьев/сестер	2.10	1.60	1.60	1.25	1.25	2.10	1.51	1.92	1.51	1.84	1.61	1.70
Родственников	2.61	1.79	1.79	1.58	1.58	2.61	1.64	2.25	2.07	1.73	2.02	1.87
Друзей	3.36	2.97	2.97	2.63	2.63	3.36	2.94	3.19	3.10	1.77	2.90	3.08
Женщин	2.48	2.65	2.65	1.76	1.76	2.48	2.34	2.52	2.16	2.75	2.26	2.65
Мужчин	3.41	3.34	3.34	2.53	2.53	3.41	2.73	3.82	3.10	3.22	3.03	3.10
Супругов	2.99	2.87	2.87	2.66	2.66	2.99	2.34	3.33	2.73	3.03	3.52	0.45
Детей	2.28	1.61	1.61	1.57	1.57	2.28	1.65	1.89	1.59	2.11	2.29	0.36
Руководителей	5.17	4.83	4.83	4.12	4.12	5.17	3.91	5.60	4.78	4.63	4.77	4.31
Рабочих групп	4.41	4.34	4.34	3.99	3.99	4.41	3.82	4.64	4.31	4.19	4.30	4.27
Обстоятельств	3.42	3.98	3.98	2.29	2.29	3.42	3.16	3.55	3.15	3.77	3.24	3.18
Науки	3.23	3.14	3.14	3.12	3.12	3.23	2.86	3.36	3.07	3.33	3.19	2.66
Искусства	2.11	2.24	2.24	1.68	1.68	2.11	1.88	2.16	1.89	2.36	2.04	2.04
Религии	1.22	1.57	1.57	0.94	0.94	1.22	1.25	1.35	1.14	1.66	1.18	1.34
Количество значимых различий и различий с $M_i \geq 0.50$	13	13	11	11	13	13	8/9	8/9	5/5	5/5	5/5	5/5
В выборке государственных служащих: Количество значимых различий/различий $M_i \geq 0.50$							5/9	5/9	0/4	0/4	6/13	6/13
В выборке менеджеров: Количество значимых различий/различий $M_i \geq 0.50$							5/6	5/6	10/8	10/8	7/12	7/12
В выборке инженеров: Количество значимых различий/различий $M_i \geq 0.50$							6/14	6/14	4/8	4/8	5/9	5/9

Примечание. M_i — средние по группе. ГС — государственные служащие; Мен — менеджеры; Инж — инженеры и руководители подразделений производственных предприятий; Спец — специалисты; Рук — руководители среднего и высшего звена управления; Муж — мужчины; Жен — женщины; Реал — реализованные в семейной сфере; Нереал — нереализованные. М1–М2 — статистики *t*-сравнения групп “государственные служащие”/“менеджеры”; М2–М3 — “менеджеры”/“инженеры”; М3–М1 — “инженеры”/“государственные служащие”; М4–М5 — “специалисты”/“руководители”; М6–М7 — “мужчины”/“женщины”; М8–М9 — “реализованные в семье/нереализованные”. Здесь и ниже: полужирным выделены различия на уровне $p < 0.01$ и $p < 0.001$.

друзей, мужчин и женщин, руководителей и рабочих групп и пр. — давало основания ожидать, что и их общее (суммарное) влияние соответственно отразится в величинах коэффициентов корреляции.

Для уточнения этого тезиса в очередном цикле расчетов анализируемые “факторы профессионализма” объединялись в группы: “Родительская семья” (образование и занимаемая должность родителей, признаваемая роль отца и матери); “Родственники” (роль братьев/сестер и близких родственников); “Межличностные связи” (роль друзей, мужчин, женщин), “Семейная среда” (роль супруги(а) и детей), “Рабочая среда” (роль

руководителя и рабочих групп), “Мезосреда” (роль науки, искусства, религии). Взаимного выраженного усиления влияния условий микро- и мезосреды, отраженного в их субъективной значимости, не установлено. Напротив, согласно полученным коэффициентам корреляции, в ряде случаев имеет место ослабление связей между выделенными группами условий и двумя критериями успешности субъекта — стажем управленческой деятельности и занимаемой должностью (табл. 4; также и полной самореализации в семье; ввиду ограниченного объема статьи эти данные здесь не приводятся). Позитивное влияние отдельных групп условий с возрастом нередко снижается, как и при

Таблица 3. Особенности связи оценок роли условий среды как “факторов профессионализма” у государственных служащих (132 человека), менеджеров коммерческих компаний (221 человек), инженеров и руководителей подразделений производственных предприятий (129 человек)

Государственные служащие	2	3	4	5	6	7	8	9
1. Отца	-0.01	-0.05	-0.03	0.33	0.03	-0.05	0.31	0.47
2. Друзей		0.37	0.42	0.18	0.49	0.35	0.05	-0.06
3. Женщин			0.62	0.28	0.36	0.37	0.03	-0.06
4. Мужчин				0.27	0.38	0.44	-0.03	-0.03
5. Руководителей					0.44	0.25	0.19	0.41
6. Рабочих групп						0.42	0.13	0.09
7. Науки							-0.02	-0.02
8. Стаж управленческий								0.45
9. Должность	Σ 15							-
Менеджеры	2	3	4	5	6	7	8	9
1. Отца	0.00	0.06	0.12	0.02	0.02	0.09	0.12	0.16
2. Друзей		0.48	0.45	0.29	0.25	0.15	-0.00	0.01
3. Женщин			0.55	0.28	0.25	0.29	-0.09	-0.03
4. Мужчин				0.33	0.27	0.29	0.03	0.21
5. Руководителей					0.47	0.34	0.10	0.21
6. Рабочих групп						0.25	0.07	0.12
7. Науки							0.02	0.13
8. Стаж управленческий								0.59
9. Должность	Σ 7							-
Инженеры	2	3	4	5	6	7	8	9
1. Отца	0.18	0.06	0.22	0.29	0.27	0.34	0.11	0.39
2. Друзей		0.29	0.31	0.36	0.28	0.19	0.11	0.31
3. Женщин			0.46	0.23	0.22	0.07	-0.23	0.02
4. Мужчин				0.19	0.20	0.17	-0.12	0.13
5. Руководителей					0.77	0.31	0.23	0.45
6. Рабочих групп						0.36	0.18	0.39
7. Науки							0.11	0.31
8. Стаж управленческий								0.48
9. Должность	Σ 14							-

Примечание. Здесь и ниже выделено шрифтом и знаком Σ число интеркорреляций с $r > 0.30$.

должностном продвижении человека, но сохраняется специфичность корреляционных плеяд и тесноты связей в каждой группе.

Вопросы о темпоральных характеристиках условий социальной среды как ресурсов рассматривались нами как сопоставления корреляций отдельных условий и групп условий, прямых и производных статистик, отражающих относительные доли социального опыта человека (стажа работы, управленческой деятельности, пребывания в должности, семейной жизни). Напомним, что продолжительность этих видов опыта человека, или стажа исполнения комплекса социальных ролей и функций (работника, руководителя, супруга), делилась на величину “*Возраст актуальный минус 20 лет*”. Из полученных результатов были выделены следующие: а) специфичность плеяд и тесноты связей переменных для каждой

профессиональной группы; б) слабые и разновалентные интеркорреляции условий среды — условия одних социальных пространств (например, типичные для деятельности руководителей, состоящих в браке) в их воздействии на людей не являются трансситуативными и всевременными; в) слабые связи возраста и соответствующего количественного увеличения воздействия условий среды при удлинении продолжительности их воздействий; г) ослабление ряда связей с возрастом и даже их преобразование в отрицательные значения (например, типичные для определенной должности, управленческой деятельности) (табл. 5). (Ввиду ограниченного объема статьи связи относительных служебно-должностных характеристик и оценок условий среды как “факторов профессионализма” у представителей разных групп не приводятся.)

Таблица 4. Особенности связи сумм оценок роли условий среды как “факторов профессионализма” у государственных служащих (132 человека), менеджеров коммерческих компаний (221 человек), инженеров и руководителей подразделений производственных предприятий (129 человек)

Госслужащие	2	3	4	5	6	7	8
1. Стаж управленческий	0.45	-0.05	0.27	0.02	0.08	0.13	-0.09
2. Должность	—	0.11	0.30	-0.06	0.12	0.08	-0.13
3. Σ Родительская семья		—	-0.01	0.05	0.03	0.12	0.05
4. Σ Родственники			—	0.31	0.33	0.28	0.18
5. Σ Межличностные связи				—	0.31	0.51	0.54
6. Σ Семейная среда					—	0.30	0.27
7. Σ Рабочая среда						—	0.41
8. Σ Мезосреда	$\Sigma 8$						—
Менеджеры	2	3	4	5	6	7	8
1. Стаж управленческий	0.59	0.05	0.06	-0.02	0.11	0.09	-0.01
2. Должность	—	0.04	0.13	0.093	0.05	0.18	0.10
3. Σ Родительская семья		—	0.20	0.04	0.01	0.00	0.02
4. Σ Родственники			—	0.24	0.22	0.05	0.28
5. Σ Межличностные связи				—	0.19	0.37	0.32
6. Σ Семейная среда					—	0.19	0.43
7. Σ Рабочая среда						—	0.32
8. Σ Мезосреда	$\Sigma 5$						—
Инженеры	2	3	4	5	6	7	8
1. Стаж управленческий	0.48	-0.21	-0.04	-0.10	0.25	0.22	0.03
2. Должность	—	0.13	0.24	0.19	0.31	0.45	0.22
3. Σ Родительская семья		—	0.209	0.08	-0.13	0.14	0.05
4. Σ Родственники			—	0.30	0.24	0.29	0.33
5. Σ Межличностные связи				—	0.22	0.34	0.33
6. Σ Семейная среда					—	0.23	0.15
7. Σ Рабочая среда						—	0.38
8. Σ Мезосреда	$\Sigma 8$						—

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

К задачам НИР, помимо отраженных в рабочих гипотезах, также относились: расширение области поиска, обращение к трем “измерениям” феномена — привлечение к анализу первичных и вторичных статистик; расширение “горизонта видения” проблемы; генерирование новых гипотез. Как отмечалось выше, при разных делениях выборки на социальные группы уровень статистически значимых различий фиксировался даже при незначительных различиях средних; значимых связей — при коэффициентах корреляции порядка $r = 0.200$ – 0.250 , что соответствует 4.0 – 6.0% объясняемой дисперсии. Поэтому нами выделены лишь коэффициенты с $r > 0.300$, которые объясняют не менее 9% дисперсии (см. табл. 3, 4).

Ключевыми вопросами НИР было не прояснение фактов влияния тех или иных условий среды на социальную успешность субъекта (что никем не отрицается), а того, имеет ли место монотонное усиление таких воздействий с возрастом человека,

с продолжительностью его жизнедеятельности в определенных социальных пространствах; при их сложении; равнозначно ли их влияние на разных людей, при изменении ими социального статуса (вступлении в брак, расторжении брака, назначении на новую должности и пр.). Сильных аргументов в подтверждение таких ожиданий не получено (см. табл. 4, 5).

Часть из рассматриваемых нами “факторов профессионализма” — внешних условий, в целом по выборке позитивно влияющих на разные аспекты социальной успешности человека, с возрастом теряет свое влияние и даже изменяет валентность. Одними из немногих надежных условий среды как ресурсов остаются *стаж управленческой деятельности* и *занимаемая должность*, предполагающие регулярное тесное общение с разными людьми, решение разных задач в разных условиях; в выборке инженеров также и *стаж семейной жизни* (в этой профессиональной группе браки более стабильны и продолжительны, в семьях больше детей — см. табл. 1).

Таблица 5. Особенности связи абсолютных и относительных служебно-должностных характеристик у государственных служащих (132 человека), менеджеров коммерческих компаний (221 человек), инженеров и руководителей подразделений производственных предприятий (129 человек)

Госслужащие	2	3	4	5	6	7
1. Стаж управленческий	0.45	0.55	0.25	0.91	-0.21	0.21
2. Должность	—	0.35	0.02	0.43	0.43	0.14
3. Возраст		—	0.16	0.26	-0.59	0.300
4. СтРаботы/Возраст_20			—	0.21	-0.23	0.19
5. СтУправл/Возраст_20				—	0.03	0.10
6. Должность/Возраст_20					—	-0.22
7. СтСемейный_Возраст_20	Σ7					—
Менеджеры	2	3	4	5	6	7
1. Стаж управленческий	0.59	0.67	0.20	0.84	-0.12	0.31
2. Должность	—	0.29	0.18	0.63	0.41	0.12
3. Возраст		—	0.00	0.29	-0.55	0.44
4. СтРаботы/Возраст_20			—	0.31	0.25	0.03
5. СтУправл/Возраст_20				—	0.17	0.17
6. Должность/Возраст_20					—	-0.24
7. СтСемейный_Возраст_20	Σ8					—
Инженеры	2	3	4	5	6	7
1. Стаж управленческий	0.48	0.69	0.28	0.84	-0.28	0.52
2. Должность	—	0.42	0.17	0.37	-0.03	0.17
3. Возраст		—	0.39	0.44	-0.55	0.62
4. СтРаботы/Возраст_20			—	0.30	-0.29	0.39
5. СтУправл/Возраст_20				—	-0.13	0.48
6. Должность/Возраст_20					—	-0.37
7. СтСемейный_Возраст_20	Σ11					—

Как отмечалось выше, сходные результаты получены при проведении статистических расчетов отдельно в каждой из профессиональных групп. Другими словами, у людей с разными индивидуальными особенностями, работающих в разных профессиональных сферах, занимающих разные должностные позиции, взаимодействующих с разными коллегами и, завершив работу, возвращающихся в свою семейную среду, имеют место типовые паттерны значимых условий среды, равно как и изменения их значимости со временем. И при этом та или иная микро- и мезосреда (семья, рабочих групп, корпоративной культуры организации и пр.) воздействует на человека не диффузно и не “в целом”; отдельные условия среды имеют выражено разное значение для разных людей.

Принимая во внимание сходство средних между профессиональными группами при их выраженных межиндивидуальных и межгрупповых различиях (см. табл. 1, 2), можно было бы ожидать их арифметические сложения в их эффектах на профессиональную и, шире, социальную успешность субъекта. Если рассматриваемые как действующие отдельно, изолированно условия среды коррелируют между собой чаще в интервале от $r = 0.150$ до $r = 0.772$, можно было бы ожидать, что при их

объединении в группы все интеркорреляции возрастут до интервала 0.500–0.900. Но такого их взаимного усиления нет, коэффициенты интеркорреляций групп условий (родительской семьи и своей, круга родственников и друзей, рабочей среды и пр.) находятся в интервале 0.000–0.500; их позитивная роль в продолжительности управленческого стажа и должностного продвижения чаще невелика — коэффициенты корреляции вмещаются в интервал от $-0,057$ до $+0,449$; в отношении возраста эти связи смещаются в интервал от $r = -0,340$ до $r = \pm 0,117$, за исключением роли собственной семьи, которая для представителей трех профессиональных групп сохраняет свое благодатное, но слабое влияние ($r = 0.206$; 0.114; 0.314). Следовательно, есть основания говорить не об усилении и накоплении, а об *ослаблении совместного влияния условий среды на социальную успешность субъекта*.

Те же результаты получены и при анализе относительных величин. Если бы ресурсы накапливались и сохранялись со временем, то теснота всех корреляционных связей возрастала бы до уровня 0.700–0.900 (вследствие возрастания индекса воздействия условий среды со временем), но они чаще не превышают величину 0.200–0.300, в отдельных случаях такие связи имели отрицательный знак (см.

табл. 5). Следовательно, простого количественного усиления, возрастания, “накопления ресурсов” с возрастом при увеличении продолжительности действия условий социальной среды не отмечается. То, что первоначально может выступать как важное позитивное условие, со временем теряет свою силу, значимость, ослабевает в своем воздействии на человека.

Приведем аналогичные примеры. В спорте высоких достижений (СВД) одни из ключевых вопросов подготовки спортсменов — вопросы снижения прироста результатов, сокращения интервалов позитивного воздействия средств и методов тренировки с возрастом и стажем спортсмена; разные темпы прироста мастерства при формировании психофизиологически разных стилей (см. [4; 14]); феномен “плато”; иерархические структурные изменения при освоении нового социального опыта [1; 14; 16]; регулярные структурные перестройки психических и психофизиологических функций на протяжении возрастного периода 18–46 лет отмечались Б.Г. Ананьевым с сотрудниками [3; 10]; парадоксальные эффекты позитивных последствий у людей, переживших травматические события (“стресс-индуцированный рост”), как следствия внутренних перестроек, реорганизации человеком своего внутреннего мира.

Завершая обсуждение результатов исследования, признаем: нами не получены аргументы в пользу утверждений об эффектах “накопления” разных ресурсов со временем, с продолжительностью воздействия условий среды, с возрастом человека. Суммарное влияние пространственно сопряженных условий среды с возрастом может даже снижаться (см. табл. 4); их большая продолжительность и регулярность воздействия не “преломляются” в социальной успешности человека (см. табл. 5). Методами параметрической статистики не выделяются преимущества суммарных, интегральных комплексов условий в сравнении с ролью отдельных, парциальных условий как возможных факторов успешности субъекта, также как и относительных величин, отражающих длительность воздействия условий среды. Рабочие гипотезы получили подтверждение. Результаты нашего исследования побуждают понимать феномен “ресурсы” как *процессы, формирующие и/или поддерживающие востребованные функциональные состояния человека как субъекта жизнедеятельности (состояния, сопряженные с социальной успешностью); различаются ресурсы, поддерживающие ранее сформированные функциональные системы и ресурсы, их изменяющие, формирующие новые системы (сопряженные с повышением социальной успешности).*

В затронутой проблеме ресурсов остаются открытые вопросы. Некоторые из них инициируются результатами нашего исследования. Так, например, многие специалисты говорят об эффектах “накопления” действия негативных факторов, понижающих жизнеспособность, стрессоустойчивость человека, усиливающих психическое выгорание, в целом понижающих его успешность как субъекта, как личности и т.п. [2; 6–8; 18], но не подтверждаются эффекты “накопления” действия *позитивных факторов, повышающих социальную успешность человека*. В работах по психологии развития акцентируется благотворная роль матери ребенка и занижается роль отца; согласно результатам нашей НИР, у лиц зрелого возраста высокие оценки субъективной значимости роли матери нередко отрицательно связаны с успешностью создания собственной семьи, успешностью межличностных коммуникаций, тогда как высокие оценки роли отца трансситуативны в продолжение всей жизни человека (иначе в большем временном масштабе валентность разных условий может изменяться). Отдельными темами, не затрагиваемыми в настоящей работе, остаются вопросы интрасубъектных ресурсов (организации и процессов изменения “внутренних условий” субъекта) и интерсубъектных ресурсов (порождаемых в процессах взаимодействия людей).

ВЫВОДЫ

1. Позитивно влияющие условия социальной среды неравнозначимы для всех людей (лиц разного пола, возраста, работающих в разных сферах деятельности, имеющих разный социальный опыт и др.). При совместном воздействии позитивно влияющие условия среды не суммируются и не дают более сильный эффект, нежели при их отдельных, избирательных воздействиях, также как и при их продолжительном воздействии.

2. Преимущественно слабые корреляционные связи между переменными, незначительные по величине различия в выделяемых группах, часто невысокие индивидуальные оценки условий среды как “факторов профессионализма” указывают на необходимость расширения арсенала методов изучения феномена “ресурсы”, расширение спектра критериев успешности человека и анализируемых условий среды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров Ю.И., Александрова Н.Л. Субъективный опыт, культура и социальные представления. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2009. 320 с.

2. *Водопьянова Н.Е.* Психодиагностика стресса. СПб.: Питер, 2009. 189 с.
3. Возрастные особенности психических функций в период зрелости (41–46 л.) / Отв. ред. Я.И. Петров. М.: АПН СССР, 1984. 224 с.
4. *Ильин Е.П.* Психология спорта. СПб.: Питер, 2009. 352 с.
5. *Кибальченко И.А., Эксакусто Т.В.* Психология креативности, одаренности и гениальности. Таганрог: Изд-во Южного федерального университета, 2021. 237 с.
6. *Лактионова А.И.* Жизнеспособность и социальная адаптация подростков. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2017. 396 с.
7. Личностный потенциал: структура и диагностика / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. 680 с.
8. *Махнач А.В.* Жизнеспособность человека и семьи: социально-психологическая парадигма. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2016. 459 с.
9. *Ожиганова Г.В.* Духовная личность. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2020. 288 с.
10. Развитие психофизиологических функций взрослых людей / Под ред. Б.Г. Ананьева, Е.И. Степановой. Кн. 1, 2. М.: Педагогика, 1972.
11. *Толочек В.А.* Профессиональная успешность: от способностей к ресурсам (дополняющие парадигмы) // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2009. Т. 6. № 3. С. 27–61.
12. *Толочек В.А., Денисова В.Г.* Динамика профессионального становления в представлениях субъекта: самооценки как самодостаточные эмпирические данные // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 6. С. 29–39.
13. *Толочек В.А., Журавлева Н.И.* Динамика актуализации ресурсов субъекта на протяжении профессиональной карьеры // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 1. С. 91–107.
14. *Толочек В.А.* Стили деятельности: ресурсный подход. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2015. 366 с.
15. *Хазова С.А., Дорьева Е.А.* Ресурсы субъекта: теория и практика исследования. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2012. 238 с.
16. *Шадриков В.Д.* Психология деятельности человека. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2013. 464 с.
17. *Diener E., Fujita F.* Resources, personal strivings, and subjective well-being: A nomothetic and idiographic approach // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1995. V. 68 (5). P. 926–935. DOI: 10.1037/0022-3514.68.5.926
18. *Masten A.S., Obradović J.* Competence and resilience in development // *Annals of the New York Academy of Sciences*. 2006. V. 1094. P. 13–27. DOI: 10.1196/annals.1376.003
19. *Seligman M.E.P.* The prediction and prevention of depression // D.K. Routh, R.J. De Rubeis (eds). *The science of clinical psychology: Accomplishments and future directions* American Psychological Association, 1998. P. 201–214. DOI: 10.1037/10280-008
20. *Taylor Sh.E.* *Health psychology*. Boston: McGraw Hills, Inc., 1995.

SOCIAL ENVIRONMENT CONDITIONS, RESOURCES AND SOCIAL SUCCESS OF SUBJECTS: OPEN QUESTIONS⁴

V. A. Tolochek

*Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, bldn. 1, Russia.
ScD (Psychology), Professor, Leading Researcher of the Laboratory of Labour,
Engineering Psychology and Ergonomics.
E-mail: tolochekva@mail.ru*

Received 11.01.2022

Abstract: The article is devoted to the study of temporal and spatial characteristics of the conditions of the social environment as potential resources for the social success of subjects. The author’s methodology was used (questionnaire “Dynamics of professional life style”); respondents (482 men and women aged 30–50 years old — civil servants, engineers and heads of departments of industrial enterprises, managers) assessed in points the role of social environment conditions as “professional factors”, the dynamics of their professionalism from

⁴ The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation, project No. 22-28-00250 “Professional career: resource approach”, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences.

20 to 65 years; their socio-demographic and service characteristics were recorded. In the course of statistical analysis, the total sample was divided into different groups (men and women, specialists and managers, representatives of various professions, realized and unrealized in the family sphere); the sums of assessments of the environmental conditions of different social spaces were used (“Parental family”, “Relatives”, “Interpersonal relations”, “Own family”, “Work environment”, “Mesoenvironment”) and relative assessments (reflecting the duration of the duties of the head, managerial experience and family life relative to the age of the respondents). We received confirmation of the hypothesis that different positively influencing conditions of the social environment are not equally significant for all people, people of different sex, age, working in different fields of activity, having different social experience; in case of joint and/or long-term impact, the positively influencing conditions of the social environment are not summed up and do not give a stronger effect than with their separate, selective and/or short-term effects.

Keywords: social environment conditions, social success, resources, total (spatial) and relative (temporal) characteristics, effects

REFERENCES

1. *Aleksandrov Yu.I., Aleksandrova N.L.* Sub”ektivnyy opyt, kul’tura i social’nye predstavleniya. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 2009. 320 p. (In Russian)
2. *Vodop’yanova N.E.* Psihodiagnostika stressa. Saint Petersburg: Piter, 2009. 189 p. (In Russian)
3. *Vozrastnye osobennosti psihicheskikh funktsij v period zrelosti (41–46 l.).* Ed. Ya.I. Petrov. Moscow: APN SSSR, 1984. 224 p. (In Russian)
4. *Il’in E.P.* Psihologiya sporta. Saint Petersburg: Piter, 2009. 352 p. (In Russian)
5. *Kibal’chenko I.A., Eksakusto T.V.* Psihologiya kreativnosti, odarennosti i genial’nosti. Taganrog: Izd-vo Yuzhno-go federal’nogo universiteta, 2021. 237 p. (In Russian)
6. *Laktionova A.I.* Zhiznesposobnost’ i social’naya adaptatsiya podrostkov. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 2017. 396 p. (In Russian)
7. *Lichnostnyy potencial: struktura i diagnostika.* Ed. D.A. Leont’ev. Moscow: Smysl, 2011. 680 p. (In Russian)
8. *Mahnach A.V.* Zhiznesposobnost’ cheloveka i sem’i: social’no-psihologicheskaya paradigma. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 2016. 459 p. (In Russian)
9. *Ozhiganova G.V.* Duhovnaya lichnost’. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 2020. 288 p. (In Russian)
10. *Razvitie psihofiziologicheskikh funktsij vzroslykh lyudej.* Ed. B.G. Anan’ev, E.I. Stepanova. Kn. 1, 2. Moscow: Pedagogika, 1972. (In Russian)
11. *Tolochek V.A.* Professional’naya uspehnost’: ot sposobnostej k resursam (dopolnyayushchie paradigmy). Psihologiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki. 2009. V. 6. № 3. P. 27–61. (In Russian)
12. *Tolochek V.A., Denisova V.G.* Dinamika professional’nogo stanovleniya v predstavleniyah sub”ekta: samoocenki kak samodostatochnye empiricheskie dannye. Psihologicheskii zhurnal. 2013. V. 34. № 6. P. 29–39. (In Russian)
13. *Tolochek V.A., Zhuravleva N.I.* Dinamika aktualizatsii resursov sub”ekta na protyazhenii professional’noj kar’ery. Psihologicheskii zhurnal. 2015. V. 36. № 1. P. 91–107. (In Russian)
14. *Tolochek V.A.* Stili deyatel’nosti: resursnyy podhod. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 2015. 366 p. (In Russian)
15. *Hazova S.A., Dor’eva E.A.* Resursy sub”ekta: teoriya i praktika issledovaniya. Kostroma: KGU im. N.A. Nekrasova, 2012. 238 p. (In Russian)
16. *Shadrikov V.D.* Psihologiya deyatel’nosti cheloveka. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 2013. 464 p. (In Russian)
17. *Diener E., Fujita F.* Resources, personal strivings, and subjective well-being: A nomothetic and idiographic approach. *Journal of Personality and Social Psychology.* 1995. V. 68 (5). P. 926–935. DOI: 10.1037/0022-3514.68.5.926
18. *Masten A.S., Obradović J.* Competence and resilience in development. *Annals of the New York Academy of Sciences.* 2006. V. 1094. P. 13–27. DOI: 10.1196/annals.1376.003
19. *Seligman M.E.P.* The prediction and prevention of depression. D.K. Routh, R.J. DeRubeis (eds). *The science of clinical psychology: Accomplishments and future directions* American Psychological Association, 1998. P. 201–214. DOI: 10.1037/10280-008
20. *Taylor Sh.E.* Health psychology. Boston: McGraw Hills, Inc., 1995.

УДК 159.97

ПСИХОСОМАТИКА КОЖНЫХ ЗАБОЛЕВАНИЙ И РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПСИХИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

© 2022 г. Т. А. Ребеко

ФГБУН Институт психологии РАН;

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.

Кандидат психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник
лаборатории психологии способностей и ментальных ресурсов им. В.Н. Дружинина.

E-mail: rebekota@yandex.ru

Поступила 05.09.2021

Аннотация. Обсуждаются понятие психического пространства и роль кожи в дифференциации его границ в ходе онтогенеза. Кожные заболевания (атопический дерматит и псориаз) рассматриваются как психосоматические проявления травмы сепарации, которые соотносятся с двумя тенденциями: к слиянию и инкапсуляции соответственно. В исследовании участвовали 72 женщины в возрасте 20–40 лет (30 здоровых, 17 с псориазом и 25 с atopическим дерматитом). С помощью методики “Вопросник пространственного Я” определялись три вида границ пространственного Я: телесная граница, социальная и символическая. Обнаружено, что экспериментальные группы имеют разный профиль репрезентаций границ Я по сравнению с контрольной. Телесная граница Я в группе с atopическим дерматитом интерпретируется как сверхпроницаемая, а в группе с псориазом — как сверхнепроницаемая. В группе “атопический дерматит” обнажение травмы сепарации проявляется в спутанности при дифференциации себя от других (социальная граница Я), а в группе “псориаз” — в затруднениях при соотношении себя с внешним миром (символическая граница Я). Сделан вывод о том, что генезис структуры психического пространства соотносится с итогом разрешения травмы сепарации на стадии выхода из симбиоза.

Ключевые слова: психосоматические заболевания кожи (атопический дерматит/псориаз), симбиоз, травма сепарации, психическое пространство, границы Я, тенденция к слиянию/инкапсуляции.

DOI: 10.31857/S020595920021479-2

Увеличение числа публикаций, посвященных психосоматическим проблемам, свидетельствует о тренде рассмотрения человека в единстве природного и социального. “Природное и социальное — это не два компонента психики человека, а единый субъект с его живым процессом саморегуляции всех форм активности людей” [3, с. 511]. В философии принцип холистического единства психики (mind) и тела нашел выражение в понятии “воплощение”. “Разум и психика формируются нашими воплощенными телесными переживаниями” [19]. Теоретический конструкт (воплощение) рассматривает “восприятие, познание и телесную активность как единый непрерывный процесс” [37]. В психологии и философии интенсивно обсуждается проблема связи соматического и психического. М. Сабан, анализируя философию М. Мерло-Понти, вводит понятие плоти (в отличие от тела), с помощью которого описывается исходное единство как “общее воплощенное поле” [32, с. 116]. Наше “общее поле мыслей” можно вывести

из “нашей совместной воплощенности”, или “нашей совместной плоти”. “Воплощенность является исходным способом (mode) существования индивидуальности в мире” [Там же, с. 120].

Согласно М. Мерло-Понти, “плоть представляет собой локус пересечения, то место, где дихотомии субъекта и объекта, я и другое на мгновение путаются... как стержень, где некто одновременно является видящим и видимым” [31, с. 45]. В.П. Зинченко приводит слова А. Бергсона о теле, погруженном в поток интенциональных переживаний. Свое тело — это “место прохождения полученных и отосланных движений, соединительная черта между вещами, на которые действую я, и вещами, которые действуют на меня” [4, с. 37].

Мышление, традиционно рассматриваемое как “социально обусловленное”, имеет в своем истоке телесный опыт. “Это означает, что структуры, образующие нашу концептуальную систему, имеют своим источником наш чувственный опыт

и осмысляются в его терминах; более того, ядро нашей концептуальной системы непосредственно основывается на восприятии, движениях тела и опыте физического и социального характера” [6, с. 12]. И далее: “Концептуальные метафоры не являются только полетом фантазии, но могут иметь основу в опыте нашего тела” [7, с. 538].

Репрезентация психического пространства является необходимым условием формирования концептуального опыта. Психическое пространство выступает основой для последующего развития и построения ментального пространства: “динамической формы ментального опыта, которая актуализируется в условиях познавательного взаимодействия субъекта и объекта” [12, с. 138]. По словам Ж.-Фр. Ришара [8], силлогические конструкции имеют пространственную репрезентацию.

Исходно в онтогенезе переживание целостности психики и тела выражено на стадии симбиоза. Таким образом, можно утверждать, что пространство тела исходно формируется в симбиозе матери и младенца. Стоит заметить, что понятие “симбиоз” не исчерпывается сугубо биологическим пониманием взаимовыгодного отношения между двумя отдельными индивидами. Психологическое значение симбиоза, по образному выражению Алесандры Кавалли, состоит в психологическом “донашивании” младенца (как это делают сумчатые животные) [18]. Дж. Лютенберг называет это состояние слитности матери и ребенка “ментальной маткой” — эта материнская функция, по словам автора, “олицетворяет период первичного нормального симбиоза” [28, с. 107]. “У человека перинатальная симбиотическая связь является матрицей, лежащей в основе психосексуального развития, которая ведет, в свою очередь, к дифференцированному психическому структурированию” [Там же, с. 91].

На стадии симбиоза еще нет деления на Я и не-Я, “две поверхности Я-кожи образуют всего лишь одну, но эта единственная поверхность скручена в виде описанного математиком Мебиусом кольца... отсюда появляются нарушения между тем, что идет изнутри, и тем, что происходит снаружи” [1, с. 118]. По словам А. Бергстайна, на ранних этапах онтогенеза “самость переживается как поверхность без внутреннего измерения (with no inner dimension)” [17, с. 79].

Идея удержания и содержания развивается в модели У. Биона. Она вводит сопряженные понятия “контейнирующее—контейнируемое” для описания процесса связывания психического опыта. Эта модель позволяет объяснить “постоянно изменяющиеся психосоматические состояния ребенка,

которые непрерывно влияют на то, ощущает ли он себя более или менее собранным или более или менее фрагментированным” [36, с. 30]. На ранних этапах онтогенеза телесный опыт переживается “и как содержащий и как содержимое”, и при этом происходит смешение/спутывание (confused) с опытом материнского тела [23, с. 218].

По словам К. Финка, “с самого начала между младенцем и матерью нет пространства; младенец чувствует только часть матери. И только после рождения очень медленно ребенок начинает понимать, что между ним и матерью существует физический и эмоциональный разрыв. Этот разрыв становится все больше по мере созревания личности” [22, с. 482]. Поэтому, по словам Финка, совершенно определено можно утверждать, что “внешний мир и внутренний мир только тогда начинают существовать, когда установлено понятие пространства” [Там же, с. 482].

Э. Бик ввела понятие “психическая кожа”, с помощью которого описывается единение матери и младенца. Психическая кожа выполняет функцию “связывания воедино частей личности, которые еще не отдифференцированы от частей тела” [16, с. 186]. “Кожа ребенка благодаря как внутреннему ощущению, которое она вызывает, так и благодаря тому, что она создает границу с кожей матери, переживается как обладающая способностью как удерживать, так и содержать самого ребенка” [29, с. 41].

Если мать способна “реагировать на переживание ребенка, то это ощущается ребенком как собирание воедино его телесных ощущений”, что порождает “ощущение телесной целостности” [36, с. 31]. Этот опыт может быть описан как “чувство телесной интеграции”, “обладание кожей”, “физическое ощущение себя” [Там же, с. 32]. Следовательно, переживание опыта кожи с самого раннего онтогенеза является не только природным, но и социальным явлением, обеспечивающим как собирание воедино, так и контакт с матерью. Поэтому определено можно утверждать, что кожа является репрезентантом психосоматического единства. А. Коннолли утверждает, что важнейшую роль в переживании кожи как границы психического играет мать. Ее способность к детоксикации и ментализации соматических переживаний позволяет младенцу интегрировать тот «психический материал, который ранее в качестве “своего” им не воспринимался». В том случае, если на стадии симбиоза происходит травматическое переживание, связанное с ненадлежащим уходом, то это приводит к “нарушениям воплощения и ощущения собственного тела” [19].

Некоторые авторы выделяют этапы репрезентации психической кожи. Исходно в онтогенезе (как и в случае аутизма) репрезентация мира представлена двумерными объектами, которые защищают человека от травмирующего переживания “снаружи” и “не-Я опыта”. Двумерная репрезентация психического пространства сопряжена с неспособностью формировать представление как о себе, так и об объекте как о чем-то обладающем объемом, т.е. способным “содержать” нечто. В ходе дальнейшего развития возникает то, что «можно было бы назвать ограничивающей мембраной, которая в некоторой степени (в здоровом состоянии) приравнивается к поверхности кожи и занимает положение между “я” младенца и его “не-я”» [24, с. 43].

Именно ментальная репрезентация границы тела (кожи) позволяет младенцу психически выделить себя в качестве индивида. В этом смысле кожа является тем органом, который выполняет эту функцию как связывания, так и дифференциации себя. По словам Б. Фельдмана, взаимодействия между младенцем и матерью, которые включают поверхность его тела — кожу, — являются критическими для развития “чувства внутреннего пространства”, которое отграничено от внешнего мира благодаря “границе, переживаемой как кожа” [21, с. 47].

Для формирования понятия пространства необходимо, чтобы ребенок посредством тела ощущал континуальность, в первую очередь континуальность телесную. Дидье Анзье разработал понятие “Я-кожа” [1]. Согласно Д. Анзье, понятие “внутреннее” и “внешнее” формируется из тактильных и кинестетических переживаний раннего детства [11, с. 224]. По словам А. Вербарта, кожа порождает первую дифференциацию, которая открывает пространство для психических феноменов. Автор ссылается на Анзье, который рассматривал Я-кожу как психическую оболочку, которая содержит, ограничивает и защищает, но также структурирует психику [40, с. 47]. Согласно Анзье, важным этапом развития является формирование границы. Я-кожа “создает различие между внутренним и внешним, между сейчас и тогда...” [Там же]. Только после того, как эта функция усвоена, может быть “осознание внешнего пространства вне кожи” [15].

Таким образом, построение индивидуального психического пространства происходит с опорой на опыт телесной дифференциации “внутри—снаружи”. В результате формируется ментальный образ Себя в качестве отделенного от внешнего мира и отличного от других. По словам Р. Сандри, именно телесный опыт (включая все модальности, и особенно опыт движений) позволяет перейти к репрезентации психического пространства с его

необходимыми атрибутами, такими как “внутри—снаружи”, “наличие—отсутствие”. И если сначала ребенок воспринимал мир наподобие птолемеевской системы, то с наступлением периода сепарации он начинает понимать, что пространство может быть пустым [33, с. 90].

На этапе выхода из симбиоза происходит трансформация соматической кожи в интернализированную психологическую, формируется репрезентация трехмерного пространства. Зрелое и дифференцированное переживание опыта кожи определяет границу Я, выделяя собственное Я и отделяя его от не-Я, т.е. можно говорить о “субъект-объектном членении реальности” [3, с. 236].

В ходе развития и по мере того, как внутренний мир ребенка становится “более интегрированным, становится возможным чувство внутренней континуальности. В возрасте около года ребенок может поддерживать внутренние отношения с матерью при ее отсутствии” [36, с. 45]. Если опыт кожи как границы между внутренней и внешней реальностью сформирован, “индивид способен переживать происходящее внутри своей собственной кожи как сепарированное, но и взаимосвязанное со значимыми другими” [21, с. 47].

Этот этап сепарации не является одномоментным, а имеет некоторую протяженность и потенциальную травматичность [18]. По словам Мары Сидоли, травматичным для младенца является отрыв от матери в тот момент, когда мать и младенец находятся в слиянии и когда “контейнирующая функция матери еще не может быть дифференцирована ни матерью, ни младенцем” [34, с. 179]. Опыт, который не был опосредован матерью, отщепляется, диссоциируется и не интегрируется с остальными частями личности. На основании длительного терапевтического опыта с детьми М. Сидоли [35] делает вывод о том, что непроработанные эмоциональные фрагменты опыта локализируются в теле и проявляются в виде соматических симптомов или стереотипных форм поведения.

Если мать не смогла обеспечить надлежащий холдинг и ребенок не чувствует себя в безопасности, то он будет искать эквивалент для психической кожи “в попытке создать для себя ощущение, что рудиментарные части его личности могут как-то быть соединены вместе” [38, с. 49]. В этом случае он не может развить способность к интеграции “того, что внутри и того, что происходит вовне...” и, как следствие, у него не возникает “чувства когерентности внутреннего и внешнего опыта” [38, с. 46]. В таком случае “фокус таких физически переживаемых тревог, вероятно, будет

проецироваться на психосоматические симптомы, особенно на уровне кожи” [15].

Эстер Бик вводит понятие “вторая кожа” для описания “защитной структуры личности, которая обеспечивает псевдонезависимый *modus vivendi* — мускульный или интеллектуальный панцирь, при котором допускается самоконтейнирование, но отрицается нужда во внешнем объекте” [21, с. 48].

“Если формируется вторая, или ложная кожа, ребенок развивает преждевременную независимость от фигуры первичной привязанности, и может показаться, что он функционирует автономно” [20, с. 182]. Эта преждевременная автономия может маскировать чувства чрезвычайной тревоги, экстремальные формы избегающей привязанности и использовать автосенсорное поведение для самоуспокоения и комфорта [Там же, с. 182].

Кожные заболевания в числе других часто рассматриваются как психосоматические, т.е. как “преждевременное использование тела для выражения психических страданий и их удержания” [26, с. 236]. Таким образом, психосоматические кожные заболевания являются симптомом, выражающим ненадлежащий опыт сепарации. Травма сепарации имеет множество проявлений (например, в случае нарушения пищевого поведения [5]); такая травма может “сохраняться во всех частях тела, во внутренних органах и на коже...” и напоминает “атомные отходы, которые могут опуститься на дно океана, делая мир непригодным для жизни” [30, с. 32].

Ранее на материале методики Г. Аммона мы показали, что АД и ПС сопряжены с разными способами разрешения сепарационного конфликта: АД также возможно интерпретировать как метафору вынужденного и преждевременного выталкивания из симбиоза, как протестную реакцию на сепарацию, а ПС — как метафору поспешного стремления к взрослости, к инкапсуляции. В настоящем исследовании мы развиваем идею о том, что АД является психосоматическим проявлением тенденции к слиянию, а ПС — к инкапсуляции [9].

В случае травматического расщепления психосоматического единства происходит “противостояние психики и сомы”, вследствие чего они репрезентируют “два совершенно разных состояния ума (*mind*)” [23, с. 219]. Продолжая идею о поступательном развитии симбиотического пространства тела в психическое пространство, можно допустить, что разные проблемы, связанные с выходом из симбиоза, порождают разные структуры психического пространства, которые проявляются в форме разного профиля границ Я.

Теоретической гипотезой исследования является предположение о том, что психосоматические кожные заболевания (как последствия травмы сепарации) проявляются в деформации границ Я.

Эмпирическая гипотеза 1: в экспериментальных группах респондентов деформирована репрезентация телесной границы Я (по сравнению с контрольной группой), что выражается в сверхпроницаемости и сверхнепроницаемости границы телесного Я соответственно.

Эмпирическая гипотеза 2: в группе респондентов АД (для которых характерна тенденция к слиянию) репрезентация границы Я проявляется в спутанности при дифференциации себя от других (социальная границы Я), а в группе респондентов ПС (для которых характерна тенденция к инкапсуляции) — в дефекте соотношения себя с внешним миром.

Цель исследования, выполненного в парадигме квазиэксперимента, состоит в выявлении связей сопряженности в репрезентации границ Я в разных группах испытуемых.

Предмет исследования — репрезентации границ Я.

Объект исследования — женщины, страдающие псориазом и атопическим дерматитом.

Актуальность исследования: разные виды репрезентации границ Я могут служить индикаторами психологических проблем, сопутствующих разным нозологическим группам кожных заболеваний.

Задача исследования состоит в выявлении сопряженности между границами Я (телесной, социальной и символической) в разных группах испытуемых.

МЕТОДИКА

Участницы исследования. 72 женщины в возрасте 20–40 лет, $M_e = 37$: 30 здоровых женщин (НОРМ — контрольная группа), 17 с псориазом (ПС) и 25 с атопическим дерматитом (АД) — экспериментальные группы.

Методики. Вопросник пространственного Я (ВПЯ) [13] для определения трех видов границ пространственного Я: телесной, социальной и символической. Данный опросник является адаптированной версией методики амебного Я (*Amoebic Self Scale*). «Ключевым понятием теории амебного Я является граница, которая определяет ментальную территорию Я, “зону перехода” между “Я” и “не-Я”, “внутри” и “вовне” и т.д. Эта граница представлена на 3 уровнях Я-репрезентаций: телесном, социальном и символическом» [2, с. 72].

Процедура. Исследование проводилось на добровольной основе. Все участницы получали возможность обсудить личностные проблемы с психологом в качестве бонуса по окончании исследования.

Обработка данных проводилась с помощью пакета Statistica 8.0. Использовался непараметрический критерий Краскела–Уоллиса.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Результаты множественного сравнения по критерию Краскела–Уоллиса приведены в табл. 1.

Таблица 1. Зависимость переменной “Телесный уровень” от выборки

	НОРМ R: 39.117	АД R: 17.500	ПС R: 59.824
НОРМ		0.000410	0.003352
АД	0.000410		0.000000
ПС	0.003352	0.000000	

Примечание. Здесь и далее: в шапке таблицы представлены значения рангов для каждой подгруппы испытуемых, в клетках приведены оценки вероятностей.

Все три группы испытуемых достоверно различаются по шкале “Телесное Я” ($H(2, N = 72) = 45.21709$; $p = 0.0000$). В группе ПС получены сверхвысокие значения, в группе АД — низкие. Группа НОРМ имеет промежуточные значения.

Согласно интерпретации теста, телесный уровень “амебного Я” может быть определен мерой толерантности к преднамеренным нарушениям телесных границ. “На телесном уровне осуществляется репрезентация границы тела и среды. С увеличением телесного Я возрастает принятие физических воздействий на тело (напр., татуировки, пирсинг, инъекции и т.п.)” [2, с. 72]. Иными словами, можно говорить о повышенной уязвимости в отношении телесного контакта в группе АД и пониженной в группе ПС.

Все три группы испытуемых достоверно различаются по шкале “Социальный уровень” ($H(2, N = 72) = 52.53736$; $p = 0.0000$). В группе НОРМ получены высокие значения, в группе АД — сверхнизкие. Группа ПС имеет промежуточные значения (табл. 2).

Таблица 2. Зависимость переменной “Социальный уровень” от выборки

	НОРМ R: 55.983	АД R: 15.160	ПС R: 33.500
НОРМ		0.000000	0.001206
АД	0.000000		0.015930
ПС	0.001206	0.015930	

Согласно интерпретации теста, на социальном уровне нарушения “амебного Я” связаны с чувством личной неприязни, чувством незащищенности в ситуациях насмешки или пренебрежения [13]. “С увеличением социального Я возрастает социальная смелость (напр., совершение человеком неприемлемых или осуждаемых действий в присутствии других)” [2, с. 72] и снижается эмоциональная стабильность. Иными словами, можно говорить о существенном снижении социальной смелости в группе АД (что косвенно подтверждает гипотезу о тенденции к слиянию) и о заниженной смелости в группе ПС по сравнению с группой НОРМ.

Все три группы испытуемых достоверно различаются по шкале “Символический уровень” ($H(2, N = 72) = 44.13243$; $p = 0.0000$ (табл. 3). В группе НОРМ получены высокие значения, в группе ПС — сверхнизкие, группа АД имеет промежуточные значения. Согласно интерпретации теста, “на символическом уровне осуществляется репрезентация границ индивида и абстрагированных маркеров идентичности (напр., собственного пространства, вещей-символов, значимых отношений и т.п.). С увеличением символического Я возрастает терпимость к изменениям маркеров идентичности” [2, с. 72].

Таблица 3. Зависимость переменной “Символический уровень” от выборки

	НОРМ R: 53.450	АД R: 32.920	ПС R: 11.853
НОРМ		0.000876	0.000000
АД	0.000876		0.004093
ПС	0.000000	0.004093	

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Сравнение полученных результатов говорит о различии в репрезентации трех границ Я в группах ПС и АД по сравнению с группой НОРМ. На телесном и социальном уровнях мы видим сходную картину в группах ПС и АД: завышение телесного и социального уровней в группе ПС по сравнению с группой АД.

Анализ телесного уровня свидетельствует о завышенных значениях в группе ПС по сравнению с группами АД и НОРМ. Полученные результаты говорят о том, что группа ПС нечувствительна к нарушениям телесных контактов, тогда как группа АД сверхчувствительна. В группе НОРМ получены промежуточные значения.

Интерпретация полученного факта согласуется с выводами других авторов. А. Лемма [26, с. 81] говорит о двух типах людей (имеющих в раннем онтогенезе двух типов матерей с “невидящим” и “ненавидящим” взором) и соотносит их с дихотомией людей, предложенной Розенфельдом: так называемых тонкокожих и толстокожих. Первые являются очень уязвимыми, зависимыми, а вторые — дистанцированными и отчужденными. Первые (в нашем случае группа АД, “тонкокожие”) “имеют одно тело на двоих” [Там же, с. 81]. Такие пациенты часто прибегают, по словам Х. Ульника, к самоповреждениям; вследствие “инкорпорация другого в собственное тело”, данные испытуемые часто прибегают к татуированию [13, с. 225]: “Когда ощущение идентичности рушится <...> они пытаются вырваться из зависимости, расцарапывая свою кожу” [Там же, с. 226]. По словам Вербарта, несмотря на кажущуюся парадоксальность, “членоредительство может усилить ощущение того, что кожа удерживает человека вместе. Самоповреждение может быть попыткой справиться с дефицитом различных функций кожного эго и всеми формами беспокойства привязанности к ним, например, к тому, что они не держатся вместе как личность, фрагментация тела или разрыв на части под влиянием чрезмерных чувств” [40, с. 47].

Второй тип людей, по словам А. Леммы (в нашем случае с псориазом, или “толстокожие”), помнят “ненавидящий взор матери” [26, с. 81] и “нападают на ненавистную часть тела” в иной форме: они охотно прибегают “к помощи косметологической хирургии” [26, с. 130]. Такой тип самоповреждений некоторые авторы рассматривают как попытку “защититься от фрагментации путем создания нарциссической оболочки неуязвимости” [40].

Согласно Д. Анзье, в любом случае повреждения кожи являются попыткой сохранить границы тела и Я, а также “сохранить ощущение целостности и связности” [13, с. 224].

Таким образом, можно предположить, что конструкт “телесный уровень” описывает результат травматической сепарации, фиксирующий либо уязвимую, либо сверхпрочную границу телесного Я. В группе АД доминирует “болезненная” атака на тело (т.е. тестируется состояние слияния), а в группе ПС — “безболезненная” (т.е. доминирует попытка сохранить ощущение целостности путем инкапсуляции болезненных ощущений).

При анализе социального уровня обе экспериментальные группы демонстрируют сниженные значения по сравнению с группой НОРМ. При этом можно говорить о существенном снижении “социальной смелости” в группе АД и о заниженной

“смелости” в группе ПС (по сравнению с группой НОРМ). Согласно содержательной интерпретации методики, в экспериментальных группах выражена направленность “на поиск устойчивости вовне, ориентация на устойчивую социальную ситуацию и отношения для поддержания самооценки и репрезентации себя”.

Значения по шкале “Социальное Я” характеризуют больных АД как очень уязвимых в ситуации пренебрежения и унижения. Они “сильно зависят от мнения матери” [26, с. 81]. А. Лемма полагает, что появление психического Я происходит на поле боя двух желаний: слиться и оторваться. Чтобы стать собой, такой пациент “должен отказаться от части себя” [Там же, с. 97]. Вследствие того что любое нарушение слияния является очень болезненным, группа АД проявляет себя как максимально зависимая от мнения и оценок окружающих.

В случае ПС значения по шкале “Социальный уровень” принимают промежуточные значения. Однако они также зависимы, так как “несут нападающую часть в себе”, ту часть, которую Розенфельд назвал “мафией... атакующей повсеместно” [26, с. 130], однако социальная значимость “нападений” не является столь травматичной.

Как пишет А. Конноли, «эти люди строят защитную структуру, подобную ложному “Я” <...> для того, чтобы замаскировать реальность своего телесного опыта, отогнать разрушительное чувство, что их тела на самом деле не живые ни в каком истинном смысле этого слова и что они существуют просто как бестелесный разум» [19].

Таким образом, можно утверждать, что способ установления границы Я в обеих группах является деформированным (по сравнению с контрольной группой), однако формы проявления такой деформации различаются. Если в случае АД социальный уровень границы Я свидетельствует о крайней зависимости, то в отношении группы ПС можно говорить о большей социальной независимости, которая, по сути, является псевдонезависимостью. Содержательно данная картина соответствует описанию “второй кожи” как панциря. Вторая кожа может создавать впечатление псевдонезависимости, “как если бы индивид был автономным, но на самом деле он все время стремится прилипнуть к поверхности таким образом, чтобы ощущать себя в потоке опыта” [39, с. 51]. Т. Огден описывает такой тип уязвимости в отношении базовой тревоги, как переживание надвигающегося распада, когда “нет ощущения внутреннего пространства: различие между собой и другим разрушается” (цит. по: [15]).

Анализ данных, полученных по шкале “Символический уровень”, свидетельствует о том, что в обеих экспериментальных группах получены заниженные значения по сравнению с контрольной (особенно в группе ПС). Согласно интерпретации теста, “на символическом уровне осуществляется репрезентация границ индивида и абстрагированных маркеров идентичности”. «Такие маркеры идентичности ориентируют человека в “экзистенциальном смысле”, обеспечивают пространственные психологические “координаты”, позволяющие человеку располагать себя в своих жизненных пространствах» [2, с. 74]. Данный результат может показаться парадоксальным, так как от “толстокожих” можно было бы ожидать большей устойчивости по сравнению с “тонкокожими”. (При интерпретации полученных данных следует учитывать тот факт, что обе группы показывают заниженные результаты как по социальному, так и по символическому уровням.)

Так как мы рассматриваем кожные заболевания как реакцию на травматический опыт сепарации, то применительно к обеим группам и обеим шкалам справедливо утверждение о том, что в случае травматического переживания сепарации происходит психическая катастрофа, которая порождает “структурную ментальную пустоту” [28, с. 114]. Эта “ранняя психическая катастрофа” сопряжена с особым отношением к разрыву любых отношений: «если произошел разрыв с кем-либо, то этот кто-то “тут же заменяется другими, без какого-либо переживания” по поводу утраты» [Там же, с. 114]. В случае дефектной первичной идентификации “я как (like) другой заменяется я (am) есть другой” [39, с. 34]. Эта замена одного объекта на другой (без осознания разницы между ними) соответствует тому описанию, которое дается в отношении способности к формированию символов. Д. Узе рассматривает формирование символов как понимание различий “между пространством психическим” и пространством “внешнего мира”, как способность к переходу от ментальной операции “тождественно” к ментальной операции “похоже на...” [25, с. 65].

Именно способность к потенциально бесконечному ряду отождествлений позволяет заменять одни маркеры идентичности на другие. Как следствие, можно говорить о редуцировании символической репрезентации Я. Видимо, в случае ПС эта способность к формированию символов деформирована в большей степени, вследствие чего наблюдается своеобразная пиктографичность при построении любого рода отношений. Некоторые авторы [14, с. 175] рассматривают эту психическую

пиктографичность как попытку контроля материнского “конверта”, который переживается как нестабильный и непонятный.

В случае травматического разрыва симбиотических отношений (особенно при ПС) ребенок “загружен проекциями”, но при этом он не понимает, с кем он идентифицируется, т.е. теряет себя. Он становится контейнером для “отщепленных проекций матери”, которыми он должен управлять [39, с. 116]. У. Бийон использует термин “экзоскелет”, который формируется как защитный механизм при отсутствии эндоскелета. Данный портрет согласуется с описанием страдающего псориазом, предложенным Х. Ульником: “Покрывание себя чешуей проистекает из желания иметь оболочку, защищающую от недоверия, которое вызвано чувством сильнейшей боли или критики” [13, с. 103].

Видимо, в группе ПС “катастрофа брошенности” оказывается более глобальной, и для ее репарации потребность во внешних маркерах идентичности для дифференциации “поверхности от самости” выражена в минимальной мере. Абстрактные символические маркеры заменяются буквальными. А. Лемма описывает феноменологически очень похожий опыт как последствие воздействия технологической среды. По словам автора, создается иллюзия того, что “внутренняя и внешняя реальность изоморфны” и тогда Я “теряет все контекстуальные референты (одним из которых является тело), которые в противном случае придавали бы смысл опыту” [27, с. 575].

Полученные результаты по методике ВПЯ хорошо согласуются с результатами, полученными нами при исследовании этой же группы людей с помощью методик на изучение копинговых стратегий [7] и Я-отграничений (методика “Я-структурный тест Аммона”, ISTA).

В частности, было показано [10], что в случае АД доминируют копинговые стратегии, описывающие амбивалентные тенденции (присущие “тонкокожим” пациентам), которые мы интерпретировали как поиск поддержки (слияния) при одновременном нападении на слияние (враждебность). В случае группы ПС доминируют копинговые стратегии, которые описывают амбивалентные тенденции, присущие “толстокожим”, которые рассматривались как сочетание тенденции к инкапсуляции при одновременном “отвержении” собственного тела и “нечувствительности к глубоким переживаниям”.

По результатам теста “Я-структурного теста Аммона” (ISTA) также были выявлены высокие значения по дефицитарным шкалам внутреннего и внешнего Я-отграничения в случае АД (что

свидетельствует о тенденции к слиянию и о поиске поддержки) и низкие значения по дефицитарным шкалам внутреннего и внешнего Я-отграничения при ПС (что говорит о тенденции к инкапсуляции, отгороженности как от собственных мечтаний, так и от социальных норм). Деструктивные Я-отграничения имеют противоположные значения в экспериментальных группах группа АД имеет пониженные значения по двум шкалам, а группа ПС — повышенные. В соответствии с интерпретацией, пониженные деструктивные Я-отграничения свидетельствуют о тенденции к слиянию, а высокие показатели по шкалам деструктивного внутреннего и внешнего Я-отграничения у ПС — об эмоциональном дистанцировании и закрытости [11].

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

— генезис структуры психического пространства соотносится с итогом разрешения травмы сепарации на стадии выхода из симбиоза;

— психосоматические кожные заболевания (АД и ПС) можно рассматривать как один из индикаторов разрешения травмы сепарации соответственно стремлением к слиянию или к инкапсуляции;

— разные экспериментальные группы имеют разные способы разрешения травмы сепарации, которые порождают разные репрезентации психического пространства и разный профиль границ Я;

— в группе АД, которая теоретизируется как тенденция к слиянию, в большей мере выражен дефект уязвимости телесной границы Я, а в группе ПС (которая теоретизируется как тенденция к инкапсуляции) в большей мере выражен дефект отчуждения телесной границы Я. Данные результаты можно рассматривать как мультимодальность проявления первичного телесного опыта;

— в обеих экспериментальных группах получены сниженные значения (по сравнению с контрольной группой) по шкале социальное Я. Если интерпретировать социальное Я как готовность к социальному взаимодействию, то группа АД обнаруживает более сохранную границу по сравнению с группой ПС.

Анализ результатов по шкале “символическое Я” показывает обратное соотношение экспериментальных групп по сравнению с контрольной. В группе ПС вследствие “обнажения” травмы сепарации (проявляющейся как тенденция к инкапсуляции) дефект репрезентации границы Я на символическом уровне выражен в большей мере.

Если предложить метафору для описания полученных результатов, то группа АД, в которой основное напряжение происходит по линии слияния, скорее склонна испытывать трудности в социальных контактах, а группа ПС, для которой ядерной проблемой является тенденция к инкапсуляции, — в спутанности маркеров идентичности, которые остаются психическим “экзоскелетом”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Анзье Д.* Я-кожа. М.: ERGO, 2011.
2. *Балева М.В., Корниенко Д.С., Щебетенко С.А.* Пространственное Я и черты личности: гендерные сравнения // Психология индивидуальности / Под ред. В.Д. Шадрикова. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. С. 72–75.
3. *Брушлинский А.В.* Субъект: мышление, учение, воображение. Избранные психологические труды. М.-Воронеж, 1996.
4. *Зинченко В.П.* Психология на качелях между душой и телом // Психология телесности. Между душой и телом / Ред.-сост. В.П. Зинченко, Т.С. Леви. М.: АСТ, 2005. С. 10–52.
5. *Каменецкая Е.В., Ребеко Т.А.* Репрезентация телесного Я и защита Эго при нарушении пищевого поведения // Экспериментальная психология. 2015. Т. 8. № 3. С. 118–128.
6. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004.
7. *Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Славянские языки, 1987.
8. *Ришар Ж.-Фр.* Ментальная активность. Понимание, рассуждение, нахождение решений. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 1998.
9. *Ребеко Т.А.* Кожные заболевания и вторичный симбиоз // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 2. С. 69–79.
10. *Ребеко Т.А.* Кожные заболевания и способы совладания (копинги) // Вестник Костромского университета. 2019. № 4. С. 118–125.
11. *Ульник Х.* Кожа в психоанализе. М.: Когито-центр, 2017.
12. *Холодная М.А.* Психология интеллекта. Парадоксы исследования. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2019.
13. *Щебетенко С.А., Балева М.В., Корниенко Д.С.* Вспросник пространственного Я // Вестник Пермского государственного института искусства и культуры. 2006. Т. 2. № 1. С. 75–87.

14. *Anzieu A.* L'hysteric: l'enveloppe d'excitation // Les enveloppes psychiques / Ed. D. Anzieu. Paris: Dunod, 2003. P. 43–73.
15. *Berg J.* “A Bad Moment with the Light”. No-Sex Couples: The Role of Autistic-Contiguous Anxieties // Couple and Family Psychoanalysis. 2012. V. 2. № 1. P. 33–48.
16. *Bronstein C.* On psychosomatics: The search for meaning // The International Journal of Psychoanalysis. 2011. № 92. P. 173–195.
17. *Bergstein A.* Bion and Meltzer's expeditions into unmapped mental life. Beyond the Spectrum in Psychoanalysis. L.-N.Y.: Routledge, 2019.
18. *Cavalli A.* From not knowing to knowing: on early infantile trauma involving separation // Transformation. Jung's legacy and clinical work today / Ed. A. Cavalli, L. Hawkins, M. Stevens. L.-N.Y.: Routledge, 2014. P. 193–210.
19. *Connolly A.* Out of the body: embodiment and its vicissitudes // Journal of Analytical Psychology. 2013. V. 58. № 5. P. 636–656.
20. *Feldman B.* Creation a skin for imagination, reflection, and desire // Transformation. Jung's legacy and clinical work today / Eds. A. Cavalli, L. Hawkins, M. Stevens. L.-N.Y.: Routledge, 2014. P. 177–192.
21. *Feldman B.* The aesthetic and spiritual life of the infant: toward a Jungian view of infant development // Jungian Child Analysis / Ed. Punnett A. Sheridan: Fisher King Enterprises, 2018. P. 43–60.
22. *Fink K.* From Symmetry to Asymmetry // International Journal of Psycho-Analyse. 1989. V. 70. P. 481–489.
23. *Jackson J., Nowers E.* The skin in early object relations revisited // Surviving space. Papers on infant observation / Ed. A. Briggs. L.: Karnac, 2002. P. 208–239.
24. *Jones A.A.* Starvation and “The Dead Baby” // Fort Da. 2017. V. 23. № 2. P. 41–65.
25. *Houzel D.* L'enveloppe psychique: concept et proprieties // Les enveloppes psychiques / Ed. D. Anzieu. Paris: Dunod, 2003. P. 43–73.
26. *Lemma A.* Under the skin. A psychoanalytic study of body modification. L.-N.Y.: Routledge, 2010.
27. *Lemma A.* Psychoanalysis in times of technoculture: Some reflections on the fate of the body in virtual space // The International Journal of Psychoanalysis. 2015. V. 96. № 3. P. 569–582.
28. *Lutenberg J.M.* Mental void and the borderline patient // Resonance of suffering. Countertransference in Non-Neurotic structures / Ed. A. Green. L.: Karnac, 2007. P. 89–120.
29. *Magagna J.* Mrs Bick's contribution in understanding of severe feeding difficulties and pervasive refusal // Surviving space. Papers on infant observation / Ed. A. Briggs. L.: Karnac, 2002. P. 135–156.
30. *Maosz G., Arbit V.* Returning to life. Trauma survivor's quest for reintegration // Body, mind and healing after Jung. A space of Questions / Ed. R.A. Jones. L.-N.Y.: Routledge, 2010. P. 14–40.
31. *Romanyshyn R.* The body in Psychotherapy. Contribution of Merlo-Ponty // Body, mind and healing after Jung. A space of Questions / Ed. R.A. Jones. L.-N.Y.: Routledge, 2010. P. 41–61.
32. *Saban M.* Staging the Self. Performance, individuation, and embodiment // Body, mind and healing after Jung. A space of Questions / Ed. R.A. Jones. L.-N.Y.: Routledge, 2010. P. 110–126.
33. *Sandri R.* Penser avec les bebes. Parcours, reflexions a partir de l'observation du bebe selon Esther Bick. Editions Cesura. Lyon, 1994.
34. *Sidoli M.* When the body gets lost in the body: Psychosomatic disturbances as a failure of transcended function // Journal of Analytical Psychology. 1993. V. 38. № 2. P. 175–190.
35. *Sidoli M.* When the body speaks. The Archetypes in the Body. Hove, N.Y.: Brunner-Routledge, 2002.
36. *Shuttleworth J.* Psychoanalytic Theory and Infant Development // Closely Observed Infants / Ed. L. Miller, M. Rustin, J. Shuttleworth. L.: Duckworth, 2002. P. 22–51.
37. *Sucharov M.* Representation and the Intrapsychic. Cartesian Barriers to Empathic Contact // Psychoanalytic Inquiry. 2002. V. 22. № 5. P. 686–770.
38. *Waddell M.* Infancy: defenses against pain // Psychotic states in children / Eds. M. Rustin, M. Rhode, H. Dubinsky, A. Dubinsky. L.-N.Y.: Karnac, 1997. P. 45–59.
39. *Waddell M.* Inside lives. Psychoanalysis and the growth of the personality. L.: Karnac, 2002.
40. *Werbart A.* The skin in the cadre of the soul: Didier Anzieu on the skin-ego, boundaries, and boundlessness // JAPA. 2020. V. 67. № 1. P. 37–58.

PSYCHOSOMATICS OF SKIN DISEASES AND REPRESENTATION OF MENTAL SPACE

T. A. Rebeko

*Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, bldn. 1, Russia.
PhD (Psychology), Leading Research Officer of Laboratory of Psychology of Abilities
and Mental Resources Named after V.N. Druzhinin.
E-mail: rebekota@yandex.ru*

Received 05.09.2021

Abstract. The concept of mental space and the role of the skin in differentiating its boundaries during ontogenesis are considered. Skin diseases (atopic dermatitis and psoriasis) are considered as psychosomatic manifestations of separation trauma, which correlate with two tendencies — “to fusion” and “to encapsulate”, respectively. The study involved 72 women aged 20–40 years (30 healthy, 17 suffering from psoriasis and 25 atopic dermatitis). Using the “Spatial Self Questionnaire” technique, three types of spatial Ego boundaries are determined: bodily, social and symbolic. It is proved that different experimental groups have a different profile of representations of the boundaries of the Ego compared to the control group. The body boundary of the Ego in the group “atopic dermatitis” is interpreted as super-permeable, and in the group “psoriasis” — as super-nonpermeable. In the “atopic dermatitis” group, the influence of separation trauma manifests itself in confusion when differentiating oneself from others (social boundaries of the Ego), and in the “psoriasis” group — in difficulties when correlating oneself with the outside world (symbolic boundary of the Ego).

Keywords: psychosomatic skin diseases (atopic dermatitis/psoriasis), symbiosis, separation trauma, mental space, boundaries of Ego, tendency to fusion/encapsulation.

REFERENCES

1. *Anz'e D.* Ja-kozha. Moscow: ERGO, 2011. (In Russian)
2. *Baleva M.V., Kornienko D.S., Schebetenko S.A.* Prostranstvennoe Ja i cherty lichnosti: gendernye sravnenija. Psihologija individual'nosti. Ed. V.D. Shadrikov. Moscow: Izd. dom GUVShJe, 2006. P. 72–75. (In Russian)
3. *Brushlinskij A.V.* Sub'ekt: myshlenie, uchenie, voobrazhenie. Izbrannye psihologicheskie trudy. Moscow–Voronezh, 1996. (In Russian)
4. *Zinchenko V.P.* Psihologija na kacheljah mezhdru dushoj i telom. Psihologija telesnosti. Mezhdru dushoj i telom. Eds V.P. Zinchenko, T.S. Levi. Moscow: AST, 2005. P. 10–52. (In Russian)
5. *Kameneckaja E.V., Rebeko T.A.* Reprerentacija telesnogo Ja i zashhita Jego pri narushenii pishhevogo povedenija. Jeksperimental'naja psihologija. 2015. V. 8. № 3. P. 118–128. (In Russian)
6. *Lakoff Dzh., Dzhonson M.* Metaforj, kotorymi my zhivem. Moscow: Editorial URSS, 2004. (In Russian)
7. *Lakoff Dzh.* Zhenshhiny, ogon' i opasnye veshhi. Chto kategorii jazyka govorjat nam o myshlenii. Moscow: Slavjanskije jazyki, 1987. (In Russian)
8. *Rishar Zh.-Fr.* Mental'naja aktivnost'. Ponimanie, rassuzhdenie, nahozhdenie reshenij. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 1998. (In Russian)
9. *Rebeko T.A.* Kozhnye zabojevanija i vtorighnyj simbioz. Psihologicheskij zhurnal. 2020. V. 41. № 2. P. 69–79. (In Russian)
10. *Rebeko T.A.* Kozhnye zabojevanija i sposoby sovladanija (kopingi). Vestnik Kostromskogo universiteta. 2019. № 4. P. 118–125. (In Russian)
11. *Ul'nik H.* Kozha v psihoanalize. Moscow: Kogito-centr, 2017. (In Russian)
12. *Kholodnaya M.A.* Psihologija intellekta. Paradoksy issledovanija. 3-e izd., pererab. i dop. Moscow: Jurajt, 2019. (In Russian)
13. *Schebetenko S.A., Baleva M.V., Kornienko D.S.* Voprosnik prostranstvennogo Ja. Vestnik Permskogo gosudarstvennogo instituta iskusstva i kul'tury. 2006. V. 2. № 1. P. 75–87. (In Russian)
14. *Anzieu A.* L'hysterie: l'enveloppe d'excitation. Les enveloppes psychiques. Ed. D. Anzieu. Paris: Dunod, 2003. P. 43–73.
15. *Berg J.* 'A Bad Moment with the Light'. No-Sex Couples: The Role of Autistic-Contiguous Anxieties. Couple and Family Psychoanalysis. 2012. V. 2. № 1. P. 33–48.
16. *Bronstein C.* On psychosomatics: The search for meaning. The International Journal of Psychoanalysis. 2011. № 92. P. 173–195.
17. *Bergstein A.* Bion and Meltzer's expeditions into unmapped mental life. Beyond the Spectrum in Psychoanalysis. London-N.Y.: Routledge, 2019.

18. *Cavalli A.* From not knowing to knowing: on early infantile trauma involving separation. Transformation. Jung's legacy and clinical work today. Eds. A. Cavalli, L. Hawkins, Stevens M. London-N.Y.: Routledge, 2014. P. 193–210.
19. *Connolly A.* Out of the body: embodiment and its vicissitudes. Journal of Analytical Psychology. 2013. V. 58. № 5. P. 636–656.
20. *Feldman B.* Creation a skin for imagination, reflection, and desire. Transformation. Jung's legacy and clinical work today. Eds. A. Cavalli, L. Hawkins, M. Stevens. London-N.Y.: Routledge, 2014. P. 177–192.
21. *Feldman B.* The aesthetic and spiritual life of the infant: toward a Jungian view of infant development. Jungian Child Analysis. Eds. A. Punnett, Sheridan: Fisher King Enterprises, 2018. P. 43–60.
22. *Fink K.* From Symmetry to Asymmetry. International Journal of Psycho-Analyse. 1989. V. 70. P. 481–489.
23. *Jackson J., Nowers E.* The skin in early object relations revisited. Surviving space. Papers on infant observation. Ed. A. Briggs. London: Karnac, 2002. P. 208–239.
24. *Jones Al.A.* Starvation and “The Dead Baby”. Fort Da. 2017. V. 23. № 2. P. 41–65.
25. *Houzel D.* L'enveloppe psychique: concept et propriétés. Les enveloppes psychiques. Ed. D. Anzieu. Paris: Dunod, 2003. P. 43–73.
26. *Lemma A.* Under the skin. A psychoanalytic study of body modification. London-N.Y.: Routledge, 2010.
27. *Lemma A.* Psychoanalysis in times of technoculture: Some reflections on the fate of the body in virtual space. The International Journal of Psychoanalysis. 2015. V. 96. № 3. P. 569–582.
28. *Lutenberg J.M.* Mental void and the borderline patient. Resonance of suffering. Countertransference in Non-Neurotic structures. Ed. A. Green. London: Karnac, 2007. P. 89–120.
29. *Magagna J.* Mrs Bick's contribution in understanding of severe feeding difficulties and pervasive refusal. Surviving space. Papers on infant observation. Ed. A. Briggs. London: Karnac, 2002. P. 135–156.
30. *Maoz G., Arbit V.* Returning to life. Trauma survivor's quest for reintegration. Body, mind and healing after Jung. A space of Questions. Ed. R.A. Jones. London-N.Y.: Routledge, 2010. P. 14–40.
31. *Romanyshyn R.* The body in Psychotherapy. Contribution of Merlo-Ponty. Body, mind and healing after Jung. A space of Questions. Ed. R.A. Jones. London-N.Y.: Routledge, 2010. P. 41–61.
32. *Saban M.* Staging the Self. Performance, individuation, and embodiment. Body, mind and healing after Jung. A space of Questions. Ed. R.A. Jones. London-N.Y.: Routledge, 2010. P. 110–126.
33. *Sandri R.* Penser avec les bébés. Parcours, réflexions à partir de l'observation du bébé selon Esther Bick. Editions Cesura. Lyon, 1994.
34. *Sidoli M.* When the body gets lost in the body: Psychosomatic disturbances as a failure of transcended function. Journal of Analytical Psychology. 1993. V. 38. № 2. P. 175–190.
35. *Sidoli M.* When the body speaks. The Archetypes in the Body. Hove, N.Y.: Brunner-Routledge, 2002.
36. *Shuttleworth J.* Psychoanalytic Theory and Infant Development. Closely Observed Infants. Eds. L. Miller, M. Rustin, J. Shuttleworth. London: Duckworth, 2002. P. 22–51.
37. *Sucharov M.* Representation and the Intrapsychic. Cartesian Barriers to Empathic Contact. Psychoanalytic Inquiry. 2002. V. 22. № 5. P. 686–770.
38. *Waddell M.* Infancy: defenses against pain. Psychotic states in children. Eds. M. Rustin, M. Rhode, H. Dubinsky, A. Dubinsky. London-N.Y.: Karnac, 1997. P. 45–59.
39. *Waddell M.* Inside lives. Psychoanalysis and the growth of the personality. London: Karnac, 2002.
40. *Werbart A.* The skin in the cadre of the soul: Didier Anzieu on the skin-ego, boundaries, and boundlessness. JAPA. 2020. V. 67. № 1. P. 37–58.

УДК 159.9.01

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЗАРОЖДЕНИЯ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ МЫШЛЕНИЯ И РЕФЛЕКСИИ (К 160-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ О. КЮЛЬПЕ И 125-ЛЕТИЮ ЕГО ВЮРЦБУРГСКОЙ ШКОЛЫ)

© 2022 г. И. Н. Семенов*

ГАОУ ВО Московский городской педагогический университет;
123022, г. Москва, Столярный пер., д. 16, стр. 1, Россия.

*Доктор психологических наук, профессор департамента психологии.
E-mail: i_samenov@mail.ru

Поступила 23.12.2021

Аннотация. В статье изучается научное творчество ученика В. Вундта, организатора Института психологии в университете г. Вюрцбурга, Освальда Кюльпе (1862–1915). Это крупный немецкий психолог, философ, логик, эстетик, один из создателей гносеологии критического реализма, методов экспериментальной эстетики и психологии мышления, понимания, рефлексии, руководитель Вюрцбургской школы, из которой вышли лидеры гештальтизма (К. Бюлер, М. Вертгеймер, В. Келер, К. Коффка). Поскольку приходится констатировать факт недооценки его достижений историками психологии, ставится цель изучения разностороннего творчества О. Кюльпе как оригинального философа-психолога начала XX в. Его наследие изучается методами историко-научного, предметно-тематического, системно-наукведческого анализа с позиций авторского институционально-персонологического подхода к научному творчеству. Этот подход реализован на материале рефлексии жизнедеятельности ряда российских философов-психологов, внесших существенный вклад в изучение мышления (Г.Г. Шпет, С.Л. Рубинштейн, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, П.Я. Гальперин, Я.А. Пономарев, Н.Г. Алексеев, М.Г. Ярошевский и др.). В развитие данного цикла рефлексивной персонологии научного творчества актуальна разработка этого подхода для изучения истории зарубежной психологии. Новизна статьи — в историко-методологическом изучении достижений Вюрцбургской школы и построении периодизации жизнедеятельности ее создателя О. Кюльпе. Изучается исследовательская деятельность О. Кюльпе как основоположника экспериментальной психологии дискурсивного мышления и рефлексии. Характеризуются новаторские достижения Вюрцбургской школы в выявлении психологической специфики мышления посредством объективации самонаблюдения. Дискуссионно обсуждаются содержание и оценка философско-психологической деятельности О. Кюльпе, а также показаны ее парадигмальная роль в логике развития психологии мышления XX в. и стратегическое значение для современного изучения качественными методами познавательных процессов в перспективе XXI в. Рефлексируется связь с классическим наследием Вюрцбургской школы основных направлений как зарубежного человекознания XX в., так и современной российской психологии мышления и рефлексии.

Ключевые слова: психология мышления, экспериментатика, решение задач, интроспекция, переживания сознания, рефлексия, цели и смыслы, установки и детерминирующие тенденции, Вюрцбургская школа, О. Кюльпе, К. Бюлер.

DOI: 10.31857/S020595920021480-4

ВВЕДЕНИЕ

Достижения Вюрцбургской школы [8; 28; 31] выдвинули ее создателя, О. Кюльпе [18], в авангард основоположников и лидеров экспериментальной психологии мышления и рефлексии начала XX в. Позитивно его школу оценивали современники как в немецкой [35], так и в российской [6] психологии, хотя и критиковали ряд положений школы

О. Кюльпе со своих позиций [4; 5]. Однако ее вклад в психологию мышления, на наш взгляд, до сих пор все же недооценен, ибо разработанный О. Кюльпе метод систематического самонаблюдения мышления открыл множество его новых, по сути интеллектуально-рефлексивных свойств. Важность их экспериментального изучения подчеркивается рядом психологов (Н.Г. Алексеев, Л.И. Анцыферова,

И.Н. Семенов, В.В. Петухов, Д.В. Ушаков, И.М. Кондаков и др.), обращающихся к трудам О. Кюльпе [1; 5; 11–15; 19; 21–24; 27; 33–36]. Более того, эти свойства в XX–XXI вв. в течение целого столетия стали исследоваться в разных контекстах и в различных направлениях (гештальтизм, необихевиоризм, когнитивизм, эвристика, герменевтика) классической и современной психологии мышления и понимания, рефлексии и сознания личности. При этом до сих пор неоднозначно оценивается выдающийся вклад О. Кюльпе в человекознание — как, например, историком психологии П. Саугстадом [15, с. 108], несмотря на палитру ряда охарактеризованных им самим [15, с. 104–107] в качестве новых — по сравнению с ассоцианизмом — свойств мышления, экспериментально установленных Вюрцбургской школой. А ведь он все же отметил важность открытия вюрцбуржцем Г. Уаттом таких двух основных этапов в процессе мышления, как: “подготовительный (когда испытуемый получал инструкцию и слово-стимул было произнесено) и основной (когда слово-стимул было произнесено и на него был дан отклик)... почти все мыслительные процессы осуществляются на этапе, когда испытуемые находятся в процессе подготовки к тому, чтобы сообщить о своих ассоциациях... Ах считал... что эти процессы, происходящие в сознании, управляются волевыми усилиями. Мышление, по его мнению, управляется *некоей определяющей тенденцией*, которая взаимодействует с принципом ассоциативности... Вудвортс и другие... обратили особое внимание на тот факт, что Уатт и Ах показали, что инструкции создавали у испытуемых установку, которая вела к формированию определенных мыслительных стереотипов и побуждений к действию. Таким образом процесс мышления ускорился и становился более эффективным” [15, с. 106–107]. Подчеркнем, что эти факты способствовали постановке в психологии проблемы изучения продуктивности мышления (О. Зельц, М. Вертгеймер, В. Келер, К. Дункер).

О значимости Вюрцбургской школы свидетельствует, в частности, и то, что с этими положениями перекликаются концептуальные прообразы дальнейших продвижений психологии познания в виде теорий: установки у Ж. Пиаже и Д.Н. Узнадзе, комплексных “антиципирующих схем” продуктивного мышления О. Зельца, структуры “продуктивного мышления” как творчества у М. Вертгеймера, а также трактовки у П.Я. Гальперина “чистого мышления” (по И. Канту) как “сокращенного, обобщенного и автоматизированного умственного действия”, свернувшегося во внутреннюю речь [11, с. 78–86], онтогенез которой начал изучать вюрцбуржец К. Бюлер [24]. Подчеркнем, что П. Саугстад все же

отмечает важную роль школы О. Кюльпе в развитии стратегий психологии в виде: 1) влияния полемики вокруг “безобразности” (точнее “ненаглядности”) мышления на возникновение бихевиоризма; 2) конструктивности трактовки внимания, предвосхитившей данные экспериментатики о нем на полвека вперед вплоть до 1970-х годов [15, с. 106–108]. К этому следует добавить, пожалуй, самое главное — 3) это формирование молодых ученых — будущих основателей гештальтизма.

В связи с показанной противоречивостью проблемы нашей статьи состоит в том, что на фоне глубокой характеристики (Е. Боринг, П.А. Шеварев, Е.А. Будилова) предшествующего Вюрцбургской школе ассоцианизма (В. Вундт, Е. Титченер) и критического анализа (Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, Б.М. Теплов) последовавшего за ней гештальтизма (М. Вертгеймер, В. Келер, К. Коффка) новаторские достижения их учителя О. Кюльпе (при всей их неоднозначной интерпретации с позиций постпозитивистской феноменологии познания [15, с. 101–108] или диалектико-материалистической теории отражения [12, гл. 2]) пока еще изучены недостаточно. Оказалось, что вследствие этого явно недооценена эвристическая роль фундаментального наследия О. Кюльпе в становлении экспериментальной психологии мышления XX в. Это связано как с вхождением психологии в полосу методологического кризиса (К. Бюлер [24], Л.С. Выготский, П.Я. Гальперин) 1920-х годов, так и с недолгой жизнью самого О. Кюльпе (1862–1915), закончившейся в разгар тягот Первой мировой войны.

Ибо после нее резко изменились ценности социального бытия и формы научного познания. Это в человекознании парадоксально выразилось в популярности примитивизма биохевиористской революции и в наступившем в 1920-е годы кризисе (осознанном его современниками К. Бюлером [24] и Л.С. Выготским [3]) послевоенной психологии [4; 5]. В отличие от этого, достижения школы О. Кюльпе базируются на фундаментальной философско-психологической традиции. На фоне ее анализа [12] новизна статьи определяется развиваемыми нами институционально-персонологическим и предметно-системным подходами [20; 21] к изучению научного творчества. Средствами этих подходов проведен анализ деятельности российских философов-психологов, изучавших мышление (Г.Г. Шпет, Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, Б.М. Теплов, П.Я. Гальперин, Я.А. Пономарев, Н.Г. Алексеев, А.В. Брушлинский, В.П. Зинченко, Г.П. Щедровицкий, Э.Г. Юдин, М.Г. Ярошевский и др.). В развитие данного цикла рефлексивной

персонологии творчества [19; 20] актуальна разработка этих подходов для анализа истории зарубежной психологии [27], в частности на материале изучения роли О. Кюльпе в воспитании гештальтистов, внесших определяющий вклад в классическую психологию мышления [4; 24; 34; 35] и в современный когнитивизм [1; 13; 14; 21; 22; 25; 27; 33; 36]. В этом контексте статья нацелена на исследование с помощью этих подходов недостаточно изученного наследия О. Кюльпе как одного из основоположников философии критического реализма, эмпирической эстетики, а главное — экспериментальной психологии мышления и воли, понимания и рефлексии человека. В разделах статьи впервые строится периодизация жизнедеятельности О. Кюльпе, конкретизируется открытая им психологическая специфика процессов мышления, оценивается оригинальный метод систематического самонаблюдения как конструктивный способ объективации интроспекции, показано его эвристическое значение для становления экспериментальной психологии мышления и рефлексии в ретроспективе логики развития человекознания XX в. и в перспективе инновационных тенденций современного когнитивизма XXI в.

ПЕРИОДИЗАЦИЯ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФИЛОСОФА-ПСИХОЛОГА О. КЮЛЬПЕ

Научное творчество О. Кюльпе было движимо параллельными интересами в разных сферах познания: от истории и философии через логику и эстетику до психологии и медицины. Реализацией этих интересов насыщена жизнедеятельность О. Кюльпе — выдающегося ученого и пианиста, популярного преподавателя и наставника психологов, которая дифференцируется на следующие ключевые периоды.

На первом этапе — детства и взросления — родившийся в Латвии в немецкой семье О. Кюльпе умственно развивался на перекресте трех культур: германской, латвийской и русской. Эта разноязычность сказалась на его интересе к изучению истории в Риге и на полифоничном стиле его мыслей в сфере философии и психологии на дальнейших этапах образования и научной деятельности, протекавших в университетах.

На втором — образовательном — этапе он учился истории и философии в университетах Берлина, Геттингена, Лейпцига, где был учеником психофизиолога Г.Э. Мюллера и философа-психолога В. Вундта. Будучи в Лейпциге его студентом

и ассистентом, О. Кюльпе защитил у него диссертацию по психологии эмоций, став в 1887 г. доктором философии. Для получения же звания доцента он также защитил диссертацию о концепциях понятия “воля” в современной философии.

На третьем — институтском — этапе (1888–1894) он преподавал в университете профессором философии, сотрудничая с В. Вундтом в основанном им первом в мире Институте психологии. Здесь О. Кюльпе овладевал методами эмпирической психологии и разрабатывал в русле идей В. Вундта ее теоретические аспекты. Их О. Кюльпе в 1893 г. обобщил в книге “Основы психологии, основанной на эксперименте”, посвященной его учителю В. Вундту. Он же, негодуя на вольное развитие своих представлений и на оригинальные идеи автора, через два года издал свои “Основы”, в том числе с критикой мыслей отвергнутого ученика.

На четвертом — вюрцбургском — этапе (1894–1909) О. Кюльпе как профессор университета организует в нем (с участием К. Марбе) лабораторию и затем в 1896 г. Институт психологии. При этом О. Кюльпе начинает заниматься эмпирическим исследованием психологии мышления [29] и экспериментальной эстетики [32], а также в 1907 г. в Гессене защищается в качестве доктора медицины. Со своими учениками он создает знаменитую Вюрцбургскую школу (см. о ней: [17]), где нацеливается с учениками экспериментально установить собственно психологическую специфику мышления в отличие от его формально-логической и сенсуалистской трактовки в ассоцианизме В. Вундта.

На пятом — боннском — этапе (1909–1913) он профессорствует в университете в качестве директора психологической лаборатории, где начинает обобщать [28] свои разработки, изучая также философские проблемы критического реализма и вопросы экспериментальной эстетики. Эстафету ее изучения продолжил в 1920-е годы в США его ученик Дж. Энджелл, а в СССР в Государственной академии художественных наук под руководством Г.И. Челпанова и Г.Г. Шпета [16] — их ученики (Н.Н. Волков, Н.И. Жинкин, А.Ф. Лосев, Б.М. Теплов, В.М. Экземплярский и др.). Это стало одной из теоретико-методологических основ психометрики в современном искусствознании (А. Моль, Л.Я. Дорфман, Г.А. Голицин, В.М. Петров и др.).

На шестом — мюнхенском — этапе (1913–1915) профессор Кюльпе синтезирует такие основные разделы своей философской системы [7; 9; 28], как логика [30], психология [31], эстетика [26], которые издавались его учениками (К. Бюлер, О. Зельц) посмертно. Наступившее после Первой мировой войны доминирование философии позитивизма

и механистического бихевиоризма редуцировало изучение психики человека до опытов с поведением мышей. В результате философско-психологические труды О. Кюльпе [27–30] оказались востребованными лишь в 1920-х годах в исследованиях гештальтистов [5; 23; 25; 33] и позднее — российских психологов [1; 4; 6; 7; 12; 15; 19; 20; 22; 36], а также американских философов-реалистов, экспериментальных эстетиков и психологов-функционалистов благодаря их лидеру Дж. Энджеллу. Действительно важнейшим достижением О. Кюльпе явилось не только создание им оригинальной экспериментальной психологии мышления и воли, понимания и рефлексии, сознания и эстетики, но и воспитание творческой научной школы, из которой вышли лидеры гештальтпсихологии и опытной эстетики.

ИЗУЧЕНИЕ О. КЮЛЬПЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СПЕЦИФИКИ МЫШЛЕНИЯ И РЕФЛЕКСИИ В ЕГО ВЮРЦБУРГСКОЙ ШКОЛЕ

О. Кюльпе стремился выяснить психологическую (в отличие от логики) специфику мышления, обсуждая в сотворческом общении с учениками экспериментальную феноменологию умственного процесса. Он сам участвовал в их опытах как испытуемый и интерпретатор самоотчетов, что привело к созданию им Вюрцбургской школы (см. о ней: [16]). Его поисковые опыты эмпирического изучения переживаний сознания в процессах мышления показали, что испытуемые при выполнении заданий совершают мыслительные акты, которые обычно субъектами непосредственно не осознаются. Ибо, наряду с чувственным материалом, в ткань переживаний включены элементы, не сводимые к их ассоциативной сенсорике, но которые все же сопряжены с умственными актами. Их эмпирически обнаруженная непосредственная неосознаваемость поставила перед О. Кюльпе проблему такой организации эксперимента, которая позволила бы обнаружить функциональное значение скрытых от простого внешнего наблюдения умственных переживаний сознания как внутренних процессов мышления. Решением этой проблемы могла бы стать объективация данных самонаблюдения [20]. А это потребовало целенаправленной разработки методологии эмпирического изучения переживаний [10] сознания (сводившегося со времен Дж. Локка к методу интроспекции) в актах самовосприятия [19], отталкиваясь от традиционной для конца XIX в. философии сенсуализма и психологии ассоцианизма.

О. Кюльпе развивал свой вариант философии критического реализма [7; 28], исходя из постулата, что мир существует таким, каким его мыслит и определяет монархически устроенное Я. Это ориентировало эмпирическую психологию мышления на изучение в нем феноменологии (Э. Гуссерль), активности его субъекта (И. Кант), реализуемой в актах переживаний (В. Вундт, М. Шелер) сознания [2; 10] и в опыте рефлексии как осознанности (Дж. Локк, Дж. Дьюик) посредством самонаблюдения и самоосмысления [19; 21; 22] испытуемым этих душевных процессов в ходе собственного мышления. Таким образом, перед О. Кюльпе возникла проблема построения метода, который инструментально реализовал бы интенцию на эмпирическое схватывание психологической специфики переживаний сознания в ходе мыслительных поисков. Это отвечало бы заветам И. Канта о необходимости научного изучения “чистого мышления”, свободного от чувственности восприятия, но выражающего разумность познания. Изучать это после О. Кюльпе продолжили рационалист О. Зельц и гештальтисты М. Вертгеймер, К. Коффка [4], В. Келер и К. Дункер [11, с. 235–182, 258–268], К. Бюлер [24] и др.

Отталкиваясь от критики теории “диффузности психики” Г.Э. Мюллера [15, с. 98–101] и дуализма в трактовке сознания В. Вундта (противоречиво совмещавшего психофизиологический позитивизм с субъективизмом интроспекции в познании психики), О. Кюльпе взял курс на разработку принципов и приемов объективации самонаблюдения [8; 31] как наиболее адекватного способа схватывания — с позиций его критического реализма [28] — психологической реальности в экспериментальном исследовании переживаний [10] сознания, возникающих у субъекта в процессах мышления: ментальных (мышления, рефлексии, внимания) и личностных (понимания, мотивации, воли). Ибо, согласно О. Кюльпе, наблюдение психического акта становится возможным лишь после его свершения, т.е. посредством рефлексии с помощью “систематической интроспекции” [7; 31]. Ее моменты могут феноменологически [27] проявляться спонтанно у субъекта, но для их экспериментального исследования он должен обучаться самонаблюдению, специально организованному (что потом у П.Я. Гальперина трансформировалось в “поэтапно” формируемую “дисциплинированность мышления” при решении творческих задач).

Исходя из своей трактовки интроспекции, предметом изучения для О. Кюльпе стали психические акты и состояния, названные “эмпирическим мышлением” [8]. Они представляют собой

конкретную реализацию “чистого мышления”, процессы которого подчинены законам формальной логики [29], определяющим оперирование субъектом мыслимым им предметно-чувственным содержанием. Но, в отличие от этого классического сенсуализма, О. Кюльпе все же считал, что эмпирические проявления “утонченных и малозаметных” процессов мышления целесообразно исследовать посредством самонаблюдения переживаемых субъектом актов сознания. Их регистрация в процессе мышления обеспечивалась специально организуемым — со стороны экспериментатора — самонаблюдением испытуемого путем ретроспективного самоотчета с его последующей интерпретацией психологом. Тем самым О. Кюльпе стал выстраивать новаторскую методологию систематической интроспекции как психотехнически (Г. Мюнстерберг) организованного метода экспериментальной психологии, разработанного для исследования высших психических функций (мышления и сознания, познания и рефлексии, понимания и воли), интегративно выражающих целостность Я (И. Фихте).

Нормативно процедура такого метода сводилась к тому, что, решая мыслительную задачу (на установление логической связи между понятиями), испытуемый должен был рефлексивно дать ретроспективный отчет о состояниях сознания, пережитых им в процессе поиска решения. Такой самоотчет назывался “систематическим” (Н. Ах), ибо весь мыслительный процесс строго членился во времени на различные отрезки и повторялся (для сравнения с самоотчетами других испытуемых) множество — до сотен! — раз с целью уточнения его описания. Оказалось, что мысль психологически характеризуется не только негативно (как процесс без наглядных представлений), но и позитивно — как оперирующая значениями. Отсюда радикально изменилось прежнее представление о фактуре сознания в актах мысли, в состав которой теперь вводились новые феномены — не только интеллектуальные, но и личностные: установки сознания, интенциональные цели, умственные образы, смысловые отношения, их “сознанность”, волевые усилия и т.п.

Использование экспериментатором метода организации (обучения) систематического самонаблюдения (Н. Ах, О. Кюльпе) испытуемым за собственным мыслительным поиском решения задачи (Г. Уатт, О. Зельц) позволяло регистрировать (посредством самоотчета) как традиционно выделяемое в ассоцианизме оперирование мыслимыми субъектом чувственными переживаниями и предметными содержаниями сознания (И. Кант), так

и эксплицировать не замечавшиеся ранее в психологии их “ненаглядные” (неточно переведенные как “безобразные”, хотя это термин Р. Вудвортса) смысловые отношения, “интенциональные” (Ф. Brentano) установки и целевые связи. В результате экспериментальных исследований мышления в них были выделены его качественные отличия от других познавательных процессов (а именно цельность, активность, осмысленность, направленность и т.д.), причем при отсутствии связи их специфичности с чувственно “наглядными” элементами.

Отметим, что в начале XX в. А. Бине и Р. Вудворт также (параллельно с О. Кюльпе) обнаружили нечувственный характер ряда умственных процессов. Однако из этого ими не были сделаны методологические выводы о необходимости построения новых (не ассоциативных и не формально-логических) экспериментальных методов для исследования психологической специфики “чистого мышления” (по И. Канту). Методологизм О. Кюльпе объясняется тем, что эта абстрактная [29] “ненаглядность” или “безобразность” [8] мышления была открыта в специально построенных оригинальных опытах. В них обученными систематической интроспекции испытуемыми были ученики Кюльпе (Н. Ах, К. Бюлер, М. Вертгаймер, О. Зельц, К. Марбе, Г. Уатт и др.). Как авторы учебников по психологии, они могли профессионально категоризировать сходными понятийно-психологическими средствами самонаблюдаемые [21] ими состояния своего сознания, актуализируемые в мыслительном поиске решения задачи.

После проведения опытов О. Кюльпе и его ученики сотворчески рефлексировали интерпретацию феноменологии интроспекции их мыслительных процессов. Это также открывало путь к экспериментатике с рефлексией, ибо “испытуемый, получая какую-либо задачу, определенное наставление... должен изучать себя при воздействии раздражителей”. В этом, по сути, рефлексивном акте было важно “определить наличность в нашем сознании понятий и положений и как именно мы их сознаем” [8], что ныне используется в исследованиях рефлексии [1; 19; 21; 22; 36] и в рефлексивно-экзистенциальных тренингах [23].

Отсюда, по О. Кюльпе, в мышлении “активность выступает на первый план, акт восприятия и механизм представлений — на второй. Наше Я постоянно находится под влиянием той или иной точки зрения или же определенной задачи и ими же побуждается к деятельности. Можно сказать, что работа Я служит цели, заданной самой собой или другими... Это влияние... называют детерминирующей

тенденцией” [8]. Обобщая результаты опытов с мышлением, О. Кюльпе приходит к принципиальному выводу, что “этим самым экспериментальная психология была выведена в область новых исследований, открывающих широкие перспективы” [8].

Господствовавший в XIX в. ассоцианизм, редуцируя мышление к операциям формальной логики с наглядно-чувственными содержаниями, опирался в гносеологии и педагогике на принцип непосредственной наглядности генезиса и функционирования познания. О. Кюльпе же акцентировал изучение в мышлении его, по сути, рефлексивно-интенционального плана в виде таких его феноменов, как смысловые установки сознания, волевые импульсы, познавательные интенции, умственные усилия, уверенность, сомнения, установление отношений, определение мотивов и целей мыслительного поиска.

Таким образом, теоретический вклад О. Кюльпе прежде всего в том, что он онтологически вывел психологию познания за границы его сугубо рационалистической трактовки, инкорпорировав в панораму мышления (наряду с чувственно-предметными содержаниями сознания и интеллектуально-логическими операциями ума [1; 14]) также его собственно психологические свойства: мотивационно-целевые установки и проблемно-поисковые рассуждения по решению задач (Г. Уатт), эмоционально-смысловые отношения и индивидуально-волевые усилия человека как активного субъекта познания (с учетом этого нами были дифференцированы предметно-операциональные и личностно-рефлексивные функции как в продуктивном мышлении при дискурсивном решении творческих задач [1; 13], так и в саморазвитии креативной личности [19; 21–23]). Все это обеспечило конструктивность влияния О. Кюльпе на становление культуры экспериментатики в гештальтизме как ведущей в XX в. школе психологии продуктивного мышления [4; 11–14; 25; 36 и др.].

Переходом к его изучению М. Вертгеймером и К. Дункером [11, с. 258–268] стала теория вюрцбургца О. Зельца [11, с. 28–46] о “комплексной антиципирующей схеме” как механизме решения продуктивных задач. Согласно В.В. Петухову, “эмпирической базой в вюрцбургской школе были интроспективные данные о решении репродуктивных задач, и поэтому закономерности репродуктивного и продуктивного мышления представлялись здесь едиными” [13, с. 41]. Отсюда важность, по В.В. Петухову, телеологического подхода к изучению мышления в школе О. Кюльпе, ибо “значение результатов классической дискуссии

необходимо современным сторонникам той и другой точки зрения для осознания своей принадлежности к качественно разным стратегиям изучения творчества” [13, с. 46].

Важно подчеркнуть, что позднее, в конце 1920-х годов, констатируя и анализируя гносеологический кризис психологии, талантливый ученик О. Кюльпе вюрцбуржец К. Бюлер [24] создал методологические предпосылки для поиска путей построения разных стратегий обновления психологии, в том числе в сфере изучения продуктивного творческого мышления. Они разрабатывались уже другими поколениями ученых XX и XXI вв. (К. Дункер, К. Левин, П.Я. Гальперин, Я.А. Пономарев, Н.Г. Алексеев, Л.И. Анцыферова, В.П. Зинченко, В.В. Петухов, А.И. Савенков, И.Н. Семенов, В.Ф. Спиридонов, Д.В. Ушаков и др.).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом логика развития изучения ментальных процессов учениками О. Кюльпе (О. Зельц, К. Бюлер, М. Вертгеймер, В. Келлер, К. Коффка) все же компенсировала недостатки, связанные с онтологическим невниманием к чувственной и речевой природе мышления, на что указывала Л.И. Анцыферова [12, гл. 2]. Ибо после Кюльпе связанные с Вюрцбургской школой психологи обратились — с позиций гештальтистского принципа структурирования перцептивного поля (М. Вертгеймер, К. Левин) — к изучению целостных структур восприятия и их роли в мышлении. В этом, говоря словами Г. Гегеля, заключалась своеобразная “хитрость истории” и логики развития психологии — в виде перехода от открытия “безобразности” (О. Кюльпе) абстрактного мышления к исследованию генеза (К. Коффка) корней его “наглядности” в перцептивном поле пространственного наглядно-действенного (В. Келлер) мышления. Ибо вюрцбуржцы, ставшие гештальтистами, в 1920-е годы акцентировали исследование функциональной роли визуально-образных представлений в инсайтном переструктурировании продуктивного мышления (М. Вертгеймер). Наряду с этим, в 1930-е годы гештальтисты обратились к исследованию в продуктивном мышлении речевой ткани дискурсивно-рассуждающего поиска решения творческих задач (К. Дункер). В 1940–1960-е годы они перешли к изучению групповой динамики в мотивационно-психологическом поле локаций и коммуникаций (К. Левин), а также к исследованию в познании мира роли речевого мышления (К. Бюлер, К. Коффка) и онтогенеза рефлексивного самознания личности (Б.В. Зейгарник) в процессе

персоналогии ее жизненного пути (Ш. Блюлер). В этих тенденциях выражается логика развития когнитивной психологии как перспектива инновационных стратегий современного изучения интеграции перцептивно-интеллектуальных и рефлексивноличностных компонентов продуктивного мышления в символически-смысловом пространстве культуросозидающей [19] творческой деятельности креативной индивидуальности, профессионально самореализующейся в современном социуме.

Итак, О. Кюльпе (наряду с гештальтистами, неохевиористами, когнитивистами, эвристиками, герменевтиками) является одним из основоположников методологии и экспериментатики изучения мысли и рефлексии, познавательных процессов и когнитивного развития личности в классической психологии продуктивного творческого мышления. Эта констелированная О. Кюльпе и его Вюрцбургской школой классика конструктивно воздействует на современное человекознание, особенно в плане системно-функциональной методологии при разработке феноменологически качественных средств идеографически-смыслового анализа сложнейших явлений сознания и рефлексии личности в экзистенциально-продуктивных процессах культуросозидающего профессионального творчества. Развитие достижений (О. Зельц, М. Вертгеймер, К. Дункер, Ж. Пиаже) и критика противоречий (В. Вундт, Э. Титченер, Р. Вудворте) школы О. Кюльпе — особенно с позиций зарождавшейся тестологии (Ф. Гальтон, А. Бине, В. Штерн) — поставило важнейшую для экспериментальной психологии проблему конструктивной разработки психометрики свойств творческого мышления, сознания индивидуальности, рефлексии смыслообразования личности. Согласно методологическому принципу дополнительности, определяющей перспективой дальнейшего развития психологии мышления, творчества, сознания, рефлексии является познание их свойств и закономерностей в результате системного взаимодействия их номотетически измеряемых свойств и их идеографически характеризующих смысловых функций в развитии креативной личности в процессе профессиональной продуктивно-творческой деятельности.

Совершенный Кюльпе прорывной экспериментальный поворот в изучении мышления (путем перехода от чувственного сенсуализма и субъективизма непосредственной интроспекции к объективизации систематического самонаблюдения и организуемой рефлексии интеллектуально-личностного смыслообразования сознания субъектом) сравним в психологии познания по своему

методологическому значению лишь с революцией психоанализа З. Фрейда в человекознании. Ибо он экспериментально открыл мотивационно-смысловую сферу влечений и желаний, подсознания и сверхсознания в развитии личности и эволюции культуры. Разработанная же О. Кюльпе психотехника объективизации самонаблюдения (посредством систематического самоотчета) интегрировала психотехнологию интроспекции сознания в арсенал научных методов изучения эмпирической феноменологии мышления, понимания, рефлексии. Это новаторство О. Кюльпе положило начало экспериментальному становлению классической психологии продуктивного [1; 2; 11–14; 25; 27] рассуждающего мышления и современной рефлексивной психологии когнитивно-смыслового развития личности [21], в том числе посредством ее рефлексивно-экзистенциальной психотерапии [23] и культуросозидающей самореализации [19] в продуктивной профессионально-творческой деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев Н.Г., Семенов И.Н., Степанов С.Ю.* Мысли о мыслях. Т. 1. Ч. 1. Психология решения творческих задач / Отв. ред. И.С. Ладенко. Новосибирск: НГУ, 1996.
2. *Бухарова А.А., Семенов И.Н.* Обзор концепций рефлексии и образования Макс Шелера с позиций рефлексивной психологии // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2015. № 4–5. С. 18–63.
3. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии / Под ред. А.Р. Лурия, М.Г. Ярошевского. М.: Педагогика, 1982. 488 с.
4. *Коффка К.* Самонаблюдение и метод психологии // Психологическая хрестоматия / Под ред. К.Н. Корнилова. М.-Л., 1927. С. 123–132.
5. *Кравков С.В.* Самонаблюдение. М., 1922. 143 с.
6. *Крогиус А.А.* Вюрцбургская школа экспериментального исследования мышления и ее значение // Новые идеи в философии. Сб. 16. СПб., 1914. С. 84–108.
7. *Кюльпе О.* Введение в философию. 7-е изд. СПб., 1901.
8. *Кюльпе О.* Современная психология мышления // Новые идеи в философии. Сб. 16. СПб., 1914. С. 43–83; *То же* // Общая психология. Психология мышления / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.В. Петухова. М.: МГУ, 1981. С. 21–27.
9. *Кюльпе О.* Современная философия в Германии. М., 1903.

10. Морозова М.В., Семенов И.Н. Философско-психологические проблемы изучения переживаний индивидуальности и их взаимосвязей с рефлексией // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2015. № 1–2. С. 57–101.
11. Общая психология. Психология мышления: Хрестоматия / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.В. Петухова. М.: МГУ, 1981.
12. Основные направления исследований психологии мышления в капиталистических странах / Отв. ред. Е.В. Шорохова. М.: Наука, 1966.
13. Петухов В.В. Основные теоретические подходы к изучению мышления // Общая психология. Тексты. Раздел III. Субъект познания. Ч. 2 / Под ред. В.В. Петухова. М.: МГУ, 1997. С. 19–46.
14. Пономарев Я.А., Семенов И.Н., Зарецкий В.К. Исследование проблем психологии творчества: Коллективная монография. М.: Наука, 1983.
15. Саугстад П. История психологии: от истоков до наших дней. М.: Бахрах-М, 2008. С. 101–108.
16. Семенов И.Н. Вюрцбургская школа // БСЭ. 3-е изд. М.: СЭ, 1972.
17. Семенов И.Н. Вюрцбургская школа // Философский энциклопедический словарь. 2-е изд. М.: СЭ, 1989. С. 105–106.
18. Семенов И.Н. Кюльпе // Большая российская энциклопедия. Т. 16. М.: Большая Российская энциклопедия, 2010. С. 527.
19. Семенов И.Н. Развитие научного творчества в системе коммуникативно-познавательных отношений, определяющих продуктивность культуросозидающей деятельности. // Известия РАО. 2022. № 1. С. 154–177.
20. Семенов И.Н. Рефлексивная и культуральная персонология жизнетворчества и научной деятельности выдающегося философа-психолога Г.Г. Шпета // Мир психологии. 2020. № 4. С. 228–239.
21. Семенов И.Н. Рефлексивность самонаблюдения и персонология интроспекции: к онтологии и методологии рефлексивной психологии индивидуальности // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2015. № 3. С. 22–39; № 4. С. 98–113.
22. Семенов И.Н. Теоретические основы изучения роли рефлексии в процессах самости в трансдисциплинарном контексте человекознания // Мир психологии. 2018. № 3. С. 7–24.
23. Семенов И.Н., Ренецкий Ю.А., Ренецкая А.В. Тренинг-практикум “Экзистенциальный опыт осознанности и осмысления”: теоретические основы, возможности и апробация в работе с молодежью // Мир психологии. 2019. № 1. С. 264–277.
24. Buhler K. Die Kriese der Psychologie. 1 Aufl. Berlin, 1927.
25. Dorner P. Self-reflexion and problem-solving // Human and Artificial Intelligens. Berlin: Science Press, 1978. P. 101–107.
26. Dudareva V., Semenov I. Phenomenology of reflection and its investigation in modern foreign psychology // Psychology. Journal of Higher School of Economics. 2008. Т. 5. № 1. P. 101–120.
27. Kulpe O. Grundlagen der Asthetik / Külpe O., Behn S. Leipzig, 1921.
28. Kulpe O. Versucher über Abstraktion // Bericht über den 1. Kongressen für experimentelle Psychologie Science Press, 1978. S. 101–107.
29. Kulpe O. Di. Versucher über Abstraktion // Bericht über den 1. Kongressen für experimentelle Psychologie. Gießen, 1904. P. 56–68.
30. Kulpe O. Vorlesungen uber Logik / Külpe O., Selz O. Leipzig, 1923.
31. Kulpe O. Vorlesungen uber Psychologie. 2 Aufl. Leipzig, 1922.
32. Kulpe O. Eine Beitrag zur exsperimentellen Aesthetik // American Journ. of Psychology. 1903. № 14. P. 132–495.
33. Lindenfeld D. Oswald Kulpe and the Wurzburg School // Journal of the History of the Behavioral Sciences. 1978. № 14. P. 132–141.
34. Ogden R.M. Oswald Kulpe and the Wurzburg School // The American Journ. of Psychology. 1951. № 64. P. 4–9.
35. Schröder H. Die Theorie des Denkens bei Külpe und bei Husserl. Diss. Münster, 1924.
36. Semenov I.N. An empirical psychological study of thou processes in creative problem-solving from the perspective of theory of activity // Soviet Psychology. 1978. V. 16. № 4. P. 3–46.

PHILOSOPHICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS OF THE ORIGIN OF EXPERIMENTAL PSYCHOLOGY OF THINKING AND REFLEXION (TO THE 160TH ANNIVERSARY OF O. KULPE AND THE 125TH ANNIVERSARY OF HIS WÜRZBURG SCHOOL)

I. N. Semenov

*GAOU VO Moscow City Pedagogical University;
123022, Moscow, Stolyarny lane, 16, p. 1, Russia.
ScD (Psychology), Professor of the Department of Psychology.
E-mail: i_samenov@mail.ru*

Received 23.12.2022

Abstract. The article is devoted to the study of the scientific creativity of V. Wundt's student, the organizer of the Institute of Psychology at the University of Würzburg, Oswald Kulpe (1862–1915). He is a prominent German psychologist, philosopher, logician, aesthetician, one of the creators of the epistemology of critical realism, methods of experimental aesthetics and psychology of thinking, understanding, reflection, the head of the Würzburg school, from which the leaders of Gestaltism emerged (K. Buhler, M. Wertheimer, V. Koehler, K. Koffka). Since it is necessary to state the fact of underestimation of O. Kulpe's achievements by historians of psychology, the aim is an interdisciplinary comprehensive study of O. Kulpe's versatile creativity as an original philosopher-psychologist of the early twentieth century. The professional development of his creative personality and creative heritage is studied by us using interdisciplinary methods of historical-scientific, subject-thematic, system-scientific analysis from the standpoint of the author's institutional-personological approach to scientific creativity. The research activity of O. Kulpe as the founder of the experimental psychology of discursive thinking and reflection is studied. The innovative achievements of the Würzburg School created by him in identifying the psychological specifics of thinking through the objectification of self-observation are characterized. The content and evaluation of O. Kulpe's philosophical and psychological activity are discussed, and its paradigmatic role in the logic of the development of the psychology of thinking of the twentieth century and its strategic importance for the modern study of cognitive processes by qualitative methods in the perspective of the XXI century are shown. The connection with the classical heritage of O. Kulpe and the Würzburg school of the main directions of both foreign human knowledge of the twentieth century and modern Russian psychology of thinking and reflection is reflected.

Keywords: psychology of thinking, experimentation, problem solving, introspection, experiences of consciousness, reflection, goals and meanings, attitudes and determining tendencies, Würzburg School, O. Kulpe, K. Buhler.

REFERENCES

1. *Alekseev N.G., Semenov I.N., Stepanov S.Yu.* Misli o mislyah. T. 1. Ch. 1. Psihologiya resheniya tvorcheskih zadach. Ed. I.S. Ladenko. Novosibirsk: NGU, 1996. (In Russian)
2. *Bukharova A.A., Semenov I.N.* Review of Max Scheler's concepts of reflection and education from the standpoint of reflexive psychology. *Psychology. Historical and critical reviews and modern research.* 2015. № 4–5. P. 18–63. (In Russian)
3. *Vygotskij L.S.* *Sobranie sochinenij: V 6 t. T. 1. Voprosy teorii i istorii psihologii.* Eds. A.R. Luriya, M.G. Yaroshevskij. Moscow: Pedagogika, 1982. 488 p. (In Russian)
4. *Koffka K.* *Samonablyudenie i metod psihologii. Psihologicheskaya hrestomatiya.* Pod red. K.N. Kornilova. Moscow, Leningrad, 1927. P. 123–132. (In Russian)
5. *Kravkov S.V.* *Samonablyudenie.* Moscow, 1924. 143 p. (In Russian)
6. *Kpogius A.A.* *Vyurburgskaya shkola eksperimentalnogo issledovaniya mishleniya i ee znachenie. Novie idei v filosofii.* Sb. 16. Saint Petersburg, 1914. P. 84–108. (In Russian)
7. *Kyulpe O.* *Vvedenie v filosofiyu.* 7-e izd. Saint Petersburg, 1901. (In Russian)
8. *Kyulpe O.* *Sovremennaya psihologiya mishleniya. Novie idei v filosofii.* — Sb. 16. Saint Petersburg, 1914. P. 43–83; *Same.* *Obsh'aya psihologiya. Psihologiya mishleniya.* Eds. Yu.B. Gippenreiter, V.V. Petuhov. Moscow: MGU, 1981. P. 21–27. (In Russian)
9. *Kyulpe O.* *Sovremennaya filosofiya v Germanii.* Moscow, 1903. (In Russian)
10. *Morozova M.V., Semenov I.N.* *Filosofsko-psihologicheskie problemi izucheniya perezhivaniy indivi-*

- dualnosti i ih vzaimosvyazei s refleksiiei. Psihologiya. Istoriko-kriticheskie obzori i sovremennye issledovaniya. 2015. № 1–2. P. 57–101. (In Russian)
11. Obsh'aya psihologiya. Psihologiya mishleniya. Hrestomatiya. Eds. Yu.B. Gippenreiter, V.V. Petuhov. Moscow: MGU, 1981. (In Russian)
 12. Osnovnye napravleniya issledovaniy psihologii mishleniya v kapitalisticheskikh stranah. Ed. E.V. Shorohova. Moscow: Nauka, 1966. (In Russian)
 13. *Petuhov V.V.* Osnovnye teoreticheskie podhodi k izucheniyu mishleniya // Obsh'aya psihologiya. Teksti. Razdel III. Subekt poznaniya. Ch. 2. Ed. V.V. Petuhov. Moscow: MGU, 1997. P. 19–46. (In Russian)
 14. *Ponomarev Ya.A., Semenov I.N., Zareckii V.K.* Issledovanie problem psihologii tvorchestva. Monografiya. Moscow: Nauka, 1983. (In Russian)
 15. *Saugstad P.* Istoriya psihologii: ot istokov do nashih dnei. Moscow: Bahrah-M, 2008. P. 101–108. (In Russian)
 16. *Semenov I.N.* Vyurburgskaya shkola. BSE. 3-e izd. Moscow: SE, 1972. (In Russian)
 17. *Semenov I.N.* Vyurburgskaya shkola. Filosofskij enciklopedicheskij slovar'. 2-e izd. Moscow: SE, 1989. P. 105–106. (In Russian)
 18. *Semenov I.N.* Kyul'pe. Bol'shaya rossijskaya enciklopediya. T. 16. Moscow: Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya, 2010. P. 527. (In Russian)
 19. *Semenov I.N.* The development of scientific creativity in the system of communicative and cognitive relations that determine the productivity of culture-creating activity. Izvestiya RAO. 2022. № 1. P. 154–177. (In Russian)
 20. *Semenov I.N.* Refleksivnaya i kulturalnaya personologiya zhiznetvorchestva i nauchnoi deyatel'nosti vidayush'egosya filosafo-psihologa G.G. Shpeta. Mir psihologii. 2020. № 4. P. 228–239. (In Russian)
 21. *Semenov I.N.* Refleksivnost samonablyudeniya i personologiya introspekcii: k ontologii i metodologii refleksivnoi psihologii individualnosti. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psihologiya. 2015. № 3. P. 22–39; № 4. P. 98–113. (In Russian)
 22. *Semenov I.N.* Teoreticheskie osnovy izucheniya roli refleksii v processah samosti v transdisciplinarnom kontekste chelovekoznaniya. Mir psihologii. 2018. № 3. P. 7–24. (In Russian)
 23. *Semenov I.N., Repeckii Yu.A., Repeckaya A.V.* Trening-praktikum "Ekzistencialnii opit osoznannosti i osmisleniya": teoreticheskie osnovy, vozmozhnosti i aprobatsiya v rabote s molodezhyu. Mir psihologii. 2019. № 1. P. 264–277. (In Russian)
 24. *Buhler K.* Die Kriese der Psychologie. 1 Aufl. Berlin, 1927.
 25. *Dorner P.* Self-reflexion and problem-solving. Human and Artificial Intelligens. Berlin: Science Press, 1978. P. 101–107.
 26. *Dudareva V., Semenov I.* Phenomenology of reflection and its investigation in modern foreign psychology. Psychology. Journal of Higher School of Economics. 2008. V. 5. № 1. P. 101–120.
 27. *Kulpe O.* Grundlagen der Asthetik. Külpe O., Behn S. Leipzig, 1921.
 28. *Kulpe O.* Versucher über Abstraktion. Bericht über den 1. Kongressen für experimentelle Psychologie Science Press, 1978. S. 101–107.
 29. *Kulpe O.* Versucher über Abstraktion. Bericht über den 1. Kongressen für experimentelle Psychologie. Gießen, 1904. P. 56–68.
 30. *Kulpe O.* Vorlesungen über Logik. Külpe O., Selz O. Leipzig, 1923.
 31. *Kulpe O.* Vorlesungen über Psychologie. 2 Aufl. Leipzig, 1922.
 32. *Kulpe O.* Eine Beitrag zur experimentellen Aesthetik. American Journ. of Psychology. 1903. № 14. S. 132–495.
 33. *Lindenfeld D.* Oswald Kulpe and the Wurzburg School. Journal of the History of the Behavioral Sciences. 1978. № 14. P. 132–141.
 34. *Ogden R.M.* Oswald Kulpe and the Wurzburg School. The American Journ. of Psychology. 1951. № 64. P. 4–9.
 35. *Schröder H.* Die Theorie des Denkens bei Külpe und bei Husserl. Diss. Münster, 1924.
 36. *Semenov I.N.* An empirical psychological study of thought processes in creative problem-solving from the perspective of theory of activity. Soviet Psychology. 1978. V. 16. № 4. P. 3–46.

УДК 159.9.01

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНТУРЫ СОВЕТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ СЕРЕДИНЫ 1970-х годов: ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВОВ ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ РАН И РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

© 2022 г. В. И. Коннов

МГИМО МИД России;

119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76, Россия.

*Кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры философии им. А.Ф. Шишкина.
E-mail: v.konnov@inno.mgimo.ru

Поступила 11.01.2022

Аннотация. Предлагается анализ ситуации в советской психологии 1970-х годов, основанный на материалах Архива РАН и Научного архива ИП РАН. В центре внимания — стенограмма заседания бюро отделения философии и права АН СССР 30 марта 1976 г., на котором обсуждались результаты проверки ИП АН СССР комиссией отделения. Данный документ, дополненный рядом других архивных источников, а также опубликованными материалами, показывает, что советская психология этого периода подошла к оформлению двух принципиально разных концепций: теории деятельности и системного подхода. Первая играла определяющую роль в НИИОПП и на факультете психологии МГУ, последний — в Институте психологии. Соперничество между концепциями не сводилось к теоретическим разногласиям, а отражало политическую ситуацию в психологии, которая характеризовалась перемещением руководящего центра психологии из АПН СССР в институт “большой академии”. Конфликт был обострен тем, что официальная доктрина не была готова признать плюрализм теорий, формально оставаясь на позициях марксистского монизма. В этих условиях создание теории, способной служить рамкой для психологических исследований различных направлений, становилось неизбежной задачей для Института психологии, которую директор института Б.Ф. Ломов стремился решить путем продвижения системного подхода, допуская высокий уровень гибкости в отношении сочетания различных теорий и исследовательских методологий.

Ключевые слова: советская психология, Институт психологии АН СССР, системный подход, теория деятельности.

DOI: 10.31857/S020595920021481-5

ВВЕДЕНИЕ

Семидесятые годы прошлого столетия начались для советской психологической науки с создания академического Института психологии. Значение этого события не сводилось к появлению нового психологического учреждения, превосходящего по масштабу все предшествующие. Появление института в составе АН СССР означало повышение статуса психологии в советской научной иерархии: таким образом за психологией закреплялось положение одной из “фундаментальных” наук, которые создают основу для научно-технического развития. Одновременно новый институт был официально утвержден в качестве “головного”, что означало перемещение руководящего центра советской психологии из Академии педагогических наук (АПН)

СССР в АН СССР. И, как любая подобная реформа, подразумевающая пересмотр полномочий, этот процесс породил определенное напряжение среди тех, кого это перемещение затрагивало.

Другим важным моментом был характер исследований, которые планировалось развивать в новом институте. В соответствии с учредительными документами, центральной задачей Института психологии была разработка фундаментальных проблем общей психологии и теоретических основ ее прикладных разделов. Однако уже первый план научно-исследовательской работы института прямо обозначал в качестве одного из пяти главных направлений “проблемы инженерной психологии и психологии труда”, а два других направления — “проблемы экспериментальной психологии”

и “специальные прикладные проблемы” — были теснейшим образом связаны с инженерной психологией [4]. И, судя по всему, именно она должна была стать, по замыслу директора Бориса Федоровича Ломова, ядром экспериментальной работы института. Особенностью этой отрасли была тесная связь с техническими разработками и потребность в существенных материальных затратах на исследовательскую работу, что в начале 1970-х годов было необычным для работ гуманитарного профиля. К тому же с самого начала Б.Ф. Ломов стремился позиционировать институт как нацеленный в первую очередь на производство практически полезных исследовательских результатов и лишь затем — как идеологический центр, развивающий марксистское мировоззрение. Подобная расстановка акцентов подразумевала изменение облика советской психологии, что опять же не могло не вызвать реакции со стороны ее ключевых фигур.

Препятствием на пути обнаружения исторических следов этой реакции оказывается характерная черта брежневской эпохи, заключавшаяся в затушевывании конфликтов: публичное поле, в том числе и научная печать, тщательно оберегалось от любых проявлений, способных породить сомнения в монолитности официальной идеологии и политики. Эта черта проявляется и в психологии: поверхностный взгляд на публикации тех лет создает впечатление, что в ней практически не было противоречий, что, конечно же, неправдоподобно для любой развивающейся научной отрасли.

Возможность вскрыть реальные процессы дает подход “интеллектуальной истории”, в основе которого лежит интерпретация публичных высказываний, в том числе позиционируемых как содержательно-научные, в качестве социальных актов. Основатели этого подхода предлагают интерпретировать такого рода акты исходя из интеллектуального и социально-политического контекста, в котором они совершаются. При этом акцентируется то, что применимо к гуманитарной науке провести четкую границу между этими контекстами невозможно. В любом обществе гуманитарные дисциплины напрямую связаны с идеологией, и через нее интеллектуальные интересы исследователей оказываются переплетены с социально-политическими интересами. Определить же значение высказывания ученого в этом широком контексте возможно за счет использования широкого круга материалов, позволяющих понять основные дискуссии и группы интересов, характеризовавших ситуацию, в которой было сделано то или иное заявление [7].

В этом смысле ценным источником для понимания советской психологии 1970-х годов являются стенограммы различных научных собраний. Устные выступления, как правило, с большей отчетливостью выражают позицию автора, чем тексты, подготовленные для печати, и это тем более верно, имея в виду тщательно отредактированные советские публикации. И хотя тенденция к сглаживанию конфликтных моментов проявляется также и в стенограммах, в них линии напряжения, проходящие между действующими лицами, проступают, как правило, с большей отчетливостью.

ДОКЛАД Б.Ф. ЛОМОВА

В настоящей статье рассматривается стенограмма заседания бюро отделения философии и науки АН СССР 30 марта 1976 г., на котором обсуждались результаты проверки Института психологии комиссией, ранее назначенной отделением. Проверка, проведенная под руководством члена-корреспондента АН СССР М.С. Строговича, юриста по специальности, формально охватывала первые пять лет работы института, однако, учитывая, что фактически он начал работу лишь во второй половине 1972 г. и при этом в сильно стесненных условиях, речь фактически шла о трехлетнем периоде работы.

В докладе Б.Ф. Ломова, открывающем заседание, этот факт коротко упоминается лишь во вступительной части. Это говорит об уверенной позиции докладчика: представляемые им результаты вполне способны говорить сами за себя, и он не видит необходимости опираться на оправдывающие обстоятельства.

Доклад начинается с характеристики состояния дел в психологии, в которой акцент делается на том, что “одной из тенденций ее развития является все более углубляющаяся дифференциация” и что “возникает угроза размывания психологии, превращения ее в конгломерат не связанных между собой направлений” [14, с. 4]. Это предопределяет ключевую задачу института — “разработку общей системной теории психологии” [Там же, с. 6].

Решению этой задачи подчинены “общеинститутские темы”, которые характеризуются как выступающие “в роли своего рода стержня, объединяющего и направляющего научно-исследовательскую деятельность института в целом” [Там же, с. 13]. Три из них имеют теоретический характер: “тенденции развития психологической науки”, “проблема деятельности”, “биологическое и социальное в развитии психики человека”, и одна — прикладной — “проблема принятия решений”.

Первая из них характеризуется как постоянная составляющая работы института: «Тема эта сложная, ее разработка будет продолжаться и далее... Мы стремимся все время держать руку “на пульсе науки”» [Там же, с. 8]. Более подробно рассматривается “проблема деятельности”, которой приписывается важное теоретическое значение: по словам Б.Ф. Ломова, ее постановка “создала платформу для объединения советской психологии” [Там же]. В качестве главного примера результатов, полученных на этом направлении, Б.Ф. Ломов называет книгу “О субъекте психической деятельности” — автор этой книги К.А. Абульханова-Славская представляет школу С.Л. Рубинштейна, и, таким образом, в выступлении обозначается ее определяющая роль в разработке проблемы. Выделив этот подход, Б.Ф. Ломов дает перечень других интерпретаций проблемы деятельности, также разрабатываемых в институте. Он упоминает связанную с инженерной психологией “теорию операторской деятельности”, говорит о “социальной регуляции деятельности и поведения”, что в контексте послевоенной советской психологии напрямую ассоциируется с ленинградским психологом В.Н. Мясищевым. Также как на “связанную с проблемой деятельности” Б.Ф. Ломов указывает на “теорию функциональных систем”, прямо связанную с именем П.К. Анохина [Там же, с. 10–11].

Этот перечень фактически представляет круг отечественных источников, послуживших базой для системного подхода, основные положения которого уже были к этому моменту опубликованы [12]. Однако наиболее показателен не сам приведенный перечень, а кто в нем не упомянут. Пожалуй, у любого читателя, знакомого с историей советской психологии, “проблема деятельности” сразу же вызовет в памяти имя Алексея Николаевича Леонтьева. Широко известный как создатель деятельностного подхода, А.Н. Леонтьев был центральной фигурой советской психологии, причем не только как ведущий теоретик, но и с точки зрения формального статуса: до создания факультета психологии Московского университета, деканом которого он стал, А.Н. Леонтьев занимал пост вице-президента Академии педагогических наук, к ведению которой относилась психология. Однако с появлением Института психологии, официально назначенного “головным” [4], роль главного политического представителя психологической науки перешла к Б.Ф. Ломову.

Практически не вызывает сомнений, что не упомянуть А.Н. Леонтьева в связи с “проблемой деятельности” было со стороны Б.Ф. Ломова осознанным “молчаливым” заявлением. Тем более что

в планах научной работы института на 1973–1975 гг. и на 1976 г. А.Н. Леонтьев указан как научный консультант именно по “проблеме деятельности”, а возглавляемый им факультет — как соисполнитель работ по этой проблеме [2; 3]. Учитывая это, такое умолчание невозможно интерпретировать иначе как свидетельство разногласий между двумя психологами.

Наиболее вероятной причиной этому была конкуренция за главенство в психологической теории, которое имело значение, выходящее за рамки чисто научного спора. Официально в советской науке не признавалась возможность плюрализма концепций: в любой научной дисциплине могла быть только одна верная общая теория, остальные могли претендовать в лучшем случае на статус частных подходов. И хотя фактический плюрализм в советской науке, безусловно, был, приверженцы подходов, альтернативных тем, которые были утверждены в качестве официальной доктрины, находились под угрозой вмешательства признанных теоретиков в их работу под предлогом ее несоответствия единственно верной теории, что, в принципе, могло привести к прекращению тех или иных исследований.

По свидетельству историков, А.Н. Леонтьев относился к ученым, активно вовлеченным в идеологические вопросы и часто прибегавшим к идеологической аргументации в теоретических спорах, в частности, в соперничестве с С.Л. Рубинштейном [20], и, как свидетельствует историк науки Л. Грэхем, “среди всех известных советских психологов послесталинского периода Леонтьев был одним из наиболее воинственно настроенных в плане идеологии” [6, с. 212]. По воспоминаниям современников, А.Н. Леонтьев также выступал против создания ИП АН СССР на стадии подготовки этого проекта [16]. Учитывая все это, Б.Ф. Ломов просто не мог позволить себе признать теоретическое первенство фактически принадлежащего А.Н. Леонтьеву деятельностного подхода.

Укреплению концептуальной позиции Б.Ф. Ломова служит вторая из охарактеризованных им общеинститутских тем — “биологическое и социальное в психике”, которая, по его словам, имеет “отчетливо выраженную идеологическую и политическую направленность” [14, с. 11]. Традиционная марксистская позиция заключалась в признании приоритета общественной природы человека и в резкой критике попыток интерпретировать ее как производную от биологии — пример такой критики дается в докладе: “...Из биологизаторского понимания человека и его психики исходят и расистские теории, геноцид, и оправдание агрессивных

войн, и милитаризм” [Там же]. Однако в качестве главного результата работы института по этой теме Б.Ф. Ломов упоминает семинар, проведенный в 1975 г., по итогам которого был подготовлен сборник “Биологическое и социальное в развитии человека” [5]. Собранные в нем доклады демонстрируют явное смещение официальной позиции по этому вопросу: участие в семинаре принял целый ряд влиятельных фигур советской науки, в том числе вице-президент АН СССР, курировавший весь гуманитарный блок, П.К. Федосеев; быстро набиравший влияние философ, член-корреспондент АН СССР И.Т. Фролов, известный своими работами по проблемам генетических исследований; и, что особенно примечательно для преимущественно философского по своему содержанию сборника, лидер советской генетики 1960–1970-х годов академик Н.П. Дубинин. Новая официальная позиция отражена в статье П.К. Федосеева и заключается в признании “взаимосвязи” и “преемственности” биологического и социального, открывающем путь в том числе и генетическим исследованиям природы человека [Там же, с. 5–33].

Для психологии это было важным. Ограничение психологических исследований социальной стороной человека и фактический запрет на обсуждение биологического, врожденного, по сути, отсекали советскую психологию от значительной части мировой психологии, которая во многом строилась как исследование проблемы “природы и воспитания”. И именно вокруг этой дихотомии было выстроено, возможно, самое востребованное прикладное направление — психометрика. Б.Ф. Ломов, будучи заинтересованным и в расширении связей советской психологии с западной, и в усилении практического компонента психологических исследований, конечно же, относился к сторонникам расширения исследований биологической стороны, и организация семинара была значимым шагом на этом пути.

Упоминание этого мероприятия также было важным, учитывая, что в отделении философии и права преобладали профессиональные идеологи: только среди выступивших на заседании, помимо академика-секретаря отделения, директора Института марксизма-ленинизма А.Г. Егорова, принимали участие две крупные идеологические фигуры, приобретшие известность еще в сталинский период, — М.Б. Митин и Ф.В. Константинов. Учитывая линию на сближение с западной и особенно с американской психологией, которую проводил Б.Ф. Ломов, он явно был открыт для атаки с идеологических позиций, и косвенное указание

на поддержку со стороны влиятельных фигур академии могло служить их упреждению.

По поводу последней из общеинститутских тем — “психологии принятия решений” — Б.Ф. Ломов сообщает, что в настоящее время она переведена в новую тему — “психологические проблемы управления”, которая характеризуется следующим образом: “Здесь мы также имеем в виду психологические проблемы общей теории управления и практические задачи совершенствования систем управления” [14, с. 12]. За этой сменой формулировки просматривается, во-первых, переход от специфически психологической проблемы к общетеоретическим вопросам науки, а во-вторых, выход на более широкий спектр прикладных проблем. Главный претендент на роль “общей теории управления” в 1976 г. — общая теория систем: в это время как раз готовится открытие Всесоюзного НИИ системных исследований, который заработает в июне 1976 г., и уже функционирует Международный институт прикладного системного анализа, созданный при активном участии Советского Союза; к тому же теория систем представляет собой не просто исследовательское направление, а целое движение, развернувшееся внутри научного сообщества.

В описании работы отделов института, следующем за характеристикой общеинститутских проблем, также просматривается стремление расширить участие института в работе над прикладными техническими задачами: Б.Ф. Ломов уделяет особое внимание исследованиям, выполненным в интересах организаций-партнеров — Центра подготовки космонавтов, Пограничных войск и различных промышленных предприятий.

ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ В ОЦЕНКЕ УЧАСТНИКОВ ЗАСЕДАНИЯ

И именно эти исследования производят наиболее сильное впечатление на председателя проверочной комиссии М.С. Строговича, выступавшего вслед за Б.Ф. Ломовым: “...В институте психологии вполне положительно решен вопрос о внедрении достижений психологической науки в жизнь, в практику. Это совершенно конкретно устанавливается” [1, с. 9]. Аналогичные комментарии сопровождают примеры результатов такого рода — “инженерно-психологические рекомендации” для энергосистемы “Урал” и рекомендации для Пограничных войск. М.С. Строгович особенно впечатлен способностью института не просто проводить прикладные исследования, а документально фиксировать эффект от внедрения их результатов:

“Мне как юристу просто завидно было, потому что, мы, юристы, стараемся внедрять наши достижения в практику, очень трудно удается показать и самому убедиться, что то, что внедрено, действительно результат нашей работы” [Там же, с. 10].

В то же время, по оценке председателя комиссии, теоретические исследования в институте уступают прикладным. Если в связи с последними он говорит о конкретных результатах, первые характеризуются как “стремление”: “Я говорю стремление, потому что в области этих фундаментальных исследований много сделано правильного и полезного, но еще многое не достигнуто” [Там же, с. 7].

В целом же институт представлен как успешно решающий свои научные задачи, и если он не смог добиться заметных результатов на всех направлениях работы, то по вполне понятным причинам: в отличие от Б.Ф. Ломова, М.С. Строгович достаточно много места уделяет трудностям — нехватке ставок, низкому качеству выделенных помещений, проблемам с финансированием экспериментальной работы. При этом общая оценка доклада — однозначно положительная.

Однако комплиментарный тон выступления М.С. Строговича нарушает первый же вопрос, заданный академиком Г.А. Спиркиным: “Институт психологии АН СССР является головным институтом, на который возлагается проблема координации с другими институтами. Но ни докладчик, ни председатель комиссии, обследовавшей деятельность института, ничего не сказали о том, как осуществляется связь, скажем, с таким институтом, как Институт общей и педагогической психологии АПН?” [Там же, с. 22]. Вопрос звучит как указание на заведомо известное слабое место, и ответ М.С. Строговича это подтверждает — по его словам, сотрудничество налажено недостаточно, хотя он и склонен отнести это к проблемам становления: “...Институт только становится головным институтом, но еще не стал им” [Там же].

Этот вопрос получает развитие в реплике бывшего директора НИИОПП А.А. Смирнова. Упомянув ряд работ, выполненных совместно сотрудниками двух институтов, он тем не менее считает нужным сказать: “...Связь между нашими институтами недостаточная”. Затем А.А. Смирнов акцентирует специализацию своего института, в которую, как понятно из самого названия, входит “общая психология”, и на том, что главный применяемый в нем подход — “генетический”. Из этого следует вывод, что “Институт психологии Академии наук СССР, который рассматривает все эти вопросы в другом плане, должен очень тесно соискать свою работу с нами, поскольку целый ряд

общетеоретических вопросов должен решаться нами совместно” [Там же, с. 39]. Ясно, что речь идет о стремлении увеличить влияние НИИОПП в формировании общей психологической теории. Естественно, что А.А. Смирнов пытался упредить ситуацию, в которой его работа и работа его коллег оказалась бы в противоречии с концепциями, выдвинутыми новым головным институтом, а также стремился сохранить за своим институтом по крайней мере часть влияния, которым он обладал, пока был главным психологическим НИИ в стране.

Следующие далее выступления заместителей директора Института психологии Е.В. Шороховой и Ю.М. Забродина подтверждают, что вокруг вопроса общей теории советской психологии существовало напряжение. В.В. Шорохова прямо высказывается о существовании разногласий с А.Н. Леонтьевым: “У нас с уважаемым А.Н. Леонтьевым идет спор — можно ли вообще все психические аспекты пронизать личностным аспектом. Я считаю, что можно, и не только можно, но и нужно” [Там же, с. 30]. Спор, о котором она говорит, нашел отражение, в частности, в вышедшей в 1974 г. статье А.Н. Леонтьева “Деятельность и личность”, где он характеризует подход Е.В. Шороховой как “методологически наивный”, подразумевающий наличие «метапсихологического “я”» и увязывает его с “персоналистскими теориями” [9, с. 166]. Важно понимать, что последние тракуются советской идеологией в сугубо негативном ключе, например “Философская энциклопедия”, вышедшая под редакцией присутствующего на заседании Ф.В. Константинова, определяет персонализм как “теистическое направление современной буржуазной философии” [19, с. 242].

В свою очередь, Ю.М. Забродин прямо заявляет, что “до настоящего времени фундаментальной теории общей психологии в Советском Союзе нет”. “Правда, — продолжает он, — сейчас разрабатываются довольно мощные методологические подходы к разработке такой общей теории”, — и называет два: “марксистский системный подход... который разрабатывается у нас в институте” и “деятельностный подход, который изложен А.Н. Леонтьевым” [1, с. 45]. К моменту проведения заседания оба подхода уже имеют определенные источники. Еще в 1974 г. А.Н. Леонтьев завершил серию статей в “Вопросах философии” [9–11], которые послужат основой его главной теоретической книги “Деятельность. Сознание. Личность”. А Б.Ф. Ломов в 1975 г. опубликовал программный текст “О системном подходе в психологии” [12]. Обозначение же именно системного подхода как “марксистского” недвусмысленно указывает на то,

что именно последний Ю.М. Забродин видит в роли общей теории советской психологии.

А.Н. Леонтьев берет слово сразу же после заместителей директора Института психологии. И свое выступление он разворачивает именно в идеологическом поле. Развивая обозначенную в предшествующих выступлениях тему головного учреждения, он излагает свое понимание этой роли: “Прежде всего мне хотелось бы особо подчеркнуть, что в задачу головного института входит не только очерчивание наиболее важных проблем, стоящих перед психологической наукой, но, что очень важно, также и забота о надлежащем марксистско-ленинском подходе к решению этих проблем... Здесь должно быть активное начало и очень важно выполнять функцию отражения того, как следует подходить к решению проблем...” [1, с. 46–47]. Очевидно, что А.Н. Леонтьев интерпретирует роль координирующего учреждения расширенно: в его понимании, в нее входит “активное” определение теоретико-методологических основ для всех исследований в стране, причем с “заботой” о том, чтобы они были “надлежаще” марксистско-ленинскими.

В отношении же общей теории А.Н. Леонтьев заявляет о том, что для развития “марксистско-ленинского подхода” появляются препятствия: “...Под влиянием мощного развития психологии (прежде всего я имею в виду развитие в психологии в капиталистических странах и крупнейшей из них — США) под влиянием серьезных положительных достижений мы оказываемся, так сказать, в контексте влияний, которые дают о себе знать (я не боюсь об этом сказать вслух на Отделении) в известной мере и в советской науке. Я имею в виду влияние старого и новейшего позитивизма в первую очередь” [Там же, с. 48]. В советском идеологическом языке “позитивизм” имел сугубо негативное значение. Так, в учебнике “Основы марксистско-ленинской философии”, вышедшем под редакцией все того же Ф.В. Константинова, упомянутый “новейший позитивизм” характеризовался следующим образом: “...Независимо от тех конкретных социально-политических взглядов, которых придерживается тот или иной неопозитивист (а они варьируются от социал-демократических у О. Нейрата и до антикоммунизма у К. Поппера), объективная социальная роль неопозитивизма состоит в насаждении мировоззренческого скептицизма и нигилизма, в отрицании самой возможности научного мировоззрения” [15, с. 498]. Понятно, что влияние подобных течений на советскую психологию требовалось исключить, и то, что это не было сделано, служило недвусмысленным указанием на недостатки в осуществлении головным

психологическим институтом своей координационной функции.

А.Н. Леонтьев также не оставляет без внимания противопоставление деятельностного и системного подходов, которое было обозначено Ю.М. Забродиним. В ответ на это А.Н. Леонтьев указывает на близость системного подхода ко все тому же позитивизму: “Иногда читаешь литературу (я делаю оговорку — не психологическую) и видишь то, что называют порой системным подходом, структурным подходом или системно-структурным подходом. Я бы сказал, — это не марксизм, а из репертуара неопозитивистского структурализма” [1, с. 54].

Здесь А.Н. Леонтьев, по всей видимости, намеренно объединяет “системный” и “структурный” подходы в “системно-структурный подход”, чтобы затем установить связь между системным подходом и структурализмом. Для его аудитории, искушенной в идеологических дискуссиях, все это имеет вполне определенный смысл. К 1970-м годам системный подход был официально признан совместимым с марксизмом-ленинизмом: складывается точка зрения, что оба способны рассматривать объекты не статично, а в их развитии [8; 17]. И одновременно встречаются трактовки системного подхода как пересекающегося с элементами структурного метода, — так делает, например, М.Б. Митин [13, с. 11]. А.Н. Леонтьев же продлевает эту смысловую связь до структурализма — течения, которое успело получить в советской идеологии негативную оценку. В своем выступлении он упоминает французского философа Л. Сэва, обозначив как “прокол” отсутствие этого имени среди зарубежных ученых-марксистов, упоминаемых в работах института [1, с. 52]. Помимо прочих заслуг перед советским марксизмом, Л. Сэву принадлежит статья “О структурализме”, вышедшая в журнале “Проблемы мира и социализма” — международном издании Коммунистической партии, публикации в котором фактически имели характер доктрины. Статья Л. Сэва выдержана в критическом ключе: структурализм характеризуется в ней как претендующий на роль “антидиалектической альтернативы марксизму” и в качестве “типичного выражения на французской почве позитивистских идей” [18, с. 82–83]. При этом одним из главных направлений, в которых структурализм развивается, названа именно психология.

Конечно же, ведущие советские идеологи, присутствующие в зале, хорошо понимают, к чему клонит А.Н. Леонтьев: характеристика системного подхода как связанного с “непозитивистским структурализмом” — это, по сути, обвинение в противоречии официальной доктрине. Но эта атака

повисает в воздухе. Замечания А.Н. Леонтьева не находят отклика в том числе и у представителей старшего поколения, от которых можно было бы ожидать внимания к подобным инвективам. Напротив, М.Б. Митин в своем выступлении не только не поддерживает А.Н. Леонтьева, но и позволяет себе, случайно или нарочно, укол в его и А.А. Смирнова адрес. Заметив, что об Институте психологии “можно сейчас говорить как о серьезном научно-исследовательском институте Академии наук”, он усиливает это утверждение за счет контраста: “Это очень важно отметить, потому что у нас в течение довольно длительного времени психология была в загоне после серьезных и крупных психологических трудов, которые были выпущены в 1920–1930-х годах. Потом дело с психологией как-то заглохло” [1, с. 57]. Вряд ли А.Н. Леонтьев и А.А. Смирнов готовы были согласиться с такой характеристикой периода, на который пришлось и их основные научные труды, и их руководство психологией под эгидой АПН.

В свою очередь, Ф.В. Константинов открыто встает на сторону Б.Ф. Ломова, начав свое выступление с напоминания об обстоятельствах создания института: “Надо сказать, что за создание Института психологии пришлось драться, это было нелегким делом. Выдвигались такие аргументы, что есть институт Академии педагогических наук, есть Институт социологии, зачем еще создавать Институт психологии в системе Академии наук?” [Там же, с. 64]. История этого процесса изложена в недавно вышедшей статье коллектива ИП РАН, в которой упоминается, что главным публичным оппонентом создания института выступал тогдашний президент АПН В.М. Хвостов и, по крайней мере, одним из ключевых вопросов был ведомственный контроль над психологией [4]. В этом свете реплика Ф.В. Константинова — указание на то, что этот спор уже отыгран и имеет итогом новую ситуацию в психологии: “А в целом я считаю, что Институт психологии встал на ноги. Борис Федорович — тот человек, который объединяет кадры психологии” [1, с. 65].

Более примирительным звучит завершающее заседание слово академика-секретаря А.Е. Егорова, представляющего новое поколение советских идеологов, становление которых пришлось уже на послесталинский период. А.Е. Егоров уважительно высказывается в пользу соображений А.Н. Леонтьева о важности идеологической функции Института психологии и признает, что “позитивистские наклонности дают о себе знать в психологии” [Там же, с. 73]. Но затем увязывает это с вопросом психологических кадров: в интерпретации

А.Е. Егорова причиной проникновения “позитивистских наклонностей” является разнородность кадрового состава института. “Институт складывался из разных групп и кусков”, — говорит А.Е. Егоров, приводя в пример “группу Анохина” (имеется в виду лаборатория нейрофизиологических основ обучения, в которой главную роль играли сотрудники Института нормальной и патологической физиологии, возглавляемого академиком П.К. Анохиным) и “людей из Института философии” (т.е. сектор философских проблем психологии, переведенный из ИФ АН СССР) [Там же, с. 74]. Преодолеть эту ситуацию еще только предстоит: “...Нам надо думать сейчас, чтобы психологические начала в институте психологии окрепли” [Там же, с. 73].

По сути дела, это единственное существенное замечание в адрес института со стороны академика-секретаря. Но Б.Ф. Ломов не оставляет его без ответа. “...Не могу согласиться с тем, — заявляет он, — что формирование института происходит в известной мере стихийно” [Там же, с. 89–90]. По словам Б.Ф. Ломова, этот процесс идет в соответствии с обсуждавшимся на отделении планом и, таким образом, вполне упорядочен. То, что директор института считает нужным возразить академику-секретарю на эту в общем-то мягко сформулированную критику, еще раз показывает, что вопрос о том, готов ли Институт психологии выдвинуть единый психологический подход, — острый и не допускает уступок. Стоит заметить, что после этого А.Е. Егоров фактически снимает свою критику. “Я только хотел сказать, — отвечает он, — что всякая сознательная деятельность не исключает элемента стихийности” [Там же, с. 90].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вряд ли это обсуждение открыло какие-то новые моменты для самих его участников, но для современного читателя эта стенограмма демонстрирует процессы, во многом определявшие жизнь советского психологического сообщества 1970-х годов. Прежде всего это переход к новой экспериментальной психологии, связанной с математической обработкой результатов и полагавшейся на компьютерную технику. Этот переход был частью смены общего курса с построения автохтонной советской гуманитарной науки к активному использованию западных теорий и методик. Б.Ф. Ломов определенно относился к сторонникам сближения советской психологической науки с западной, и сам факт создания ИП АН СССР со значимым компонентом инженерной психологии, имеющей опять же американские

корни, мог рассматриваться как подтверждение того, что выбор этого пути был верным. Надо сказать, что это подтверждали и американские ученые: в докладе Национальной академии наук США 1977 г. математическая психология была выделена как одно из направлений, в которых советские ученые лидируют [21]. Но проблемой было материальное обеспечение таких исследований: в развитии компьютерной техники Советский Союз сильно отставал и в плане передовых моделей, и в плане масштабов производства. Именно эти сложности делают заявление Б.Ф. Ломова о том, что институт имеет техническую базу, “не уступающую мировым стандартам” [14, с. 22], сообщением о крупном успехе.

Однако этот поворот породил проблемы внутри советского психологического сообщества. Особенность положения психологии заключалась в том, что за 1920–1950-е годы она действительно сформировалась как самостоятельное направление, принципиально отличавшееся от западных аналогов. Советская психологическая теория была выстроена на противопоставлении марксистского диалектического метода “буржуазному” “позитивистскому”. Это было оригинальное построение, вызывавшее интерес в том числе и в западных странах, но при этом основывавшееся на противопоставлении мировому психологическому мейнстриму. Поэтому неприятие психологии, следующей западным образцам, было заложено в самом содержании советской психологической теории, а в случае с появлением Института психологии это внутреннее противоречие совпало еще и с рядом других линий, разделявших советское психологическое сообщество.

Прежде всего произошло перемещение центра влияния — из АПН СССР он переместился в институт “большой академии”. И это был вопрос не только того, кто контролирует официальную теорию, он также затрагивал доступ к ресурсам, и, учитывая сложности, которые возникали даже со снабжением “головного” ИП АН СССР, было очевидно, что в обозримом будущем этот институт останется единственным психологическим учреждением с возможностью проводить исследования на таком техническом уровне. Это подталкивало НИИОПП к тому, чтобы сконцентрироваться на теории, однако и здесь лидерство могло перейти к Институту психологии. И, поскольку советская психологическая теория изначально тесно переплеталась с марксистской идеологией, обращение к идеологическим приемам в этом соперничестве было, в принципе, естественным и ожидаемым.

На сегодняшний день и психология, и гуманитарная наука в целом, относящиеся к позднему советскому периоду, остаются довольно слабо исследованными. Немногие документально зафиксированные эпизоды, такие как рассмотренное заседание, приоткрывают взгляд на то, что действительно волновало психологическое сообщество в те годы. И они же дают ключ к дискуссиям того времени, что позволяет по-новому оценить наследие эпохи, которая была уникальной по образу существования науки и богатой оригинальными теориями, вопреки распространенному заблуждению вовсе не представлявшими собой идеологический монолит.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. АРАН. Ф. 1844. Оп. 1. Д. 159.
2. АРАН. Ф. 2097. Оп. 1. Д. 1.
3. АРАН. Ф. 2097. Оп. 1. Д. 30.
4. Белопольский В.И., Журавлев А.Л., Костригин А.А. История организации и начало деятельности Института психологии АН СССР в документах и воспоминаниях современников // Психологический журнал. 2020. Т. 5. № 41. С. 97–107.
5. Биологическое и социальное в природе человека / Отв. ред. Б.Ф. Ломов. М.: Наука, 1977.
6. Грэхэм Л. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М.: Политиздат, 1991.
7. Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018.
8. Кузьмин В.П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М.: Политиздат, 1976.
9. Леонтьев А.Н. Деятельность и личность // Вопросы философии. 1974. № 5. С. 165–196.
10. Леонтьев А.Н. Деятельность и сознание // Вопросы философии. 1972. № 12. С. 129–140.
11. Леонтьев А.Н. Проблема деятельности в психологии // Вопросы философии. 1972. № 9. С. 95–108.
12. Ломов Б.Ф. О системном подходе в психологии // Вопросы психологии. 1975. № 2. С. 31–45.
13. Митин М.Б. Введение // Современные проблемы теории познания диалектического материализма. Т. 1 / Под ред. М.Б. Митина и др. М.: Мысль, 1970. С. 4–19.
14. Научный архив ИП РАН. Ф. 16. Оп. 3.2. Д. 215.
15. Основы марксистско-ленинской философии. 2-е изд. М.: Политиздат, 1972.
16. Пономаренко В.А. На чьих плечах стоим. М.: ИП РАН, 2012.

17. Системные исследования. Ежегодник / Под ред. И.В. Блауберга и др. М.: Наука, 1969.
18. Сэв Л. О структурализме // Проблемы мира и социализма. 1971. № 6. С. 79–83.
19. Философская энциклопедия: В 5 т. Т. 4 / Гл. ред. Ф.В. Константинов. М.: Советская энциклопедия, 1967.
20. Фролов Н.В. Страницы истории: о том, как был уволен С.Л. Рубинштейн (из архива МГУ) // Вопросы психологии. 1989. № 4. С. 73–101.
21. National Academy of Sciences (NAS). A Review of U.S.—U.S.S.R. Inter-academy Exchanges and Relations. Springfield: National Technical Information Service, 1977.

INTELLECTUAL AND SOCIAL-POLITICAL CONTOURS OF THE SOVIET PSYCHOLOGY OF THE 1970S: BASED ON ARCHIVAL MATERIALS OF THE INSTITUTE OF PSYCHOLOGY AND THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

V. I. Konnov

MGIMO University;

119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76, Russia.

PhD (Sociology), Associate Professor, A.F. Shishkin Department of Philosophy.

E-mail: v.konnov@inno.mgimo.ru

Received 11.01.2022

Abstract. The article offers an analysis of the situation in Soviet psychology in the 1970s. based on materials from the RAS Archive and the IP RAS Scientific Archive. The analysis applies the methods of intellectual history proposed by the authors of the Cambridge School. It is focused on the transcript of the meeting of the Bureau of the Philosophy and Law Section of the AS USSR on March 30, 1976, at which the results of the inspection of the Institute of Psychology by the section commission were discussed. This document, supplemented by other archival sources and published materials, shows that there were two emerging approaches in the Soviet psychology, which by this time had acquired systemized sources, namely activity theory and systems approach. Rivalry between them was not limited to theoretical disagreements, but reflected the political situation in psychology, which was characterized by the shift of leadership from the APN to the new institute of the “big academy”. The conflict was intensified by the fact that the official doctrine was not prepared to recognize theoretical pluralism and continued to adhere to Marxist monism. Under these conditions, the creation of a theory capable of serving as a framework for a variety of fields of psychological research became a necessary task for the Institute of Psychology.

Keywords: Soviet psychology, Institute of Psychology of AN USSR, systems approach, activity theory.

REFERENCES

1. ARAN. F. 1844. Op. 1. D. 159. (In Russian)
2. ARAN. F. 2097. Op. 1. D. 1. (In Russian)
3. ARAN. F. 2097. Op. 1. D. 30. (In Russian)
4. Belopol'skii V.I., Zhuravlev A.L., Kostrigin A.A. Istoriia organizatsii i nachalo deiatel'nosti Instituta psikhologii AN SSSR v dokumentakh i vospominaniakh sovremennikov. Psikhologicheskii zhurnal. 2020. V. 5. 41. P. 97–107. (In Russian)
5. Biologicheskoe i sotsial'noe v prirode cheloveka. Ed. B.F. Lomov. Moscow: Nauka, 1977. (In Russian)
6. Graham L. Estestvoznaniia, filosofia i nauki o chelovecheskom povedenii v Sovetskom Soiuze. Moscow: Politizdat, 1991. (In Russian)
7. Kembridzhskaja shkola. Compiled by T. Atnashev, M. Velizhev. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018. (In Russian)
8. Kuz'min V.P. Printsip sistemnosti v teorii i metodologii K. Marksa. Moscow: Politizdat, 1976. (In Russian)
9. Leontiev A.N. Deiatel'nost' i lichnost'. Voprosy filosofii. 1974. № 5. P. 165–196. (In Russian)
10. Leontiev A.N. Deiatel'nost' i soznanie. Voprosy filosofii. 1972. № 12. P. 129–140. (In Russian)

11. *Leontiev A.N.* Problema dejatel'nosti v psikhologii. Voprosy filosofii. 1972. № 9. P. 95–108. (In Russian)
12. *Lomov B.F.* O sistemnom podkhode v psikhologii. Voprosy psikhologii. 1975. № 2. P. 31–45. (In Russian)
13. *Mitin M.B.* Vvedenie. In *Sovremennye problemy teorii poznaniia dialekticheskogo materializma*. V. 1. Eds. M.B. Mitin et. al. Moscow: Mysl', 1970. P. 4–19. (In Russian)
14. Nauchnyi arkhiv IP RAN. F. 16. Op. 3.2. D. 215. (In Russian)
15. *Osnovy marksistsko-leninskoi filosofii*. Moscow: Politizdat, 1972. (In Russian)
16. *Ponomarenko V.A.* Na ch'ikh plechakh stoim. Moscow: IP RAN, 2012. (In Russian)
17. *Sistemnye issledovaniia*. Ed. I.V. Blauberg et. al. Moscow: Nauka, 1969. (In Russian)
18. *Seve L.* O strukturalizme. Problemy mira i sotsializma. 1971. № 6. P. 79–83. (In Russian)
19. *Filosofskaia entsiklopediia*. V. 4. Ed. F.V. Konstantinov. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia, 1967. (In Russian)
20. *Frolov N.V.* Stranitsy istorii: o tom, kak byl uvolen S.L. Rubinshtein (iz arkhiva MGU). Voprosy psikhologii. 1989. № 4. P. 73–101. (In Russian)
21. National Academy of Sciences. A Review of U.S.—U.S.S.R. Inter-academy Exchanges and Relations. Springfield: National Technical Information Service, 1977.

УДК 316.37

ПРОБЛЕМА ПРОАКТИВНОСТИ ЛИЧНОСТИ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ СО СРЕДОЙ В СОВРЕМЕННОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ДИСКУРСЕ¹

© 2022 г. И. А. Мироненко^{1,*}, П. С. Сорокин^{2,**}

¹ФГБОУВО «Санкт-Петербургский государственный университет»;
199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9, Россия.

²Институт образования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»;
101000, г. Москва, Потанинский пер., д. 16, стр. 10, Россия.

* Доктор психологических наук, профессор факультета психологии.

E-mail: mironenko.irina1@gmail.com

** Кандидат социологических наук, старший научный сотрудник.

E-mail: psorokin@hse.ru

Поступила 19.08.2021

Аннотация. Проведен анализ проблемы проактивности человека в современном международном дискурсе. Показана высокая актуальность данной проблемы как в области теории, так и в сфере прикладных исследований: образования, менеджмента, социальных движений, обусловленная реалиями жизни современного человека, тенденциями деструктуризации социума, объективным ростом возможностей личности оказывать влияние на окружающие структуры и снижением степени жесткости последних. Подтверждено, что концептуальный аппарат, представленный в данной сфере, отличается разнообразием употребляемых понятий и остается несистематизированным, что существенно затрудняет понимание проблемы и является препятствием для конструктивного продвижения научных исследований в ответ на запросы практики. Показано, что центральное место в дискурсе занимает понятие «агентность» (agency). Кроме того, перспективным направлением исследований проактивности человека является также сфера волевой регуляции поведения. Проведенный анализ доказал, что для понимания сути проактивности личности особое значение имеет то, что жизнедеятельность личности протекает не только в координатах своего «внутреннего мира», в пространстве нервных сетей, но и в целостной динамической системе «человек-и-мир».

Ключевые слова: проактивность, агентность, самоактуализация, саморегуляция, локус контроля, воля, свобода воли, деструктуризация.

DOI: 10.31857/S020595920021483-7

Проблема проактивности личности в ее взаимодействии со средой привлекает все большее внимание в мировом дискурсе социально-гуманитарных наук. Четких дефиниций понятия «проактивность» не существует, однако можно отметить, что проактивность, в отличие от других типов поведения, предполагает инициативу субъекта по отношению к окружающей среде, а не реакцию в ответ на внешнюю стимуляцию. Примером проактивности являются инициированные снизу инновации на рабочем месте, новые культурные и гражданские инициативы, возникающие не как продукт целенаправленного конструирования «сверху» (руководство компании, политической партии и т.п.), а как результат инициативных действий самих участников.

Тренды последних десятилетий делают данную тему особенно острой. В области экономики и в других сферах происходит распад привычных для XX в. институтов и структур, которые традиционно рассматривались как детерминирующие поведение и деятельность человека. Например, резко возрастает доля населения, занятого вне корпоративного сектора, в частности занимающегося фрилансом. Подчеркнем, этот феномен носит не национальный, а глобальный характер. Традиционная для социально-гуманитарных наук XX в. картина мира, где жизненный успех рассматривался как адаптация к существующей социальной среде с заранее подготовленными «ячейками» для каждого, уже не кажется самоочевидной: например, на рынке труда все чаще надо уметь самому создавать себе рабочее место или же инициативно совершенствовать существующие

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-113-50076 («Экспансия»).

рабочие места [39; 46]. Изменения объективных реалий человеческой жизни, которые на рубеже тысячелетий стали очевидной реальностью, выступили главным фактором, обусловившим внимание психологов к человеческой проактивности, генерируемой субъектом и изменяющей среду его обитания и самого субъекта [38; 39; 46].

В мировом полидисциплинарном социогуманитарном дискурсе для описания соответствующих феноменов и процессов преимущественно используется термин “агентность” [15; 37]. При этом существенную часть публикаций по проблеме проактивности человека составляют работы прикладной направленности: например, в области менеджмента [36; 40; 44; 48] или образования [6; 47]. В социологической литературе в последние годы была предложена концепция “де-структуризации” [39; 46; 47], которая фиксирует переход от мира структур, детерминирующих деятельность, к миру, в котором структуры все больше зависят от проявлений “трансформирующей агентности” индивида, т.е. деятельности по изменению существующих структур и созданию новых.

Понятия, которые использует мировая наука применительно к различным аспектам человеческой проактивности, весьма разнообразны и включают в себя внутренний локус контроля, креативное действие, трансформационное лидерство, проактивное совладание с проблемами, инновационное поведение, потенциал личности, предпринимательский тип личности, саморегуляцию и целый ряд других [5; 15; 23]. При этом в трактовке понятий нет единства, а подавляющее большинство опубликованных в авторитетных международных журналах исследований носит фрагментарный эмпирический характер, для них не существует единой системы категорий, не создано “большой” теории.

Противоречие между общей природой психологических свойств, предположительно лежащих за внешним разнообразием проявлений в различных областях человеческой деятельности, и отсутствием в современной социогуманитарной науке единой рамки для их рассмотрения и соотнесения становится главной проблемой дискурса о проактивности. Создание единого категориального аппарата с классификацией и интеграцией подходов и разработок в отношении “агентного” поведения в различных средах, а также в отношении способов его активизации и поддержки представляется важным и необходимым.

ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИЯ И ИЗМЕРЕНИЕ ПРОАКТИВНОСТИ

Центральное место при обсуждении в мировой литературе вопросов проактивности субъекта занимает понятие “агентность”, однако наряду с ним используется множество понятий: саморегуляция, самодетерминация, самоактуализация [32; 43; 45; 49]; резильентность (сопротивления среде) [44]; самоподдержка [19]; проактивный копинг [36]; стремление преодолевать вызовы (challenges), препятствия [20; 40]; внутренний локус контроля [25]; трансформационное лидерство (transformational leadership) [2; 4]; стремление к контролю [9; 12; 14; 17; 18; 22; 31]. Появляются обзорные публикации, где отмечена путаница в трактовках, когда разными понятиями обозначаются сходные вещи и, напротив, одно и то же понятие используется в разных значениях [3; 8; 15; 27; 29; 30; 32; 34; 48]. Необходимость соотнесения результатов исследований очевидна, и работа в этом направлении идет. Примером может служить обзорная статья в журнале *Annual Review of Psychology* [32], посвященная проблеме интеграции теоретических моделей, предлагаемых сегодня в контексте исследований саморегуляции. Понятие саморегуляции (self-regulation) авторы статьи [32] избрали в качестве корневого применительно к широкому кругу явлений, относящихся к проявлениям проактивности человека, описываемых в различных отраслях психологической науки и за ее пределами и по-разному называемых в разных дискурсах: “Саморегуляцию можно рассматривать как зонтичный термин, который включает в себя широкий круг целенаправленных действий, таких как принятие решения о выборе цели, планирование пути ее достижения, воплощение этих планов в жизнь, сопротивление факторам, препятствующим их достижению, и иногда даже отказа от каких-либо целей” [Там же, с. 321]. В такой трактовке в свете сказанного выше об определениях “агентности” в зарубежном дискурсе представляется естественным прямо соотнести понятие саморегуляции с понятием “агентности”. Авторы отмечают лавинообразный рост публикаций по тем или иным аспектам саморегуляции человека в последние десятилетия, а также то, что “все предложенные модели вносят свой вклад в понимание вопроса, однако часто они лишь повторяют уже известное, имеют частный или узкоспециальный характер, так, что остаются недоступными коллегам из смежных областей” [Там же, с. 319] — ситуация, в целом характеризующая зарубежный дискурс проактивности.

Отсутствие единства в используемых определениях и инструментах эмпирического измерения

оценивается как существенное препятствие в конструктивном продвижении исследований. Статья [15] содержит результаты масштабной работы по анализу и систематизации определений “агентности” и применяемых для ее измерения инструментов. Учитывались только научные журнальные статьи, где использовались количественные оценочные шкалы, опубликованные с 2000 по 2020 г. Отбор статей производился на основе автоматического поиска с использованием ключевых слов (1) *агентность* (agency/agentic) в сочетании со словами (2) *шкала/шкалы, измерение, инструментарий* (scale(s), measurement(s), instrument(s), tool(s), ИЛИ assessment). Предметом детального анализа стали 34 работы. В статье [15] приводится таблица, где представлена информация о применяемых для измерения “агентности” методиках. Авторы заключают: “С первого взгляда на перечень использованных инструментов и шкал бросается в глаза отсутствие какого-либо единства в отношении того, как операционализировать и измерять “агентность”. Практически в каждом исследовании использован свой инструментарий” [Там же, с. 6]. Отмечается наличие общих подходов в отношении операционализации и измерительных инструментов только в исследованиях “агентности” женщин. Здесь в основном используются две шкалы: Women’s agency scale (WAS) и WAS61, где учитываются такие показатели, как принятие решений в сфере домашнего хозяйства, свобода передвижения, финансовая автономия, участие в общественной жизни. Представляется, что обозначенный инструментарий в существенной степени отражает сходство особенностей социально-культурных условий жизни женщин в ряде стран, где проводились эти исследования. Из 14 исследований 5 проводились в Египте, 2 — в Индии, по 1 — в Палестине, Мозамбике, Бангладеш, Эфиопии, Хорватии (единственная страна Европы в данном списке) и 1 — в США.

Большинство называемых в статье [15] инструментов также во многом опирается на конкретные, специфические для определенного социокультурного контекста проявления. Об этом говорят уже сами их названия: Опросник расовой сплоченности (Racial Cohesion Questionnaire (RCQ) — применялся на афроамериканцах); Опросник автономии подростков (Adolescent Autonomy Questionnaire (AQQ)); Мера политической социализации (Political socialization measure); Шкала детской надежды Снудера (Snyder’s Children Hope Scale (CHS)) и др. К собственно психологическому содержанию агентности используемые методики обращаются в ограниченном объеме. Фиксируются косвенные

свидетельства деятельностных проявлений в достаточно конкретном социальном контексте.

Столь же разнородны и определения “агентности” в анализируемых в статье источниках [Там же]. В статье представлена таблица с определениями “агентности” (включая ее различные “подвиды” (“агентность” политическая, сексуальная, в образовании и пр.). Авторы отмечают отсутствие консенсуса, при этом указывается, что “агентность” часто определяется как способность контролировать свою жизнь и преследовать собственные цели (см., например: [11; 41]), однако в остальном между трактовками много различий. В разных сочетаниях в определениях встречаются внутренний локус контроля, автономность и независимость, компетентность, чувство контроля над своей жизнью и др. Кроме того, есть случаи, когда в определение “агентности” включаются социальные условия, исторический контекст, который определяет возможность личности проявлять “агентность”: “Агентность — это способность совершать целесообразный выбор, а также внешние факторы или структурные возможности, которые создают среду, где индивиды преследуют свои интересы” [51, цит. по: 15, с. 1139].

Мы провели собственный анализ 28 определенных “агентности”, приведенных в статье [15]. Прежде всего обращает на себя внимание то, что в целом ряде определений, 9 из 28, “агентность” представлена как качество, относимое к самосознанию и самоотношению личности, например: “Агентность — это общая уверенность в своей способности ставить перед собой цели и достигать их” [10; 41, цит. по: 15, с. 1139]; “Агентность можно определить как чувство, что человек контролирует свою жизнь и определяет собственные действия” [13, цит. по: 15, с. 1140]. При этом основная масса определений и дискурс в целом фокусированы на качествах реального взаимодействия субъекта с миром.

В качестве основных свойств, рассматриваемых как проявления и показатели “агентности”, можно выделить следующие:

1. Самодетерминация (самодетерминация; способность определять свое поведение; желание и способность конструировать свою жизнь).
2. Самостоятельность, неконформность (автономность; независимость; неконформность; сопротивление чужим влияниям; способность действовать независимо от других; способность добиваться своих целей даже в противостоянии с социальным окружением).

3. Способность контролировать свою жизнь (контроль над своей жизнью; внутренний локус контроля; контроль над обстоятельствами и условиями своей жизни).

4. Способность самостоятельно делать выбор, принимать решения (способность осуществлять собственный свободный выбор; способность принимать решения; способность выбирать из нескольких альтернатив; способность осуществлять стратегический жизненный выбор).

5. Способность целеполагания, способность ставить себе цели (способность ставить себе цели; способность намечать цели).

6. Настойчивость, способность добиваться намеченного (способность добиваться поставленных целей; способность действовать в соответствии со своими целями; способность преследовать свои цели; способность действовать целесообразно; проявление настойчивости в сложных ситуациях).

7. Способность эффективно действовать, осуществлять воздействие на окружение (компетентность; способность добиваться целей; способность действовать для достижения своих целей; способность проявлять инициативу; принятие ответственности за свои действия; способность оказывать влияние на людей и изменять ход событий).

Свойство 1, самодетерминация, как нам представляется, уже имеет в психологии свое устоявшееся содержание, близкое к содержанию понятия “агентность”, однако не тождественное последнему. Новый становящийся дискурс “агентности” отнюдь не фокусируется на свойстве самодетерминации. Из 28 рассмотренных определений это свойство появляется лишь в трех определениях, в длинном ряду прочих свойств, например: “Агентность — это способность контролировать свою жизнь, связанная с такими понятиями, как автономность, неконформность, внутренний локус контроля, способность сопротивляться внушению... самодетерминация и компетентность” [11, цит. по: 15, с. 1139].

По нашему мнению, свойство 2, неконформность, также прежде всего в силу своего уже устоявшегося статуса в психологии следует рассматривать как черту, часто, но не всегда сопровождающую проявления “агентности”, однако не тождественную последней.

Известно, что в психологической науке развитие понятийного аппарата идет вместе с развитием теорий. За каждым из широко употребляемых и укорененных в психологии понятий самодетерминации и конформности стоит собственный дискурс, включающий как теоретические построения, так

и эмпирические исследования, методы оценки и измерения. Современный становящийся дискурс проактивности не сливается ни с одним из этих двух, частично пересекаясь. Есть смысл говорить о том, что свойства, определяемые как самодетерминация и неконформность, часто выступают в едином комплексе с “агентностью”. Однако, по сути, эти свойства различаются, и связь их может быть следствием конкретно-исторических условий, в которых проактивность проявляется. Следуя этой логике, целесообразно, пытаясь дать определение “агентности” (которое сейчас фактически уже стало центром дискурса проактивности человека в зарубежной психологии), вынести здесь за скобки то, что стоит за понятиями самодетерминации и неконформности. То, что остается, — активность взаимодействия со средой, способность инициировать изменения в себе и в своем окружении — становится в центр анализа.

Свойства 3–7 в их совокупности, на наш взгляд, составляют ядро дискурса, собственно, об “агентности”. Это комплекс свойств, в существенной степени связанных с волевыми качествами личности, проявляемых на последовательных этапах деятельности. В том или ином сочетании они представлены во всех цитируемых в [15] определениях. Типичные варианты сочетаний: а) способность делать выбор и намечать цели; б) способность ставить себе цели и настойчиво добиваться их реализации; в) способность активно действовать и добиваться намеченного.

Представляется возможным и целесообразным разделить в русле “агентности” способность активно и целенаправленно воздействовать на самого себя, способность самоизменения (3–5) — и способность воздействовать на среду, изменяя ее (6 и 7).

Среди “волевых” составляющих “агентности” особо отметим такое качество, как способность контролировать свою жизнь и деятельность. Ему уделяется особое внимание в исследованиях проактивности.

ИССЛЕДОВАНИЯ ВОЛИ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОАКТИВНОСТИ

Как показал проведенный анализ, одно из ключевых направлений научного поиска в поле проблемы психических механизмов человеческой проактивности связано с исследованиями воли. Воле посвящен целый ряд публикаций последних лет, в том числе обзорных [8; 16; 24; 26; 28; 33; 34]. Воля, которую в середине XX в.

назвали “Золушкой психологии”, за последние десятилетия переместилась в актуальную повестку психологических исследований. В обзорной статье воля определена как “способность инициировать активные действия, прежде всего целенаправленные” [28, с. 9], что позволяет непосредственно поставить это определение воли в ряд определений “агентности”, представленных в рассмотренной выше обзорной статье [15]. Различие в том, что там, где употребляется понятие “агентность”, — речь преимущественно идет о целостных поведенческих проявлениях, причем привязанных к конкретным социокультурным контекстам [Там же]. Исследования же, обращенные к проблеме воли, сфокусированы на собственно психологических механизмах, которые (предположительно) могут проявляться в различных контекстах. В качестве основных характеристик воли человека названы: свойство запускать активные действия (генерировать активность), субъективная и осознаваемая представленность волевых явлений и телеологический характер волевых актов (направленность на цель) [28].

В дискурсе исследований воли широко представлено обращение к нейропсихологии [21; 28; 42], что отражает надежду “предложить новую, основанную на нейропсихологических реалиях, практически применимую, концепцию воли” [28, с. 9]. Волевые процессы исследователи связывают как с мозговыми структурами, так и с личностными конструктами [34; 43; 50], например в русле теории самодетерминации [43] и в русле современной теории личностного взаимодействия (Personality Systems Interaction Theory), в фокусе которой — личностное опосредование познавательных процессов и поведения [34]. Оптимистическая перспектива, с которой здесь связаны надежды исследователей, — разработка модели “интегративного Я” (integrative self), реализуемой на уровне нейронных сетей [42].

Анализ литературы показывает, что дискурс исследований воли за рубежом в существенной степени сливается с дискурсом исследований “агентности” в части собственно психологического содержания изучаемых явлений. Использование термина “агентность” по большей части связано с фокусом на конкретных социокультурных атрибутах поведенческих проявлений, а обращение к воле имеет место в работах, ставящих целью изучение фундаментальных механизмов работы психики.

Интересно, что и в исследованиях “агентности”, и в исследованиях воли доминирует фокус на сознательном контроле поведения и деятельности, связанной с теми или иными структурными

условиями, культурными ожиданиями или институциональными предписаниями (например, в области профессиональной деятельности). При этом инициация действия, хотя и называется в числе значимых аспектов проактивного действия, остается вне основного фокуса исследований. Именно сознательный контроль, оттормаживание порывов, связываемых в популярной “теории двух систем” [35] с эмоциями, в первую очередь отождествляются как с проявлениями “агентности”, так и с произвольностью действия. Модели двойственных систем (Dual Systems Models) — едва ли не самые популярные сегодня в исследованиях произвольного поведения. При наличии здесь определенного разнообразия моделей все они строятся на общем предположении, что в основе поведения лежит взаимодействие двух систем: Системы 1 и Системы 2. Система 1 (импульсивная система, система автоматического ответа, “горячая” система, быстрая система...) определяет немедленный ответ на стимуляцию, особенно на эмоционально насыщенные стимулы. Эта система склонна предпочитать близкие цели отдаленным по времени, генерирует привычные и ригидные поведенческие ответы. Импульсивная система определяется деятельностью подкорки. Система 2 (система контроля, “холодная” система, планирующая система, система отставленного реагирования...) — медленная, здесь последовательно рассматриваются варианты поведения в ответ на воздействие среды, определяются цели, избирается тактика и стратегия их достижения на основе деятельности рассудка.

Таким образом, проблема произвольности — а проактивность в первую очередь трактуется в зарубежном дискурсе именно как произвольность, осознанность — сводится к вопросу о воле, причем в “суженном” ее варианте, традиционно обозначаемом как “сила воли”, причем “тормозящая” функция воли доминирует в логике анализа над “активирующей”. Выбор целей предстает как функция когнитивных процессов, которые рассматриваются в духе “компьютерной метафоры” или решения задачи “оптимизации”. Таким образом, иницирующая и трансформирующая функции “агентности” по отношению к самому субъекту и контексту его существования не стали здесь фокусом анализа. В обзорной статье, непосредственно посвященной проблеме свободы воли — “Свобода воли в научной психологии” [7], известный американский психолог Рой Баумейстер пишет: “Осознанные, контролируемые процессы саморегуляции представляются важной составляющей того, что люди понимают под свободой воли” [Там же, с. 18] — не силу, иницирующую движение, но, скорее, систему тормозов: “Свободу воли надо понимать не как стартер

или мотор, рождающий движение, скорее, это пассажир, который иногда хватается за руль, или даже просто навигатор, указывающий курс” [Там же, с. 14].

Однако на этом фоне имеются и примеры внимания к иной, “иницирующей”, стороне проактивности. Так, исследователи вводят новое разделение волевых процессов по их роли в регуляции поведения: “воля как усилие” (effortful willpower) и “спонтанное проявление воли” (effortless willpower) [42]. В обзорной статье по нейропсихологии воли также читаем: “...человеку присуща некоторая способность инициировать собственную активность, так что, возможно, психологические концепции, отрицающие у человека подобную способность и рассматривающие его действия лишь как реакции на внешнюю среду, были ошибочными и незрелыми” [28, с. 25]. Это представляется нам важным свидетельством наступающего в мейнстриме понимания ограниченности и недостаточности доминировавшей во второй половине XX в. теоретической модели человека, в рамках которой его когнитивные процессы уподоблены обработке информации в компьютере, лишенном собственной потребности активного взаимодействия со средой, присущей лишь живым системам.

В свете вопроса о “движущей” воле заслуживают внимания не только современные, но и отчасти забытые разработки психологии. В теории личности Лазурского, которая, как исторически сложилось, на протяжении более полувека была “вынесена за скобки” развития нашей науки, в полной мере реализован тот контекстуальный подход к личности, который представляется зоной ближайшего развития нашей науки сегодня и определяется в русле понимания человека и мира в их единстве при признании онтологической “непроизводности” личности (с ее “действием”) по отношению к окружающему миру. Основной принцип, по которому разделяет типы личности Лазурский, — сила, энергия, проявляемая личностью при взаимодействии со средой. Центральным для понимания сути проактивности личности представляется то, что жизнедеятельность личности протекает не в координатах своего внутреннего мира, не в пространстве нервных сетей, а в целостной динамической системе человек-и-мир. Здесь нужно помещать начало координат, адекватных задаче отражения сущего в контексте его бытия: субъекта своей жизни, создателя своего жизненного мира. С предельной ясностью это выразил Эвальд Ильенков: “...если ваша цель — изучение личности, то вы на мозг должны смотреть как на один из органов, с помощью которых

реализуется личность, представляющая собою куда более сложное образование, чем мозг и даже чем вся совокупность органов, образующих живое тело индивида... она существовала и существует в пространстве вполне реальном — в том самом пространстве, где размещаются горы и реки, каменные топоры и синхрофазотроны, хижины и небоскребы, железные дороги и телефонные линии связи...” [1, с. 326].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ состояния проблемы проактивности человека в современном международном дискурсе показал высокую актуальность темы как в области теории, так и в сфере прикладных исследований. Главным фактором, обусловившим внимание психологов, стали изменения объективных реалий человеческой жизни в последние годы. Международный дискурс по рассматриваемой проблематике находится в стадии становления, отличается не только разнообразием подходов, но и противоречиями в составе и трактовке употребляемых понятий, а также методов измерения проактивности. Используются такие понятия, как внутренний локус контроля, проактивное совладание с проблемами, потенциал личности, предпринимательский тип личности, самодетерминация, саморегуляция и целый ряд других. Центральное место в формирующемся дискурсе все более явно занимает понятие “агентность” (agency). Отсутствие консенсуса по базовым понятиям и методам измерения представляется существенным препятствием для конструктивного продвижения научных исследований, что остро востребовано практикой. Перспективным и относительно новым направлением исследований проактивности человека является сфера волевой регуляции поведения. Если там, где употребляется понятие “агентность”, преимущественно речь идет о целостных поведенческих проявлениях, привязанных к конкретным социокультурным контекстам, то исследования, обращенные к проблеме воли, сфокусированы на собственно психологических механизмах, однако, по сути, обращены к той же феноменологии поведения и деятельности. Наметившееся движение к слиянию дискуссий по вопросам “воли” с дискурсом об “агентности” представляется конструктивным направлением развития исследований проактивности человека. Исследования воли в существенной степени опираются на нейропсихологию. С одной стороны, эта опора дает колоссальные преимущества, с другой — указанный вектор разработок может иметь ограничения, связанные с принципиальной

недооценкой области реальной “внешней” деятельности человека в целом и чрезмерным фокусом на “внутриголовных” процессах (при всей очевидной важности последних). Центральным для понимания природы проактивности личности представляется то, что жизнедеятельность личности протекает не в координатах своего “внутреннего мира”, не в пространстве нервных сетей, а в целостной динамической системе человек-и-мир.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ильенков Э. Что же такое личность? // С чего начинается личность. М.: Наука, 1984.
2. Afsar B., Umrani W.A. Transformational Leadership and Innovative Work Behavior: The Role of Motivation to Learn, Task Complexity and Innovation Climate // European Journal of Innovation Management. 2019. V. 23. № 3. P. 402–428.
3. Bandura A. Social cognitive theory: An Agentic Perspective // Annu. Rev. Psychol. 2001. V. 52. P. 1–26.
4. Badura K., Grijalva E., Galvin B., Owens B., Joseph D. Motivation to lead: A meta-analysis and distal-proximal model of motivation and leadership // Journ. of Applied Psychology. 2020. V. 105. № 4. P. 331–354.
5. Barandiaran X.E., Paolo E., Di Rohde M. Defining agency: individuality, normativity, asymmetry, and spatio-temporality in action // Adapt. Behav. 2009. V. 17. № 5. P. 367–386.
6. Bartell T., Cho C., Drake C., Petchauer E., Richmond G. Teacher Agency and Resilience in the Age of Neoliberalism // Journ. of Teacher Education. 2019. V. 70. № 4. P. 302–305.
7. Baumeister R.F. Free Will in Scientific Psychology // Perspectives on Psychological Science. 2008. V. 3. № 1. P. 14–19.
8. Baumeister R.F., Tice D.M., Vohs K.D. The strength model of self-regulation: conclusions from the second decade of willpower research // Perspect. Psychol. Sci. 2018. V. 13. № 2. P. 141–45.
9. Beck B., Di Costa S., Haggard P. Having control over the external world increases the implicit sense of agency // Cognition. 2017. V. 162. P. 54–60.
10. Berhane Y., Worku A., Tewahido D., Fasil N., Gulema H., Tadesse A.W., Abdelmenan S. Adolescent girls' agency significantly correlates with favorable social norms in ethiopia — implications for improving sexual and reproductive health of young adolescents // Journal of Adolescent Health. 2019. V. 64. № 4. P. 52–59.
11. Beyers W., Goossens L., Vansant I., Moors E. A structural model of autonomy in middle and late adolescence: Connectedness, separation, detachment, and agency // Journal of Youth and Adolescence. 2003. V. 32. № 5. P. 351–365.
12. Berkman E.T., Hutcherson C.A., Livingston J.L., Kahn L.E., Inzlicht M. Self-control as value-based choice // Curr. Dir. Psychol. Sci. 2017. V. 26. № 5. P. 422–428.
13. Bryan C.J., Andreski S.R., McNaughton-Cassill M., Osman A. Agency is associated with decreased emotional distress and suicidal ideation in military personnel // Archives of Suicide Research. 2014. V. 18. № 3. P. 241–250.
14. Carver C.S., Scheier M.F. On the Self-Regulation of Behavior. N.Y.: Cambridge Univ. Press, 1998.
15. Cavazzoni F., Fiorini A., Veronese G. How Do We Assess How Agentic We Are? A Literature Review of Existing Instruments to Evaluate and Measure Individuals' Agency // Soc. Indic. Res. 2022. V. 159. P. 1125–1153.
16. Charles L., Haggard P. Feeling free: External influences on endogenous behaviour // Quartely Journ. of Exp. Ps. 2020. V. 73. № 4. P. 568–577.
17. Cohen J.D. Cognitive control: core constructs and current considerations // Wiley Handbook of Cognitive Control. Ed. T. Egner. Malden, MA: Wiley, 2017. P. 3–28.
18. Converse B.A., Juarez L., Hennecke M. Self-control and the reasons behind our goals // Journ. Personal. Soc. Psychol. 2019. V. 116. № 5.
19. Cooper C.L., Lu L. Excessive availability for work: Good or bad? Charting underlying motivations and searching for game-changers // Human Resource Management Review. 2019. V. 29. № 4. Article 100682. DOI: 10.1016/j.hrmr.2019.01.003
20. Di Costa S., Théro H., Chambon V., Haggard P. Try and try again: post-error boost of an implicit measure of agency // Q. J. Exp. Psychol. 2017. V. 71. P. 1584–1595.
21. Di Domenico S.I., Ryan R.M. The emerging neuroscience of intrinsic motivation: a new frontier in self-determination research // Front. Hum. Neurosci. 2017. V. 11. Article 145. DOI: 10.3389/fnhum.2017.00145
22. Duckworth A.L., Gendler T.S., Gross J.J. Situational strategies for self-control // Perspect. Psychol. Sci. 2016. V. 11. № 1. P. 35–55.
23. Emirbayer M., Mische A. What is agency? // American Journal of Sociology. 1998. V. 103. № 4. P. 962–1023.
24. Frith C.D., Haggard P. Volition and the brain: revisiting a classic experimental study // Trends Neurosci. 2018. V. 41. P. 405–407.
25. Galvin B.M. Changing the focus of locus (of control): A targeted review of the locus of control literature and agenda for future research // Journ. of Organizational Behavior. 2018. V. 39. № 7. P. 820–833.
26. Gillebaart M., de Ridder D.T.D. Effortless self-control: a novel perspective on response conflict strategies in trait self-control // Soc. Personal. Psychol. Compass. 2015. V. 9. № 2. P. 88–99.

27. *Guinote A.* How Power Affects People: Activating, Wanting, and Goal Seeking // *Annu. Rev. Psychol.* 2017. V. 68. P. 353–381.
28. *Haggard P.* The Neurocognitive Bases of Human Volition // *Annu. Rev. Psychol.* 2019. V. 70. P. 9–28.
29. *Heckhausen J.* Integrating and instigating research on person and situation, motivation and volition, and their development // *Motivation Science.* 2020. V. 6. № 3. P. 185–188.
30. *Heckhausen J., Wrosch C., Richard Schulz R.* Agency and Motivation in Adulthood and Old Age // *Annu. Rev. Psychol.* 2019. V. 70. P. 191–217.
31. *Hofmann W., Friese M., Strack F.* Impulse and self-control from a dual-systems perspective // *Perspect. Psychol. Sci.* 2009. V. 4. № 2. P. 162–76.
32. *Inzlicht M., Werner K.M., Briskin J.L., Roberts B.W.* Integrating Models of Self-Regulation // *Annu. Rev. Psychol.* 2021. V. 72. P. 319–45.
33. *Kehr H.M.* Motivation and volition at work // *Motivation Science* 2020. V. 6. № 3. P. 201–202.
34. *Koole S.L., Schlinkert C., Maldei T., Baumann N.* Becoming who you are: an integrative review of self-determination theory and personality systems interactions theory // *Journ. Pers.* 2019. V. 87. P. 15–36.
35. *Kruglanski A.W., Shah J.Y., Fishbach A., Friedman R., Chun W.Y., Sleeth-Keppler D.* A theory of goal systems // *Adv. Exp. Soc. Psychol.* 2002. V. 34. P. 331–378.
36. *Kwon K., Kim T.* An integrative literature review of employee engagement and innovative behavior: Revisiting the JD-R model // *Human Resource Management Review.* 2020. V. 30. № 2. Article 100704.
37. *Meyer J.W.* World society, institutional theories, and the actor // *Annual Review of Sociology.* 2010. V. 36. P. 1–20.
38. *Mironenko I.A., Sorokin P.S.* Concerning Paradigmatic Status of Psychological Science: For a Flexible and Flowing Psychology in the Face of Practical and Theoretical Challenges // *Integrative Psychological and Behavioral Science.* 2020. V. 54. P. 604–612.
39. *Mironenko I.A., Sorokin P.S.* Activity Theory for the De-Structuralized Modernity // *Integrative Psychological and Behavioral Science.* 2020. DOI: 10.1007/s12124-020-09587-4
40. *Murnieks C., Klotz A., Shepherd D.* Entrepreneurial Motivation: A Review of the Literature and Agenda for Future Research // *Journal of Organizational Behavior.* 2019. V. 41. № 2. DOI: 10.1002/job.2374
41. *Poteat V.P., Calzo J.P., Yoshikawa H.* Gay-Straight Alliance involvement and youths' participation in civic engagement, advocacy, and awareness-raising // *Journal of Applied Developmental Psychology.* 2018. V. 56. P. 13–20.
42. *Quirin M., Jais M., Di Domenico S.I., Kuhl J., Ryan R.M.* Effortless Willpower? The Integrative Self and Self-Determined Goal Pursuit. // *Front. Psychol.* 2021. V. 12. Article 653458. DOI: 10.3389/fpsyg.2021.653458
43. *Ryan R.M., Deci E.L.* *Self-Determination Theory: Basic Psychological Needs in Motivation, Development, and Wellness.* N.Y., NY: Guilford Press, 2018.
44. *Rydzik A., Anitha S.* Conceptualising the agency of migrant women workers: Resilience, reworking and resistance // *Work, Employment and Society.* 2019. V. 34. № 5. P. 883–899.
45. *Smith K., Ulvik M.* Leaving teaching: lack of resilience or sign of agency? // *Teachers and Teaching.* 2017. V. 23. № 8. P. 928–945.
46. *Sorokin P.S.* The Promise of John W. Meyer's World Society Theory: "Otherhood" through the Prism of Pitirim A. Sorokin's Integralism // *The American Sociologist.* 2020. V. 51. № 4. P. 506–525.
47. *Sorokin P., Froumin I.* "Utility" of education and the role of transformative agency: Policy challenges and agendas // *Policy Futures in Education.* 2021. DOI: 10.1177/14782103211032080
48. *Steven D., Brown S.D., Lent R.W.* Vocational Psychology: Agency, Equity, and Well-Being // *Annu. Rev. Psychol.* 2016. V. 67. P. 541–565.
49. *Sutterlüty F., Tisdall E.K.M.* Agency, autonomy and self-determination: Questioning key concepts of childhood studies // *Global Studies of Childhood.* 2019. V. 9. № 3. P. 183–187.
50. *Whiteside S.P., Lynam D.R.* The five factor model and impulsivity: using a structural model of personality to understand impulsivity // *Personal. Individ. Differ.* 2001. V. 30. № 4. P. 669–689.
51. *Zimmerman M.A., Eisman A.B., Reischl T.M., Morrel-Samuels S., Stoddard S., Miller A.L. et al.* Youth empowerment solutions: Evaluation of an after-school program to engage middle school students in community change // *Health Education & Behavior.* 2018. V. 45. № 1. P. 20–31.

THE PROBLEM OF HUMAN AGENCY IN CONTEMPORARY INTERNATIONAL SCIENCE²

I. A. Mironenko^{1,*}, P. S. Sorokin^{2,**}

¹*Saint Petersburg State University;*

199034, Saint Petersburg, Universitetskaya emb., 7–9, Russia.

²*Institute of Education of the National Research University Higher School of Economics;*
101000, Moscow, Potapovsky lane, 16, bldn. 10, Russia.

**Doctor of Psychology, Professor of the Faculty of Psychology.*

E-mail: mironenko.irina1@gmail.com

***PhD in Sociology, Senior Research Fellow.*

E-mail: psorokin@hse.ru

Received 19.08.2021

Abstract. Analysis of the current state of the problem of human agency (proactivity) in the international discourse reveals its high relevance and acuity. The issue is widely discussed both in the field of theory and in applied research, f.ex., on education and management. The problem of agency has become so important due to the radical changes in human life in the recent years. In the international discourse we observe not only a great variety of approaches, but also the lack of consensus on the conceptual apparatus and methods used to measure proactivity. Such concepts are used as: internal locus of control, proactive coping with problems, personality potential, entrepreneurial personality type, self-determination, self-regulation, and a number of others. The central place in this emerging discourse is occupied by the concept of “agency”. A promising area of research on human proactivity deals with the sphere of volition. When the concept of “agency” is used, they are mainly discussing holistic behavioral manifestations related to specific socio-cultural contexts, while studies addressing the problem of volition (will) focus on psychological mechanisms. However, in fact, both discourses address similar phenomenological concerns. The movement towards integration between the discourse of volition with the discourse of agency seems to be a prospective direction in the development of studies on human proactivity. Studies of volition draws heavily on neuropsychology. On the one hand, this provides colossal advantages, on the other hand, it may have limitations associated with a fundamental underestimation of the real “external” activity of a person as a whole, and an excessive focus on “intra-brain” processes (with all the obvious importance the latter). The central point for understanding the nature of a person’s proactivity is that personality life is happening not in the coordinates of the “inner world”, not in the space of nerve networks, but in an integral dynamic system including a human being at the world around.

Keywords: proactivity, agency, self-actualization, self-regulation, locus of control, volition, free will, deconstructing.

REFERENCES

1. *Il'nikov J.* Chto zhe takoe lichnost'? S chego nachinaetsja lichnost'. Moscow: Nauka, 1984. (In Russian)
2. *Afsar B., Umrani W.A.* Transformational Leadership and Innovative Work Behavior: The Role of Motivation to Learn, Task Complexity and Innovation Climate. *European Journal of Innovation Management.* 2019. V. 23. № 3. P. 402–428.
3. *Bandura A.* Social cognitive theory: An Agentic Perspective. *Annu. Rev. Psychol.* 2001. V. 52. P. 1–26.
4. *Badura K., Grijalva E., Galvin B., Owens B., Joseph D.* Motivation to lead: A meta-analysis and distal-proximal model of motivation and leadership. *Journ. of Applied Psychology.* 2020. V. 105. № 4. P. 331–354.
5. *Barandiaran X.E., Paolo E., Di Rohde M.* Defining agency: individuality, normativity, asymmetry, and spatio-temporality in action. *Adapt. Behav.* 2009. V. 17. № 5. P. 367–386.
6. *Bartell T., Cho C., Drake C., Petchauer E., Richmond G.* Teacher Agency and Resilience in the Age of Neoliberalism. *Journ. of Teacher Education.* 2019. V. 70. № 4. P. 302–305.
7. *Baumeister R.F.* Free Will in Scientific Psychology. *Perspectives on Psychological Science.* 2008. V. 3. № 1. P. 14–19.
8. *Baumeister R.F., Tice D.M., Vohs K.D.* The strength model of self-regulation: conclusions from the second decade of willpower research. *Perspect. Psychol. Sci.* 2018. V. 13. № 2. P. 141–45.

² The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project No. 20-113-50076.

9. *Beck B., Di Costa S., Haggard P.* Having control over the external world increases the implicit sense of agency. *Cognition*. 2017. V. 162. P. 54–60.
10. *Berhane Y., Worku A., Tewahido D., Fasil N., Gulema H., Tadesse A.W., Abdelmenan S.* Adolescent girls' agency significantly correlates with favorable social norms in ethiopia — implications for improving sexual and reproductive health of young adolescents. *Journal of Adolescent Health*. 2019. V. 64. № 4. P. 52–59.
11. *Beyers W., Goossens L., Vansant I., Moors E.* A structural model of autonomy in middle and late adolescence: Connectedness, separation, detachment, and agency. *Journal of Youth and Adolescence*. 2003. V. 32. № 5. P. 351–365.
12. *Berkman E.T., Hutcherson C.A., Livingston J.L., Kahn L.E., Inzlicht M.* Self-control as value-based choice. *Curr. Dir. Psychol. Sci.* 2017. V. 26. № 5. P. 422–428.
13. *Bryan C.J., Andreski S.R., McNaughton-Cassill M., Osman A.* Agency is associated with decreased emotional distress and suicidal ideation in military personnel. *Archives of Suicide Research*. 2014. V. 18. № 3. P. 241–250.
14. *Carver C.S., Scheier M.F.* On the Self-Regulation of Behavior. New York: Cambridge Univ. Press, 1998.
15. *Cavazzoni F., Fiorini A., Veronese G.* How Do We Assess How Agentic We Are? A Literature Review of Existing Instruments to Evaluate and Measure Individuals' Agency. *Soc. Indic. Res.* 2022. V. 159. P. 1125–1153.
16. *Charles L., Haggard P.* Feeling free: External influences on endogenous behaviour. *Quartely Journ. of Exp. Ps.* 2020. V. 73. № 4. P. 568–577.
17. *Cohen J.D.* Cognitive control: core constructs and current considerations. *Wiley Handbook of Cognitive Control*. Ed. T. Egner. Malden, MA: Wiley, 2017. P. 3–28.
18. *Converse B.A., Juarez L., Hennecke M.* Self-control and the reasons behind our goals. *Journ. Personal. Soc. Psychol.* 2019. V. 116. № 5.
19. *Cooper C.L., Lu L.* Excessive availability for work: Good or bad? Charting underlying motivations and searching for game-changers. *Human Resource Management Review*. 2019. V. 29. № 4. Article 100682. DOI: 10.1016/j.hrmr.2019.01.003
20. *Di Costa S., The'ro H., Chambon V., Haggard P.* Try and try again: post-error boost of an implicit measure of agency. *Q. J. Exp. Psychol.* 2017. V. 71. P. 1584–1595.
21. *Di Domenico S.I., Ryan R.M.* The emerging neuroscience of intrinsic motivation: a new frontier in self-determination research. *Front. Hum. Neurosci.* 2017. V. 11. Article 145. DOI: 10.3389/fnhum.2017.00145
22. *Duckworth A.L., Gendler T.S., Gross J.J.* Situational strategies for self-control. *Perspect. Psychol. Sci.* 2016. V. 11. № 1. P. 35–55.
23. *Emirbayer M., Mische A.* What is agency? *American Journal of Sociology*. 1998. V. 103. № 4. P. 962–1023.
24. *Frith C.D., Haggard P.* Volition and the brain: revisiting a classic experimental study. *Trends Neurosci.* 2018. V. 41. P. 405–407.
25. *Galvin B.M.* Changing the focus of locus (of control): A targeted review of the locus of control literature and agenda for future research. *Journ. of Organizational Behavior*. 2018. V. 39. № 7. P. 820–833.
26. *Gillebaart M., de Ridder D.T.D.* Effortless self-control: a novel perspective on response conflict strategies in trait self-control. *Soc. Personal. Psychol. Compass*. 2015. V. 9. № 2. P. 88–99.
27. *Guinote A.* How Power Affects People: Activating, Wanting, and Goal Seeking. *Annu. Rev. Psychol.* 2017. V. 68. P. 353–381.
28. *Haggard P.* The Neurocognitive Bases of Human Volition. *Annu. Rev. Psychol.* 2019. V. 70. P. 9–28.
29. *Heckhausen J.* Integrating and instigating research on person and situation, motivation and volition, and their development. *Motivation Science*. 2020. V. 6. № 3. P. 185–188.
30. *Heckhausen J., Wrosch C., Richard Schulz R.* Agency and Motivation in Adulthood and Old Age. *Annu. Rev. Psychol.* 2019. V. 70. P. 191–217.
31. *Hofmann W., Friese M., Strack F.* Impulse and self-control from a dual-systems perspective. *Perspect. Psychol. Sci.* 2009. V. 4. № 2. P. 162–76.
32. *Inzlicht M., Werner K.M., Briskin J.L., Roberts B.W.* Integrating Models of Self-Regulation. *Annu. Rev. Psychol.* 2021. V. 72. P. 319–45.
33. *Kehr H.M.* Motivation and volition at work. *Motivation Science*. 2020. V. 6. № 3. P. 201–202.
34. *Koole S.L., Schlinkert C., Maldei T., Baumann N.* Becoming who you are: an integrative review of self-determination theory and personality systems interactions theory. *Journ. Pers.* 2019. V. 87. P. 15–36.
35. *Kruglanski A.W., Shah J.Y., Fishbach A., Friedman R., Chun W.Y., Sleeth-Keppler D.* A theory of goal systems. *Adv. Exp. Soc. Psychol.* 2002. V. 34. P. 331–378.
36. *Kwon K., Kim T.* An integrative literature review of employee engagement and innovative behavior: Revisiting the JD-R model. *Human Resource Management Review*. 2020. V. 30. № 2. Article 100704.
37. *Meyer J.W.* World society, institutional theories, and the actor. *Annual Review of Sociology*. 2010. V. 36. P. 1–20.
38. *Mironenko I.A., Sorokin P.S.* Concerning Paradigmatic Status of Psychological Science: For a Flexible and Flowing Psychology in the Face of Practical and Theoretical Challenges. *Integrative Psychological and Behavioral Science*. 2020. V. 54. P. 604–612.
39. *Mironenko I.A., Sorokin P.S.* Activity Theory for the De-Structuralized Modernity. *Integrative Psychological and Behavioral Science*. 2020. DOI: 10.1007/s12124-020-09587-4

40. *Murnieks C., Klotz A., Shepherd D.* Entrepreneurial Motivation: A Review of the Literature and Agenda for Future Research. *Journal of Organizational Behavior*. 2019. V. 41. № 2. DOI: 10.1002/job.2374
41. *Poteat V.P., Calzo J.P., Yoshikawa H.* Gay-Straight Alliance involvement and youths' participation in civic engagement, advocacy, and awareness-raising. *Journal of Applied Developmental Psychology*. 2018. V. 56. P. 13–20.
42. *Quirin M., Jais M., Di Domenico S.I., Kuhl J., Ryan R.M.* Effortless Willpower? The Integrative Self and Self-Determined Goal Pursuit. *Front. Psychol.* 2021. V. 12. Article 653458. doi: 10.3389/fpsyg.2021.653458
43. *Ryan R.M., Deci E.L.* Self-Determination Theory: Basic Psychological Needs in Motivation, Development, and Wellness. New York, NY: Guilford Press, 2018.
44. *Rydzik A., Anitha S.* Conceptualising the agency of migrant women workers: Resilience, reworking and resistance. *Work, Employment and Society*. 2019. V. 34. № 5. P. 883–899.
45. *Smith K., Ulvik M.* Leaving teaching: lack of resilience or sign of agency? *Teachers and Teaching*. 2017. V. 23. № 8. P. 928–945.
46. *Sorokin P.S.* The Promise of John W. Meyer's World Society Theory: "Otherhood" through the Prism of Pitirim A. Sorokin's Integralism. *The American Sociologist*. 2020. V. 51. № 4. P. 506–525.
47. *Sorokin P., Froumin I.* "Utility" of education and the role of transformative agency: Policy challenges and agendas. *Policy Futures in Education*. 2021. DOI: 10.1177/14782103211032080
48. *Steven D., Brown S.D., Lent R.W.* Vocational Psychology: Agency, Equity, and Well-Being. *Annu. Rev. Psychol.* 2016. V. 67. P. 541–565.
49. *Sutterlüty F., Tisdall E.K.M.* Agency, autonomy and self-determination: Questioning key concepts of childhood studies. *Global Studies of Childhood*. 2019. V. 9. № 3. P. 183–187.
50. *Whiteside S.P., Lynam D.R.* The five factor model and impulsivity: using a structural model of personality to understand impulsivity. *Personal. Individ. Differ.* 2001. V. 30. № 4. P. 669–689.
51. *Zimmerman M.A., Eisman A.B., Reischl T.M., Morrel-Samuels S., Stoddard S., Miller A.L. et al.* Youth empowerment solutions: Evaluation of an after-school program to engage middle school students in community change. *Health Education & Behavior*. 2018. V. 45. № 1. P. 20–31.

УДК 159.9.001.5; 159.9.001.57; 159.9.001.5:51-7

КАУЗАТИВНО-ЭМОТИВНЫЙ АНАЛИЗ. ЧАСТЬ II. ИССЛЕДОВАНИЕ РЕАКЦИЙ ЗРИТЕЛЕЙ YOUTUBE-КАНАЛОВ НА ПРОПАГАНДУ¹

© 2022 г. О. Г. Григорьев*, Ю. М. Кузнецова**, Е. Н. Никитина***,
М. А. Станкевич****, Н. В. Чудова*****

ФИЦ «Информатика и управление» РАН;
119333, Москва, ул. Вавилова, д. 44, корп. 2, Россия.

* Доктор технических наук, руководитель отделения «Искусственный интеллект и принятие решений».

** Кандидат психологических наук, старший научный сотрудник отдела интеллектуальных динамических систем и когнитивных исследований.

*** Кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела интеллектуального анализа информации.

**** Инженер-исследователь отдела интеллектуального анализа информации.

***** Кандидат психологических наук, старший научный сотрудник отдела интеллектуальных динамических систем и когнитивных исследований.

E-mail: nchudova@gmail.com

Поступила 19.10.2021

Аннотация. Во второй части статьи, посвященной изучению эмоциональности политического дискурса и каузальной атрибуции эмоциональных состояний, представлены результаты сравнения реакций, демонстрируемых зрителями политических и неполитических русскоязычных YouTube-каналов и отдельно — аудиториями влиятельных блогеров (инфлюенсеров) консервативных и либеральных взглядов. Проведен анализ каузального аспекта эмоционального состояния, упоминаемого комментаторами каналов политической направленности. Сделаны выводы о перспективах использования предлагаемых методов для работ в области психологии коллективных эмоций.

Ключевые слова: политический дискурс, эмоции, автоматический анализ текста, текстовые маркеры эмоциональности, каузативно-эмотивный анализ.

DOI: 10.31857/S020595920021484-8

В настоящий момент на стыке психологии коллективных эмоций, лингвистики эмотивов и искусственного интеллекта, отраслью которого является интеллектуальный анализ текстов, могут проводиться исследования, поставляющие количественные данные для психологии эмоций больших групп. В частности, могут быть исследованы массовые представления об эмоциях, переживаемых значимыми для общества фигурами или целыми группами, а также проанализированы представления о причинах этих переживаний («Байден напуган действиями талибов», «Народ возмущен повышением пенсионного возраста», «Молодые теперь не умеют радоваться простым вещам» и т.п.).

В первой части статьи был описан инструмент автоматического анализа текста, созданный для изучения коллективных эмоций. В задачу исследования, представленного в данной работе, входил анализ эмоциональности политического дискурса и каузального аспекта эмоционального состояния, упоминаемого комментаторами видеороликов политической направленности.

Гипотезы исследования:

1. Пропагандистские ролики вызывают более интенсивную эмоциональную реакцию, чем ролики учебной и бытовой направленности.

2. Обсуждение своих и чужих эмоций и их причин идет более активно в сетевых дискуссиях, разгорающихся под влиянием политической пропаганды.

Обе гипотезы предполагалось проверить на больших данных сетевых дискуссий.

¹ Работа выполнена при частичной финансовой поддержке РФФИ (проект № 21-011-31638).

МЕТОДИКА

Использовались разработанные коллективом ФИЦ ИУ РАН средства и технологии интеллектуального анализа текстов. Объектом исследования выступила эмоциональная реакция на пропаганду, представленную в авторских YouTube-каналах государственных и оппозиционно-либерально настроенных журналистов и политиков. В исследовании применялся разработанный нами метод каузативно-эмотивного анализа, который может выступать средством изучения общественного мнения: люди, обсуждая пропагандистские ролики, сами пишут о том, что вызывает у них (или других) гнев, печаль, радость и другие переживания.

Исследованные корпуса текстов. Для формирования экспериментального корпуса текстов комментариев к Youtube-каналам инфлюенсеров (влиятельных блогеров, от англ. influence — влияние) использовался официальный сервис YouTube Data API, который позволяет получить доступ к различным материалам Youtube при помощи GET-запросов. Получена следующая информация о комментариях: текст, пользовательское имя автора, дата и время публикации, количество “лайков”, идентификатор комментария первого уровня (для комментариев второго уровня). Загруженные при помощи Youtube Data API комментарии пользователей были подвергнуты лингвистическому анализу, на основе которого вычислены психолингвистические, морфологические, словарные, синтаксические и семантические характеристики данных текстов. Текстовые характеристики рассчитаны для экспериментального корпуса (комментарии к видео общественно-политических инфлюенсеров) и контрольного корпуса (комментарии к видео

Количественное описание корпусов текстов

неполитических инфлюенсеров), что позволило выполнить статистическое сравнение двух выборок, а также провести проверку статистических гипотез о различии данных текстовых характеристик между корпусами.

Были выкачаны комментарии за период с 30 апреля 2020 по 30 апреля 2021 г. к роликам следующих каналов:

— политические государственной направленности — Куликов, Соловьев, Киселев, Примаков, Багдасаров, Сатановский;

— политические оппозиционно-либеральной направленности — Соболь, Навальный, Яшин, Волков, Явлинский, Дудь;

— неполитические (фоновые) — Кулинарная стихия Ларисы Рубальской, KoLena, Шеф-повар Василий Емельяненко, Секреты Кулинарии, MARFFA, Хобби Тракториста, Будни Тракториста, Домашняя Кулинария, Gotovim s Asmoу, КУЛИНАРИЯ Любовь Ким, Лум Планет, Центр Архэ, Итальянцы by Kuzno Productions, Anna Chi, Кулинарим с Таней, Денис Косяков.

Собраны комментарии к 4807 видео, в общей сложности 6 млн 288 тыс. 558 комментариев; численная характеристика исследованных корпусов представлена в таблице

Обработка данных. Для проведения каузативно-эмотивного анализа корпус был обработан при помощи морфологического анализатора MyStem (<https://yandex.ru/dev/mystem/>) для выделения из слов лемм, с которым знаком анализатор (СПС-эмотивов), чтобы сопоставить их с лемматизированным текстами комментариев YouTube, которые также обрабатывались через MyStem. При этом

	Политические корпуса			Неполитический корпус
	Государственный	Оппозиционно-либеральный	Вместе	
Количество видео	2357	272	2629	2178
Общее число сообщений (comments+replies)*	1 264 605	3 795 771	5 060 376	1 228 182
Медиана числа сообщений на видео	150	1.243	187	165
Комментарии первого уровня (comments)	613 696	2 659 772	3 273 468	909 024
Ответы к комментариям первого уровня (replies)	650 909	1 135 999	1 786 908	319 158
Медиана, % комментариев от всех сообщений	57	69	59	84
Медиана, % ответов от всех сообщений	43	31	41	16
Медиана количества комментариев на один ответ	1.31	2.28	1.42	4.8
Число словоупотреблений	12 741 080	35 271 888	48 012 968	11 740 306
Медиана числа словоупотреблений на одно сообщение	11.3	11.2	11.3	9.4

Примечание. Формат YouTube предоставляет пользователям возможность оставлять сообщения двух типов: комментарии первого уровня, которые оставляют непосредственно к видео (comments), и ответы (replies), которые оставляются к комментариям первого уровня.

некоторые из форм исходной таблицы приводились к одной лемме, так как лемма в анализаторе у них одна, например для случаев совершенных и несовершенных глаголов. Некоторые формы были удалены из конечного списка, так как могут вносить дисбаланс при подсчете встречаемости. Например, лемма для слова “все” из подгруппы “состояние_покой” определяется MyStem как слово “все” (“e” вместо “ë”), которое является часто употребляемым в русском языке и искажает общую картину при подсчете.

После подсчета встречаемости слов из словарей эмоций было выполнено сравнение выборок; была рассмотрена возможность использовать параметрический *t*-тест Стьюдента, но для большинства признаков сравниваемые выборки не проходили проверки на критерий нормальности распределения данных. Поэтому был выбран непараметрический критерий Манна–Уитни с порогом отброса нулевой гипотезы $\alpha = 0.05$. Так как в представленных группах есть значительная разница в характере комментируемости видео, перед проведением статистических тестов данные были нормализованы относительно количества комментариев в каждом видео.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Эмоциональность политического дискурса. Между корпусом политических обсуждений и фоновым корпусом обнаружены значимые различия² по следующим показателям: словарь аффектогенной лексики, словарь мотивации и напряжения, словарь “рациональность положительная”, число отрицательных частиц (в фоновом корпусе их больше).

Между корпусом обсуждений роликов с государственнической пропагандой и фоновым корпусом обнаружены значимые различия по следующим показателям: словарь аффектогенной лексики, словарь мотивации и напряжения.

Между корпусом обсуждений роликов с оппозиционно-либеральной пропагандой и фоновым корпусом обнаружены значимые различия по следующим показателям: коэффициент Трейгера (отношение числа глаголов к числу прилагательных), коэффициент опредмеченности (отношение числа глаголов к числу существительных), словарь аффектогенной лексики, словарь мотивации и напряжения, средняя длина слов, число знаков препинания, словарь “социальность положительная”

² Здесь и далее все упоминаемые различия значимы на уровне $p < 0.05$.

(в фоновом корпусе элементы этого словаря встречаются чаще).

Первая гипотеза нашла аргументы в свою пользу: обсуждения пропагандистских роликов идут на более высоком уровне эмоциональности, чем обсуждение роликов неполитического содержания. Отметим, что, несмотря на кажущуюся банальность этого вывода, получение его количественного подтверждения обладает новизной: на материале сплошной выборки более чем 6 млн комментариев, оставленных за год, провести такое исследование можно было только с помощью инструмента автоматического анализа текста.

Получены значимые различия и между корпусами политических обсуждений, хотя различия здесь не в “градусе” накала страстей. В обсуждениях роликов инфлюенсеров с государственническими убеждениями чаще встречаются инвективы, выше коэффициент Трейгера, в них используется больше прилагательных. В обсуждениях роликов политиков с либеральными убеждениями значимо чаще встречается лексика эмоциональности: словарь социальности (*друзья, семья, близкие, банда, подельники* и т.п.), словарь мотивации и напряжения, словарь положительных эмоций. В этих обсуждениях сами комментарии оказываются более длинными (показатель “число предложений”), и в них чаще упоминаются различные действия (выше коэффициент опредмеченности действий).

Таким образом, мы можем констатировать, что пропаганда вызывает бурные дискуссии, но обсуждение роликов, в которых высказываются государственнические взгляды, в большей мере сопровождается оскорблениями и характеристикой упоминаемых объектов, в то время как либеральная пропаганда сопровождается более пристальным вниманием к групповым структурам и социальным связям и сопровождается большим напряжением и эмоциями, в том числе положительными, характеризующими и эйфорическое состояние.

По соотношению количества комментариев к количеству ответов на них (см. таблицу) можно судить о формате дискуссий, которые возникают при обсуждениях различных роликов. В выборке дискуссий, разворачивающихся вокруг неполитических (фоновых) роликов, медиана соотношения комментариев и ответов на них составляет 4.8 (т.е. приблизительно один ответ на каждый пятый комментарий). В выборке дискуссий вокруг политических роликов с государственнической направленностью это соотношение равно 1.31, а в выборке дискуссий вокруг роликов оппозиционеров — 2.32. Таким образом, можно сказать, что в обсуждениях роликов с государственнической пропагандой чаще

возникают споры и перепалки (учитывая повышенное число инвектив в этом корпусе текстов). Однако само желание прокомментировать выше в роликах оппозиционеров: медиана числа сообщений (комментариев и ответов на них) к роликам либеральных политиков и журналистов составляет 1243, в то время как для роликов государственников этот показатель составляет около 150 сообщений на ролик.

Полученные данные позволяют говорить о том, что политический сетевой дискурс отличается повышенной эмоциональностью, активностью и аффектированностью комментаторов при обсуждении роликов инфлюенсеров с оппозиционно-либеральными взглядами и напряженностью дискуссий при обсуждении роликов инфлюенсеров с государственных взглядами.

Частотный анализ эмотивов. По склонности употреблять эмотивы и обсуждать причины атрибутируемых себе и другим эмоций картина складывается иная, чем по эмоциональности обсуждений.

Во-первых, оказалось, что политический дискурс, несмотря на свою эмоциональность, ничем не отличается от неполитического по готовности комментаторов обсуждать эмоции и их причины. Таким образом, если использование аффектогенной лексики и лексики мотивации и напряжения может выступать маркером политических сетевых дискуссий, то словарь эмотивов для этой цели использоваться не может.

Во-вторых, обнаружено, что отсутствие различий по использованию эмотивов между политическим и неполитическим корпусами обеспечивается именно обсуждениями государственнической пропаганды: между корпусом комментариев к роликам инфлюенсеров с государственных взглядами и фоновым корпусом различий нет, но между последним и корпусом комментариев к роликам либеральных политиков и журналистов значимые различия есть. Дискуссии, вызываемые либеральной пропагандой, отличаются пониженным использованием эмотивов, характеризующих базовые эмоции и эмоции состояний возбуждения/успокоения/исполнения. Следовательно, необычно редкое внимание комментаторов к эмоциям и причинам, их породившим, может быть использовано как маркер оппозиционно-либерального дискурса.

В-третьих, обнаружено, что именно частота использования эмотивов хорошо различает обсуждения, стимулированные государственнической пропагандой и пропагандой либеральной: в первых значимо чаще присутствуют эмотивы с семантикой

всех классов переживаний (базовых эмоций, эмоций социальной оценки, состояний возбуждения и успокоения). Помимо этого зафиксировано и значимо более частое именование таких базовых эмоций, как страх, гнев, печаль, удивление, и таких эмоций социальной оценки, как презрение, вина, стыд, гордость, зависть.

Полученные результаты дают интересную лексическую и психологическую картину дискуссий на политические темы. Обсуждение роликов либерального толка идет на высоком уровне эмоционального накала, на что указывают и использование лексики эмоциональности, и некоторые психолингвистические показатели. Однако в этих обсуждениях люди реже прибегают к атрибутированию эмоций и указанию их причин (по сравнению как с дискуссиями вокруг государственнической пропаганды, так и с реакциями на ролики неполитического содержания).

Если обратиться к смыслу использования в тексте эмотивов и особенно каузативных эмотивов, то можно сказать, что отклик на либеральную и государственническую пропаганду различается тем объемом внимания, который отводится эмоциям: своим, собеседников, значимых для общества фигур, социальных групп. В первом случае люди скорее выражают эмоции, чем обсуждают их, во втором больше говорят о своих и чужих переживаниях, обсуждая причины, их вызвавшие.

Итак, наша вторая гипотеза — о большем внимании к эмоциональным переживаниям в политическом дискурсе — не подтвердилась. Более того, оказалось, что эмоции и их причины реже становятся предметом внимания в дискуссиях, стимулированных оппозиционно-либеральной пропагандой.

Каузативно-эмотивный анализ. Остановимся, наконец, на возможностях метода автоматического каузативно-эмотивного анализа. Первое: сравнение разнообразия причин эмоций, которые фигурируют в исследуемых корпусах текстов. На рис. 1 представлены результаты сравнения общего количества лексем в роли каузаторов, выявленных при эмотивах, выражающих базовые эмоции. Чем выше показатель, тем больше уникальных лексем выступает в качестве каузаторов для эмотивов из сравниваемых подкорпусов. Как можно видеть, в обсуждениях политики люди в большей степени оригинальны и самостоятельны, когда говорят о причинах страха, в то время как при обсуждении причин радости они менее изобретательны, чем те, кто обсуждает кулинарные рецепты или ремонт техники.

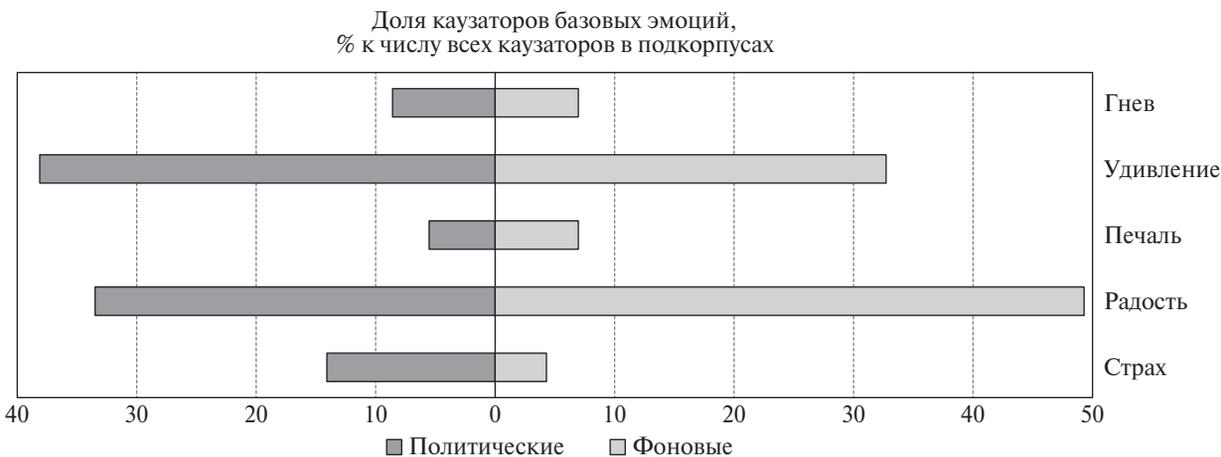

Рис. 1. Количество лексем в роли каузаторов при эмоциях, % к суммарному количеству лексем в роли каузаторов при любых предикатах в сравниваемых подкорпусах

Далее можно искать значимые различия между корпусами текстов по представленности лексем определенной тематики в роли каузаторов эмоций. Как мы уже говорили, определенные тематические группы слов (ТГС) заданы словарными списками в лингвистическом анализаторе (но могут быть и созданы специально под задачи конкретного исследования). Можно также создавать различные рейтинги лексем (без объединения их в ТГС) или вычислять каузативный потенциал наиболее интересных для исследования лексем. Ниже представлены результаты обоих способов анализа данных.

В настоящий момент в нашем анализаторе используется следующий набор ТГС:

1. Аффектогенная лексика (1.1. Инвективы; 1.2. “Мягкие инвективы”; 1.3. Междометия и звукоподражания; 1.4. Жаргонная лексика; 1.5. Обсценная лексика; 1.6. Патетизмы (безысклительная и уменьшительная лексика); 1.7. Прецедентная лексика (прецедентные имена, архаизмы));

2. Эмоции (2.1. Эмоции отрицательные астеничные и негативные телесные состояния; 2.2. Эмоции отрицательные стеничные; 2.3. Эмоции положительные);

3. Когниции (3.1. Когнитивная деятельность и коммуникация; 3.2. Рациональная оценка отрицательная; 3.3. Рациональная оценка положительная);

4. Активность (4.1. Мотивация и напряжение; 4.2. Активность деструктивная);

5. Социальность (5.1. Социальность отрицательная; 5.2. Социальность положительная; 5.3. Социальность предметная (демография, образование, медицина));

6. Лексика поводов для эмоционального напряжения (6.1. Экономика и финансы; 6.2. ЖКХ,

инфраструктура и экология; 6.3. Государство и управление вообще; 6.4. Силовые структуры; 6.5. Катастрофы);

7. Онимы (7.1. Антропонимы; 7.2. Этнонимы; 7.3. Эргонимы; 7.4. Топонимы);

8. Внесловарная лексика (именование конкретных предметов; омонимичные лексемы);

9. Местоимения.

Применение критерия Манна–Уитни обнаружило только два значимых различия между двумя подкорпусами корпуса политических дискуссий: в обсуждениях либеральной пропаганды в качестве каузаторов базовых эмоций выступает большее количество слов-инвективов и слов, называющих отрицательные стеничные эмоции, чем в подкорпусе обсуждений государственнической пропаганды. Различия с фоновым корпусом более значительны: дискуссии вокруг оппозиционно-либеральных роликов отличаются от фоновых по 12 параметрам. В качестве причин приписываемых себе и другим эмоций значимо чаще используются лексемы, вошедшие в следующие тематические группы: инвективы, обсценизмы, прецедентные имена, отрицательные эмоции (и стеничные, и астеничные), рациональная оценка отрицательная, активность деструктивная, социальность отрицательная, государство и управление, силовые структуры. Можно констатировать, что такого рода пропаганда сдвигает фокус внимания при определении причин эмоций на действия госорганов (что естественно для критики действующей власти со стороны оппозиции), при этом часто объекты, вызвавшие эмоции, не называются, а обзываются (инвективы и обсценизмы), а упоминаемые группы, события, действия, телесные состояния и рациональное отношение обозначаются словами с негативной коннотацией. Обсуждение государственнической

пропаганды также ведется с опорой на инвективы и обценную лексику и в качестве источников, стимулирующих эмоциональный отклик, называются государство и силовые структуры, отрицательная социальность и активность деструктивная, однако в этом подкорпусе в качестве каузаторов эмоций чаще упоминаются этнонимы и топонимы; всего обнаружено восемь значимых отличий. Таким образом, государственническая пропаганда вызывает более “объективистское” отношение к своим и чужим переживаниям, их источники в большей мере мыслятся комментаторами как существующие во внешнем мире.

Для того чтобы получить представление о наиболее аффектогенных предметах для каждой базовой эмоции, можно вычислить частоту встречаемости каждой лексемы в роли каузатора при каждом эмотиве. На основе этого можно создать, например, топ-15 каузаторов для разных групп эмотивов, используемых в разных корпусах текстов. В нашем случае было построено 18 рейтингов (3 корпуса × 6 базовых эмоций). В каждом из них присутствовали местоимения в роли каузаторов, что естественно для любой дискуссии. Если очистить рейтинги каузаторов от местоимений, то можно увидеть, какие именно предметы называются дискуссионными чаще всего в роли причин определенных эмоций. Так, для эмоции “радость” в топ-15 каузаторов эмоций в дискуссиях, проходящих под влиянием государственнической пропаганды, вошли такие объекты как *Россия, народ, человек, религия, мир*; в топ-15 каузаторов для дискуссий вокруг оппозиционно-либеральных роликов — *Алексей (Навальный), народ, человек, смелость, мужество, жизнь*; в топ-15 каузаторов для фоновых дискуссий — *рецепт, вкусняшки, семья, талант, молодец, душа*. Для эмоции “гнев” топ-15 каузаторов выглядит так: *народ, англосакс, Россия* в первом подкорпусе; *народ, человек, Путин* — во втором; *человек, шутка* — в третьем. Отметим, что речь идет только о каузаторах, о том же, кто именно переживает эти эмоции, мы пока судить не можем. Например, в комментариях первого подкорпуса встречаются высказывания “*их всех бесит Россия*”, а во втором подкорпусе можно увидеть высказывания “*чем вас так возмущает народ?!*”, так что дальнейшее развитие метода анализа будет связано именно с учетом полной структуры каузативно-эмотивного высказывания (сам лингвистический анализатор всю эту информацию уже выделяет; вопрос в том, как организовать подсчет таких языковых конструкций при обработке полученных данных).

Предлагаемый метод также позволяет характеризовать каузативный потенциал отдельных лексем и таким образом судить о положении выражаемых с их помощью концептов в эмоциональной картине мира [2] коллективного автора анализируемых текстов. Показатели встречаемости лексемы в роли каузатора при эмотивах из разных групп складываются в ее каузативный профиль, характеризующий способность стоящего за лексемой предмета быть причиной той или иной эмоции.

Одной из задач, которая может решаться с помощью анализа каузативных профилей, является эмпирическое определение реального психосемантического сходства/различия содержания лексем, имеющих близкое значение. Так, в роли каузаторов при эмотивах в анализированных текстах встречаются лексемы *народ* и *население*, которые в словарях могут дефинитивно не различаться, например: “*Народ*. 1. В социально-политическом и историческом планах — *население* страны, совокупность классов, наций, народностей, имеющих общую историческую судьбу” [1, с. 136]. Однако, судя по полученным нами данным, *народ* отчетливо отличается от *населения* по своему каузативному потенциалу.

На рис. 2 показаны позиции данных лексем в ранжированных списках каузаторов при эмотивах из разных групп (ранги приписывались в порядке убывания встречаемости: чем реже встречается лексема, тем больше ее ранг в списке). Можно видеть, что концепт *население* в коллективной эмоциональной картине мира россиян сочетается не со всеми эмоциями: о населении нельзя печалиться, по отношению к нему нельзя испытывать гнев. Напротив, лексема *народ* не просто встречается в роли каузатора при эмотивах из всех групп, но и занимает в ранжированных списках преимущественно очень высокие места (ниже первого десятка — только при эмотивах из группы “удивление”). Полученные каузативные профили свидетельствуют об относительно низкой по сравнению с лексемой *народ* способности лексемы *население* участвовать в спонтанной речи россиян в выражении эмоционального содержания, что может быть связано с существенными различиями в количестве и качестве аффективных ассоциаций, относящихся к этим лексемам в коллективном тезаурусе, а следовательно, указывать на их психологическую несинонимичность.

Отмеченные особенности сочетаемости лексем с эмотивами практически не различаются для подкорпусов государственнических и оппозиционных дискуссий, что, вероятно, отражает более глубокий, чем политические ориентации, уровень

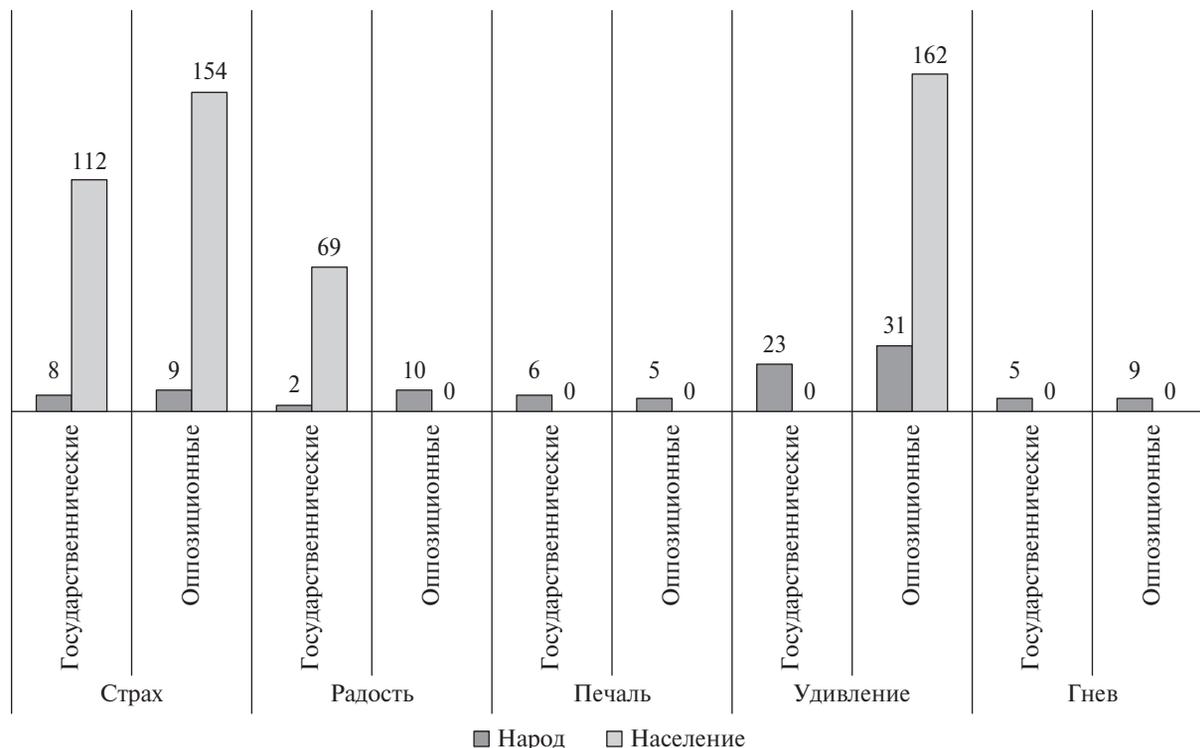

Рис. 2. Ранги лексем “народ” и “население” в роли каузаторов базовых эмоций в дискуссиях вокруг государственнической и оппозиционно-либеральной пропаганды

порождения этих особенностей. Исключение составляет группа эмотивов “радость”: в оппозиционной пропаганде населению приписывается способность кого-то радовать, а в государственнической ему в этом отказано.

ВЫВОДЫ

Применение инструмента автоматического анализа текста TITANIS в задаче описания особенностей политического дискурса в русскоязычном сегменте YouTube показало следующее.

Комментирование пропагандистских роликов идет на более высоком уровне эмоциональности, чем обсуждение роликов неполитического содержания. Обсуждение роликов, в которых высказываются государственнические взгляды, в большей мере сопровождается оскорблениями и характеристикой упоминаемых объектов, в то время как комментирование либеральной пропаганды в большей мере сосредоточено на обсуждении групп и социальных связей и сопровождается большим эмоциональным напряжением.

Отклик на либеральную и государственническую пропаганду различается объемом внимания, который отводится эмоциям: своим, собеседников, значимых для общества фигур, социальных групп. В первом случае люди скорее выражают свои

эмоции, чем обсуждают их, во втором больше говорят о своих и чужих переживаниях, обсуждая причины, их вызвавшие. В целом политический дискурс не связан с каким-то особым вниманием к эмоциям, при этом в дискуссиях, стимулированных оппозиционно-либеральной пропагандой, эмоции и их причины реже, чем в неполитических дискуссиях, становятся предметом внимания.

Предлагаемый каузативно-эмотивный анализ, проводимый на данных, предоставляемых TITANISom, позволяет получить сведения о каузальной атрибуции коллективных эмоций.

Может быть проведено сравнение разнообразия причин эмоций, которые фигурируют в исследуемых корпусах текстов. Наше исследование показало, что при обсуждении политических вопросов люди в большей степени оригинальны и самостоятельны, когда говорят о причинах страха, в то время как при обсуждении причин радости они менее изобретательны, чем те, кто обсуждает кулинарные рецепты или ремонт техники.

Могут искать различия между корпусами текстов по представленности лексем определенной тематики в роли каузаторов эмоций. Было обнаружено, что государственническая пропаганда вызывает более “объективистское” отношение к своим и чужим переживаниям, их источники в большей

мере мыслятся комментаторами как существующие во внешнем мире.

Для получения представления о наиболее аффектогенных предметах могут вычисляться рейтинги лексем, занимающих роль каузатора при эмотиве. Так, в нашем исследовании для эмоции “радость” в топ-15 каузаторов эмоций в дискуссиях, проходящих под влиянием государственнической пропаганды, вошли такие объекты, как *Россия, народ, человек, религия, мир*; в топ-15 каузаторов для дискуссий вокруг оппозиционно-либеральных роликов — *Алексей (Навальный), народ, человек, смелость, мужество, жизнь*.

Для наиболее интересных для исследования лексем может вычисляться их *каузативный потенциал*. Показатели встречаемости лексемы в роли каузатора при эмотивах, относящихся к разным группам эмоций, складываются в ее *каузативный профиль*, характеризующий способность стоящего за лексемой предмета быть причиной той или иной эмоции. Одной из задач, которая может решаться с помощью анализа каузативных профилей, является эмпирическое определение реального психосемантического сходства/различия содержания лексем, имеющих близкое значение. Так, концепт *население* в коллективной эмоциональной картине мира россиян сочетается не со всеми эмоциями: о населении нельзя печалиться, по отношению к нему нельзя испытывать гнев. Напротив, лексема *народ* не просто встречается в роли каузатора при эмотивах из всех групп, но и занимает в ранжированных списках преимущественно высокие места.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное с помощью созданного инструмента исследование позволяет говорить о работоспособности предлагаемых программных средств

и методов анализа. Однако результаты, получаемые с помощью процедуры автоматического анализа сетевых дискуссий, не могут напрямую интерпретироваться как мнения или эмоции определенных групп людей. Во-первых, средств, позволяющих автоматически, быстро и надежно очищать выкачанные посты и комментарии от комментариев ботов и хейтеров, не существует (во всяком случае в открытом для академических исследователей доступе). Во-вторых, репрезентативность выборки не может быть корректно оценена как в силу простой незаполненности информации “о себе” в аккаунтах многих пользователей и невозможности проверить точность предоставляемой информации, так и в силу теоретической неразработанности понятия репрезентативности для сетевого следа большой или малой группы. В-третьих, комментирование “недружественных” каналов, СМИ, блогов — вполне распространенная практика, и определить групповую идентичность для каждого из сотен тысяч или миллионов комментаторов не представляется возможным (если речь не идет о специальном монографическом исследовании, посвященном уникальному сетевому ресурсу). В связи с этим ограничением мы и предлагаем рассматривать получаемые с помощью этого инструментария результаты как данные для психологии коллективных (а не групповых) эмоций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Словарь социолингвистических терминов / Отв. ред. В.Ю. Михальченко. М.: Российская академия наук. Институт языкознания, 2006.
2. Шаховской В.И. Эмоциональная картина мира в вербальной презентации // Мир русского слова. 2019. № 1. С. 35–43.

CAUSATIVE-EMOTIVE ANALYSIS: THE STUDY OF YOUTUBE VIEWERS REACTIONS TO PROPAGANDA³

O. G. Grigoriev*, **Yu. M. Kuznetsova****, **E. N. Nikitina*****,
M. A. Stankevich****, **N. V. Chudova*******

*Federal Research Center "Computer Science and Control" of the Russian Academy of Sciences;
119333, Moscow, Vavilova str., 44, bldn. 2, Russia.*

**ScD (Engineering), Head of the Division "Artificial Intelligence and Decision Making".*

***PhD (Psychology), Senior Research Scientist, Dynamic Intelligent Systems and Cognitive Research department.*

****PhD (Philology), Research Fellow Intellectual Analysis of Information department.*

*****Research Engineer of the Intellectual Analysis of Information department.*

******PhD (Psychology), Senior Research Scientist, Dynamic Intelligent Systems
and Cognitive Research department.*

E-mail: nchudova@gmail.com

Received 19.10.2022

Abstract. The emotionality of political discourse, and the attributing of emotional states, and their causes, in particular, are examined. The research was carried out using TITANIS, the described in part 1 of the paper, an automatic text analysis tool created at the Federal Research Center Computer Science and Control of the Russian Academy of Sciences (FRC CSC RAS). The emotionality of viewers of political and non-political Russian-language YouTube channels, as well as of audience of conservative and liberal influencers, was compared. Comments on politicized channels were analyzed in order to identify a causation of the mentioned emotional states.

Keywords: political discourse, emotives, automatic text analysis, text markers of emotionality, causative-emotive analysis.

REFERENCES

1. Slovar' sociolingvisticheskikh terminov. Ed. V.Yu. Mi-hal'chenko. Moscow: Rossijskaya akademiya nauk. Institut yazykoznaniya, 2006. (In Russian)
2. *Shahovskoj V.I.* Emocional'naya kartina mira v verbal'noj prezentacii. Mir russkogo slova. 2019. № 1. P. 35–43. (In Russian)

³ The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research under research (project No. 21-011-31638).

УДК: 159.9.07; 159.9.07::51-7

ШКАЛА “СРАВНЕНИЕ ФИЗИЧЕСКОЙ ВНЕШНОСТИ”: АПРОБАЦИЯ НА РОССИЙСКОЙ ВЫБОРКЕ¹

© 2022 г. Н. Г. Артемцева*, Е. С. Самойленко**

ФГБУН Институт психологии РАН;

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.

* Кандидат психологических наук, старший научный сотрудник.

E-mail: artemcevang@ipran.ru

** Доктор психологических наук, главный научный сотрудник.

E-mail: samoylenkoes@ipran.ru

Поступила 09.03.2022

Аннотация. Проведена апробация ($N = 579$) русскоязычной версии шкалы “Сравнение физической внешности” (PACS-R). Для проверки конвергентной валидности использовались опросники ориентированности на социальное сравнение и образа тела. В ходе апробации получены удовлетворительные психометрические характеристики, в частности внутренняя согласованность шкалы, а также ее тест-ретестовая надежность. Получены ожидаемые взаимосвязи шкалы “Сравнение физической внешности” с другими использованными методиками, измеряющими самооценку и личностные параметры, оцениваемые с помощью опросника “Большая пятерка”, что подтверждает валидность данной шкалы. Полученные результаты указывают на то, что шкала “Сравнение физической внешности” является надежным и валидным средством, которое можно применять в исследованиях на российской выборке.

Ключевые слова: сравнение внешности, социальное сравнение, образ тела, личностные характеристики, психометрика, надежность, валидность.

DOI: 10.31857/S020595920021486-0

Сравнение человеком себя с другими людьми по внешности представляет собой один из вариантов социального сравнения, концептуализированного Л. Фестингером [15] и выражающегося в самом общем смысле в установлении сходства и различия между собой и другими людьми с целью формирования более четких субъективных представлений о правильности своих мнений, об уровне собственных достижений, способностей, характеристик. Исследования социального сравнения интенсивно реализуются уже более шести десятилетий и приобретают в последние годы существенное прикладное значение, что, в частности, отражено в высказанной А.Л. Журавлевым, В.Д. Ушаковым и А.В. Юревичем идее о том, что “пришло время осмыслить отдельные феномены социального поведения в контексте целостной жизни общества” [3, с. 109].

Один из параметров, по которым осуществляется социальное сравнение, является внешность.

Сравнение по этому параметру представляет собой важный фактор, влияющий на выраженность пищевых нарушений и степень неудовлетворенности собственным телом, проявляющуюся в негативных представлениях относительно собственного веса и фигуры. Характерно, что эта закономерность отмечена прежде всего у женщин [11; 21; 27].

При рассмотрении особенностей сравнения по параметру внешности особое значение приобретает его направленность. Социальное сравнение в общем плане может быть двух основных видов: нисходящее, т.е. касающееся тех людей, которых человек считает хуже себя по определенному параметру [31], и восходящее, т.е. выражающееся в сравнении себя с кем-то, кто лучше [30]. Выделяют также горизонтальное (латеральное) сравнение, которое касается в основном тех дополнительных признаков (например, пола или возраста), которые служат так называемой опорой при выборе референтов сравнения [10].

Исследователи отмечают, что в отношении внешности человек, и прежде всего женщины, чаще совершают восходящее, чем нисходящее,

¹ Работа выполнена в соответствии с Государственным заданием № 0138-2022-0007.

сравнение, т.е. сравнивают свой внешний вид с более привлекательными людьми (например, манекенщицами или кинозвездами), что часто приводит к возникновению неудовлетворенности собой и компенсаторному поведению, сопряженному с рисками для здоровья (например, беспорядочному питанию или косметической хирургии). Однако в тех случаях, когда у человека присутствует негативное представление о себе, для того чтобы повысить свою самооценку, он осуществляет нисходящее сравнение себя с такими людьми, внешность которых кажется ему хуже собственной, что способствует повышению самооценки и удовлетворенности собственным телом. При этом человек с высокой самооценкой также иногда сравнивает себя с теми людьми, внешность которых он считает хуже собственной [22].

Для оценки выраженности общей склонности к сравнению себя по внешности и к его восходящей и нисходящей формам разработано несколько шкал, каждая из которых, как отмечают исследователи, имеет определенные ограничения [26].

Так, например, предложена шкала сравнения тела (Body Comparison Scale, BCS) [16], которая состоит из 36 пунктов. Первые 25 пунктов представляют собой список частей тела, таких как уши, нос, губы, плечи, бедра и т.д.; респонденты оценивают, как часто они сравнивают эти части своего тела, а также общее телосложение и форму тела, с такими у других людей того же пола. Пункты 26–36 представляют собой утверждения, касающиеся размышления человека о сравнении собственных физических черт с соответствующими чертами у сверстников того же, что и он, пола (например, “Я ловлю себя на том, что размышляю о том, чем мой нос отличается от других, когда я с другими людьми”). Респонденты должны также указать с помощью шкалы частоту совершения таких сравнений. В качестве недостатков шкалы сравнения тела отмечается то, что она, во-первых, не касается прямого сравнения веса или ожирения, в то время как эти параметры играют важную роль в восприятии собственного тела; во-вторых, не конкретизирует референтов сравнения (т.е. категории людей, с которыми предлагается сравнить свое тело) и контекст сравнения (т.е. ситуации, в которых происходит сравнение) [26].

Разработаны две шкалы для оценки восходящего (Upward Physical Appearance Comparison Scale, UPACS) и нисходящего (Downward Appearance Comparison Scale, DACS) сравнения по внешности [22]. Шкала восходящего сравнения состоит из 10 пунктов, шкала нисходящего сравнения — из 8. В качестве одного из недостатков этих шкал

отмечается то, что в них не присутствует так называемое латеральное сравнение с такими людьми, которых человек рассматривает как имеющих примерно одинаковый с ним уровень привлекательности, что ограничивает возможность адекватной оценки реальной частоты осуществления людьми таких видов сравнения по внешности [26].

Однако, согласно ряду исследователей [21], наиболее широко для оценки ориентированности сравнения по внешности используется шкала the Physical Appearance Comparison Scale (PACS), первый вариант которой предложен Дж. Томпсоном в 1991 г. [29]. Этот вариант состоял из 5 пунктов, степень согласия с которыми надо было отметить на шкале от 1 до 5. Три пункта касались сравнения на вечеринках или мероприятиях собственной физической внешности, стиля одежды и фигуры с таковыми у других людей; четвертый пункт представлял собой утверждение о том, что наилучший способ для человека понять, есть ли у него избыток веса, это сравнить свою фигуру с фигурами других людей, а пятый обратный пункт — утверждение о том, что «сравнение своей “внешности” с “внешностью” других — плохой способ определить, привлекательны вы или нет» [29, с. 174].

Согласно Л. Шаеферу и Дж. Томпсону [26], шкала PACS имела следующие недостатки: 1) ее пункты были приемлемы для оценки ориентированности на сравнение внешности женщинами, а не мужчинами; 2) в ней не было пунктов, касающихся сравнения веса или формы тела, в то время как включение этих аспектов внешнего вида в шкалу могло бы улучшить ее возможность прогнозировать патологию пищевого поведения у женщин и мужчин; 3) она касалась сравнений, которые могут иметь место в узком спектре социальных условий, что ограничивает возможности адекватной оценки реальной частоты сравнения внешности женщинами и мужчинами. В связи с выявленными недостатками шкала PACS была переработана [24; 26] с целью улучшения ее психометрических характеристик, а также обеспечения возможности оценки ориентированности на сравнение по внешности, актуальное для женщин и мужчин в самых разных контекстах (The Physical Appearance Comparison Scale, PACS-R).

Переработанная шкала PACS-R состояла первоначально из 40 пунктов, которые были нейтральными с точки зрения их гендерной релевантности [26]. Пункты были получены в результате проведения экспертных дискуссий, позволивших выделить восемь контекстов (например, на публике, при встрече с новым человеком, на работе или в школе, при покупке одежды, на вечеринке,

в спортзале, с группой друзей или в ресторане) и пять аспектов внешнего вида (т.е. внешний вид, вес, форма тела, размер тела, жировые отложения), которые предполагалось исследовать. Нужно было указать в отношении каждого из этих пунктов, как часто осуществляется тот или иной вид сравнения; использовалась 5-балльная шкала Лайкерта в диапазоне от 0 (“никогда”) до 4 (“всегда”). После проведения эксплораторного и конфирматорного факторного анализа шкала была определена как однофакторная и часть ее пунктов были исключена. Окончательный вариант шкалы PACS-R состоял из 11 пунктов [26] и продемонстрировал хорошую надежность, особенно в отношении внутренней согласованности ее пунктов; коэффициент α Кронбаха составил 0.97. Показана хорошая конвергентная валидность PACS-R с показателями:

1) удовлетворенности телом, оцениваемой по шкале оценки внешности (Appearance Evaluation sub scale) из многомерного опросника отношения к своему телу (Multidimensional Body-Self Relations Questionnaire, MBSRQ-AE) [12];

2) патологии питания, оцениваемой с помощью опросника, касающегося пищевых нарушений (Eating Disorder Examination-Questionnaire, EDE-Q) [13];

3) социокультурного влияния на внешний вид, измеряемого с помощью опросника социокультурных установок в отношении внешности (Socio Cultural Attitudes Towards Appearance Questionnaire, SATAQ-4) [25];

4) самооценки, оцениваемой с помощью шкалы Розенберга (Rosenberg Self-Esteem Scale, RSES) [23].

Сопоставление показателей по этим опросникам с показателями по шкале PACS-R выявило, что данная шкала, с одной стороны, значимо и позитивно коррелирует с показателями выраженности пищевой патологии, интернализации идей, связанных с внешностью, и касающегося внешности влияния, испытываемого со стороны сверстников, семьи и средств массовой информации, а с другой — значимо отрицательно коррелирует с удовлетворенностью собственным телом и самооценкой [26]. В целом результаты показали, что PACS-R является надежным и действенным инструментом для оценки тенденций сравнения внешности.

Валидизация PACS-R проведена и на представителях других культур. Так, например, на турецкой и ирландской выборках показана статистически значимая положительная взаимосвязь ориентированности на сравнение по внешности (по шкале PACS-R) с неудовлетворенностью своим телом,

которая оценивалась с помощью одной из шкал (The Body Dissatisfaction subscale) опросника EDI-2 (the Eating Disorder Inventory-2), касающейся удовлетворенности конкретными частями своего тела, а также с чувством стыда (использовалась шкала внутреннего и внешнего стыда External and Internal Shame Scale (EISS)) [20].

Целью исследования являлась апробация шкалы PACS-R на широкой русскоязычной выборке. Основные задачи исследования заключались в проверке надежности и валидности шкалы “Сравнение физической внешности”, а также в оценке дискриминативности ее пунктов.

МЕТОДИКА

Участники исследования. Вся выборка для апробации русскоязычного варианта шкалы PACS-R составляла 579 человек (мужчины — 132 человека и женщины — 447 человек, в двух возрастных категориях: 18–21 года и 22–55 лет): студенты различных вузов г. Москвы и г. Нижнего Новгорода, а также служащие различных офисов, вузов, школ, детских садов и других сфер деятельности. Опрос осуществлялся добровольно в групповой форме. На разных этапах исследования русскоязычный вариант шкалы PACS-R давался респондентам в совокупности с другими методиками, использованными нами для проверки шкалы на внешнюю валидность. После заполнения методик проводилась беседа с целью проверки понимания высказываний опросника и удобства оценки их. Все респонденты отметили отсутствие каких-либо проблем, связанных с заполнением опросника.

Используемые методики. Респонденты заполняли шесть тестовых методик, а также указывали свой возраст, пол, место проживания и сферу работы или учебы.

Шкала “Сравнение физической внешности” PACS-R. Шкала PACS-R [25], предназначенная для оценки ориентированности на сравнение по внешности, состоит из 11 утверждений, касающихся сравнения человеком себя с другими людьми в разных жизненных ситуациях: по внешности — находясь на людях, в спортзале; по размеру тела — при знакомстве с человеком того же пола, на работе или учебе; по фигуре — на работе или учебе, на вечеринке, общаясь с друзьями; по жировой прослойке тела — находясь на людях, в ресторане; по весу — находясь в магазине одежды, общаясь с друзьями.

Перевод шкалы PACS-R на русский язык. На предварительном этапе мы опробовали различные переводы высказываний на русский язык. Каждый

вариант переводов предлагался участникам, с которыми после диагностики проводилась устная беседа с целью определения понимания инструкции и высказываний, а также для проверки степени комфортности при выполнении задания. Далее с помощью трех независимо работающих переводчиков был создан окончательный вариант перевода опросника на русский язык. Тексты высказываний на русском языке, с одной стороны, были максимально подобны содержанию оригинала, а с другой — в них использовались привычные, распространенные в нашей культуре дескрипторы.

При адаптации мы стремились сохранить все особенности англоязычного оригинала. В окончательном виде русскоязычный вариант шкалы «Сравнение физической внешности» состоит из 11 утверждений, которые следует оценить по 5-балльной шкале, и сопровождается следующей инструкцией: «Люди иногда сравнивают свою внешность с внешностью других. Это может быть сравнением их веса, размера одежды, фигуры, количества жира или всего вместе. Пожалуйста, используйте следующий тест для определения того, как часто Вы сравниваете подобным образом себя с другими: «никогда», «редко», «иногда», «часто», «всегда». Ответы переводятся в числовую шкалу от 0 до 4: *никогда* — 0, *редко* — 1, *иногда* — 2, *часто* — 3, *всегда* — 4». Подсчитывается средняя оценка — интегральный показатель ориентированности на сравнение по внешности. Чем выше оценка, тем более склонен человек сравнивать свою внешность с внешностью других.

Опросник INCOM. Опросник INCOM (Iowa-Netherlands Comparison Orientation Measure) создан Ф. Гиббонсом и А. Буунком [18] для психометрического измерения общей ориентированности на социальное сравнение. В исследовании, направленном на адаптацию шкалы «Сравнение физической внешности» PACS-R, был использован апробированный Т.Н. Савченко, Е.С. Самойленко и А.В. Корбут [5] вариант опросника INCOM, в котором выделены три фактора: ориентированность на сравнение способностей, ориентированность на сравнение мнений и ориентированность на сравнение глобальной жизненной ситуации.

Опросник РООСС. Русскоязычный опросник ориентированности на социальное сравнение (РООСС) разработан Е.С. Самойленко [6] и валидизирован на разнообразной по возрасту и профессиональной направленности выборке [7]. Опросник содержит три фактора: сравнение себя со знакомыми людьми, с незнакомыми людьми и с самим собой (себя в настоящем и в прошлом; себя в настоящем с таким, каким он хочет, может, боится быть

в будущем; с таким, каким мог бы стать, но не стал, должен стать, но не стал; со своим идеальным Я).

Опросник ООСТ. Опросник образа собственного тела (ООСТ) разработан С.В. Скугаревским и О.А. Сивухой [8] и предназначен для оценки степени неудовлетворенности внешностью как составного компонента образа тела.

Шкала самооценки. Шкала самооценки (Rosenberg Self-Esteem Scale, RSES) разработана М. Розенбергом и адаптирована А.А. Золотаревой [2]. Она позволяет оценить уровень самоуважения или самоунижения человека, его субъективного самооценивания себя с положительной или отрицательной стороны.

Опросник «Большая пятерка». Пятифакторный личностный опросник «Большая пятерка» разработан Р. Мак-Крае и П. Коста и адаптирован А.Б. Хромовым [9]. На основе полученных ответов выявляется степень выраженности пяти факторов: 1) экстраверсия—интроверсия; 2) привязанность—обособленность; 3) самоконтроль—импульсивность; 4) эмоциональная неустойчивость — эмоциональная устойчивость; 5) экспрессивность—практичность. Подсчитывается суммарное количество баллов по каждой шкале.

Статистическая обработка: непараметрические методы анализа данных (Statistica 7.0).

РЕЗУЛЬТАТЫ

Описательные статистики шкалы PACS-R. Описательная статистика приведена в табл. 1. Исходя из нестроого соответствия эмпирических данных нормальному распределению, согласно критерию Колмогорова—Смирнова, были посчитаны медианы и межквартильные размахи тестовых баллов в разных группах: мужчины; женщины; возрастные периоды 18–21 год и 22–55 лет.

Согласно описательным статистикам (см. табл. 1), различия в медианах тестового балла оказались небольшими между группами респондентов мужского ($M = 0.72$) и женского ($M = 1.18$) пола, а также между двумя возрастными группами: 18–21 год ($M = 1.09$) и 22–55 лет ($M = 1.09$). Межквартильный размах тестовых баллов также был очень похожим в сравниваемых группах респондентов мужского (1) и женского ($M = 1.27$) пола, а также в двух возрастных группах: 18–21 год (1.27) и 22–55 лет (1.18).

Оценка конструктивной валидности шкалы PACS-R. Для оценки критериальной валидности шкалы PACS-R мы использовали гендерные и возрастные

Таблица 1. Описательные статистики общей выборки и отдельных подвыборок шкалы “Сравнение физической внешности” (PACS-R) ($N = 579$).

		Вся выборка $N = 579$	Мужчины $N = 132$	Женщины $N = 447$	18–21 год $N = 325$	22–55 лет $N = 254$
Сравнение физической внешности (PACS-R)	Медианы	1.09	0.72	1.18	1.09	1.09
	Меж. кв.	1.18	1	1.27	1.27	1.18

Примечание: Меж. кв. — межквартильный размах.

сопоставления, что было обусловлено имеющимися в литературе данными о некоторых соответствующих различиях применительно к общей ориентированности на социальное сравнение (см., например: [1; 3; 6; 15; 18]), а также данными о гендерных различиях в отношении сравнения по параметру внешности [17; 19].

Проверялось наличие значимых различий в медианах тестовых баллов, полученных между группами респондентов мужского и женского пола, а также между двумя возрастными группами: 18–21 год и 22–55 лет. В связи с нестрогим соответствием эмпирических данных нормальному распределению и большими выборками применялся тест Вальда—Вольфовица, согласно которому между сравниваемыми группами не выявлены значимые различия в медианах тестовых баллов. Корреляционный анализ с использованием коэффициента корреляции R_s Спирмена также не обнаружил значимых связей между показателем ориентированности на сравнение внешности и возрастом участников исследования. Такие результаты позволили предполагать возможность рассмотрения шкалы PACS-R как достаточно универсального средства диагностики склонности к сравнению внешности у групп российской популяции разного пола и широкой возрастной категории.

Таблица 2. Статистически значимые показатели ре-тестовой надежности опросника “Сравнение физической внешности” (шкала PACS-R)

	Высказывания шкалы “Сравнение физической внешности”	Показатель ретестовой надежности
1	Когда я нахожусь на людях, я сравниваю свою внешность с внешностью других	0.4
2	Когда я знакоюсь с новым человеком (того же пола), я сравниваю свой размер тела с его/ее размером тела	0.5
3	Когда я на работе или на учебе, я сравниваю свою фигуру с фигурой других	0.5
4	Когда я нахожусь на людях, я сравниваю свою жировую прослойку с жировой прослойкой других	0.7
5	Когда я хожу по магазинам с одеждой, я сравниваю свой вес с весом других	0.4
6	Когда я бываю на вечеринках, я сравниваю свою фигуру с фигурой других	0.5
7	Когда я общаюсь с друзьями, я сравниваю свой вес с весом других	0.4
8	Когда я на работе или учебе, я сравниваю свой размер тела с размером тела других	0.4
9	Когда я общаюсь с друзьями, я сравниваю свою фигуру с фигурой других	0.5
10	Когда я ем в ресторане, я сравниваю свою жировую прослойку с жировой прослойкой других	0.5
11	Когда я в спортзале, я сравниваю свою внешность с внешностью других	0.5
	Интегральный показатель шкалы	0.7

Примечание. Все показатели статистически значимы при $p < 0.01$.

Проверка надежности опросника. В данном исследовании проверялась внутренняя и ретестовая надежность опросника. Критерием *внутренней надежности* был коэффициент Кронбаха (α), он составил 0.95, что говорит об очень высоком значении внутренней надежности—согласованности пунктов шкалы.

Ретестовая надежность пунктов шкалы определялась путем расчета коэффициента корреляции Спирмена между данными двух опросов 37 респондентов, проведенных с интервалом в один год.

Анализ полученных результатов (табл. 2) свидетельствует о высокой временной устойчивости высказываний. Таким образом, имеются основания для вывода о том, что такой конструкт как сравнение внешности, достаточно устойчив во времени.

Оценка внутренней консистентности опросника. После проведенной проверки согласованности оценок каждого высказывания со средними оценками всего опросника выяснилось, что все пункты показали сильную статистически значимую связь с результативными данными. Проведенный анализ показал достаточно высокую консистентность шкалы “Сравнение физической внешности”, включающей 11 высказываний.

Проверка конвергентной валидности. Для проверки конвергентной валидности шкалы “Сравнение физической внешности” были использованы: русскоязычный вариант опросника *INCOM* [5], опросник *РООСС* [6], опросник *ООСТ* [8], шкала самооценки Розенберга [2], адаптированный пятифакторный личностный опросник “Большая пятерка” [9]. Подбор этих методик был обусловлен тем, что некоторые из них были использованы авторами шкалы “Сравнение физической внешности” (*PACS-R*), а другие, в частности “Большая пятерка”, измеряют те качества личности, которые в различных научных источниках выступают в роли конструкторов, взаимосвязанных с социальным сравнением.

Проверка корреляционных связей между показателями опросников осуществлялась с помощью коэффициента корреляции Спирмена. Результаты представлены в табл. 3.

Как видно из табл. 3, конструкт “сравнение физической внешности”, оцениваемый по шкале *PACS-R*, тесно положительно взаимосвязан с интегральным показателем ($r = 0.58$) и со всеми тремя факторами опросника *РООСС* ($r = 0.4$; $r = 0.61$; $r = 0.59$ соответственно). Обнаружено, что чем более респонденты ориентированы сравнивать себя со значимыми другими, с незнакомыми людьми и с самим собой, тем более выражена склонность к оценке своей внешности в различных жизненных ситуациях.

Обнаружены также взаимосвязи между степенью ориентированности на сравнение своей физической

внешности, оцениваемый по шкале *PACS-R*, с одной стороны, интегральным показателем ориентированности на сравнение, оцениваемым по шкале *INCOM* ($r = 0.31$), а также с тремя его факторами, соответствующими сравнению мнений (0.44), способностей ($r = 0.18$) и жизненных ситуаций ($r = -0.37$). Как известно, на больших выборках даже небольшие корреляции (как в нашем случае $r = 0.18$) статистически значимы даже на уровне 0.01 и выше. Обычно это связывают с высокой мощностью статистического критерия. Интерес также представляет выявленная отрицательная взаимосвязь ориентированности на сравнение физической внешности по шкале *PACS-R* и ориентированности на социальное сравнение глобальных жизненных ситуаций (фактор 3 опросника *INCOM*). Полученные данные говорят о том, что чем более респонденты ориентированы на сравнение себя с другими людьми по конкретным параметрам внешности в определенных социальных ситуациях, тем менее им свойственно соотношение собственной и чужой жизненной ситуации в целом.

Выявлена значимая отрицательная корреляция между ориентированностью на сравнение физической внешности, оцениваемый по шкале *PACS-R*, и уровнем самооценки, оцениваемой по шкале самооценки ($r = -0.29$). Таким образом, чем выше оказался уровень самоуважения и самооценки, тем менее была выражена склонность сравнивать собственную внешностью с внешностью других людей.

Корреляционный анализ также показал положительную взаимосвязь ($r = 0.65$) между степенью

Таблица 3. Значимые результаты корреляции анализа оценок шкалы “Сравнение физической внешности” (*PACS-R*) и опросников: *РООСС*, *INCOM*, шкала самооценки, *ООСТ*, “Большая пятерка”

Используемые опросники	Сравнение физической внешности (шкала <i>PACS-R</i>)
<i>РООСС</i> — интегральный показатель ($N = 521$)	0.58*
<i>Роосс Ф1</i> : сравнение себя со знакомыми	0.4*
<i>Роосс Ф2</i> : сравнение себя с самим собой	0.61*
<i>Роосс Ф3</i> : сравнение себя с незнакомыми людьми	0.59*
<i>INCOM</i> — интегральный показатель ($N = 349$)	0.31*
<i>INCOM Ф1</i> : ориентированность на сравнение способностей	0.44*
<i>INCOM Ф 2</i> : ориентированность на сравнение мнений	0.18*
<i>INCOM Ф3</i> : ориентированность на сравнение глобальной жизненной ситуации	-0.37*
Шкала самооценки ($N = 332$)	-0.29*
Образ собственного тела ($N = 217$)	0.65*
Опросник “Большая пятерка”	
Фактор “эмоциональной устойчивости—неустойчивости”	0.36*
Фактор “привязанность—обособленность”	-0.1**
Фактор “самоконтроль—импульсивность”	-0.2*

* Показатели статистически значимы при $p < 0.01$.

** Показатели статистически значимы при $p < 0.05$.

ориентированности на сравнение внешности (по шкале PACS-R) и удовлетворенности образом своего тела, оцениваемой с помощью *Опросника образа собственного тела (ООСТ)*. Оказалось, что чем более удовлетворены респонденты образом своего тела, тем более они готовы сравнивать свою внешность с внешностью других людей.

Обнаружена значимая взаимосвязь также между ориентированностью на сравнение внешности (по шкале PACS-R) и тремя факторами *опросника “Большая пятерка”*. Чем более была выражена склонность человека к сравнению своей внешности с внешностью других людей, тем выше оказались оценки его *эмоциональной неустойчивости* ($r = 0.36$ при $p < 0.01$). Как известно, люди с высокими значениями по фактору “эмоциональной устойчивости—неустойчивости” чувствуют себя беспомощными и неспособными справиться с жизненными трудностями, что может быть связано и с их избеганием сравнения собственной внешности с внешностью других людей из-за боязни формирования субъективного представления о себе как обладающего худшей внешностью, чем другие, в результате осуществления восходящего сравнения.

Очень слабые по силе, но статистически значимые отрицательные взаимосвязи обнаружены между ориентированностью на сравнение внешности (по шкале PACS-R), фактором “привязанность—обособленность” ($r = -0.1$ при $p < 0.05$) и фактором “самоконтроль—импульсивность” ($r = -0.2$ при $p < 0.01$), с другой. Чем менее была выражена склонность человека к сравнению своей внешности с внешностью других людей, тем более выражена склонность к обособленности, дистанцированию от других, низкому самоконтролю поведения и импульсивности.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

В ходе проверки психометрических свойств шкалы “Сравнение физической внешности” (PACS-R) нами получены удовлетворительные результаты.

Валидность шкалы была проверена несколькими способами. С одной стороны, были найдены ожидаемые корреляции со смежными конструктами: с общей ориентированностью на социальное сравнение, которое применяется человеком не только в межличностном, но и во внутриличностном плане, а также со степенью неудовлетворенности внешностью — составным компонентом образа тела. С другой стороны, были выявлены прямые и обратные корреляции с такими

характеристиками, как самоуважение, самооценка, эмоциональная неустойчивость, стремление человека быть независимым и самостоятельным, а также с волевой регуляцией поведения.

Основываясь на изложенных результатах, можно говорить о том, что шкала “Сравнение физической внешности” (PACS-R) выдержала проверку на валидность и надежность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нами было показано, что русскоязычная версия шкалы “Сравнение физической внешности” PACS-R обладает удовлетворительными психометрическими характеристиками. В частности, на основании результатов исследования можно сделать следующие выводы относительно адаптированной шкалы PACS-R.

1. Шкала обладает достаточным уровнем надежности, в том числе:

- внутренней согласованности (значение коэффициента α Кронбаха составляет 0.95);

- тест-ретестовой надежности (получена статистически значимая тест-ретестовая корреляция на уровне 0.7).

2. Шкала обладает приемлемым уровнем валидности.

3. Шкала PACS-R проста в заполнении и обработке, вследствие чего ее можно рекомендовать в качестве инструмента для экспресс-диагностики социального сравнения в научных и практических целях.

4. Успешная адаптация шкалы открывает перспективы для кросскультурных исследований с участием русскоязычных респондентов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гараян Н.Г., Пушкина Е.С.* Проверка валидности и надежности русскоязычной версии методики “Шкала ориентации на социальные сравнения Iowa-Netherlands” в выборке студентов // Консультативная психология и психотерапия. 2016. Т. 24. № 2. С. 64–92.
2. *Золотарева А.А.* Валидность и надежность русскоязычной версии шкалы самооценки М. Розенберга // Вестник Омского университета. Сер. Психология. 2020. № 2. С. 52–57.
3. *Журавлев А.Л., Ушаков В.Д., Юревич А.В.* Менталитет, общество и психосоциальный человек (ответ участникам дискуссии) // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 1. С. 107–112.

4. *Курешева О.В., Нужных К.В.* Социальное сравнение как механизм построения когнитивного компонента Я-концепции // Вестник ВолГУ. Сер. 7. Философия. Социология и социальные технологии. 2008. № 2. С. 142–148.
5. *Савченко Т.Н., Самойленко Е.С., Корбут А.В.* Сопоставление психометрических показателей инструментов измерения ориентированности на социальное сравнение // Экспериментальная психология. 2019. Т. 12. № 2. С. 112–130.
6. *Самойленко Е.С.* Процесс сравнения в системах познания, общения и личности: Дис. ... д-ра психол. наук. М.: Институт психологии РАН, 2012.
7. *Самойленко Е.С., Савченко Т.Н., Корбут А.В.* Методический инструмент измерения ориентированности на виды социального сравнения // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития / Под ред. А.Л. Журавлева, В.А. Кольцовой. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2017. С. 532–541.
8. *Скугаревский О.А., Сивуха С.В.* Образ собственного тела: разработка инструмента для оценки // Психологический журнал. 2006. № 2. С. 40–48.
9. *Хромов А.Б.* Пятифакторный опросник личности: Учебно-методическое пособие. Курган: Изд-во Курганского гос. университета, 2000. 23 с.
10. *Alicke M.D.* Evaluating social comparison targets // Handbook of Social Comparison: Theory and Research / Eds. J. Suls, L. Wheeler. N.Y.: Kluwer Academic/Plenum Publishers, 2000. P. 271–293.
11. *Bailey S.D., Ricciardelli L.A.* Social comparisons, appearance related comments, contingent self-esteem and their relationships with body dissatisfaction and eating disturbance among women // Eating Behaviors. 2010. V. 11. № 2. P. 107–112.
12. *Brown T.A., Cash T.F., Mikulka P.J.* Attitudinal body image assessment: Factor analysis of the Body-Self Relations Questionnaire // Journal of Personality Assessment. 1990. № 55. P. 135–144.
13. *Fairburn C.G., Beglin S.J.* Eating Disorder Examination Questionnaire (EDE-Q 6.0) // Cognitive behavior therapy and eating disorders / Ed. C.G. Fairburn. N.Y.: Guilford Press, 2008. P. 309–313.
14. *Ferring D., Hoffmann M.* "Still the same and better off than others?": Social and temporal comparisons in old age // European Journal of Ageing. 2007. № 4. P. 23–34.
15. *Festinger L.* A theory of social comparison processes // Human Relations. 1954. № 7. P. 117–140.
16. *Fisher E., Thompson J.K.* Body comparison scale. APA PsycTests, 1999.
17. *Gerber J.P.* Social Comparison Theory // Encyclopedia of Personality and Individual Differences / Eds. V. Zeigler-Hill, T.K. Shackelford. Springer International Publishing AG, 2018.
18. *Gibbons F.X., Buunk A.P.* Individual differences in social comparison: development and validation of a measure of social comparison orientation // Journal of Personality and Social Psychology. 1999. V. 76. № 1. P. 129–142.
19. *Jones D.C.* Social comparison and body image: attractiveness comparisons to models and peers among adolescent girls and boys. Sex Roles. 2001. № 45. P. 645–664.
20. *Leckebusch V.* The Influence of Shame in the Relation Between Social Comparison and Body Image Dissatisfaction: Dis., 2021.
21. *Myers T.A., Crowther J.H.* Social comparison as a predictor of body dissatisfaction: A meta-analytic review // Journal of Abnormal Psychology. 2009. V. 118. № 4. P. 683–698.
22. *O'Brien K.S., Caputi P., Minto R., Peoples G., Hooper C., Kell S., Sawley E.* Upward and downward physical appearance comparisons: Development of scales and examination of predictive qualities // Body Image. 2009. № 6. P. 201–206.
23. *Rosenberg M.* Society and the adolescent self-image. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1965.
24. *Schaefer L.M.* The Development and Validation of the Physical Appearance Comparison Scale-Revised (PACS-R) // A thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts. Department of Psychology, College of Arts and Sciences. University of South Florida, 2013.
25. *Schaefer L.M., Burke N.B., Thompson J.K., Heinberg L.J., Calogero R.M., Bardone-Cone A.M. et al.* Development and validation of the Sociocultural Attitudes Towards Appearance Questionnaire-4 (SATAQ-4). 2014.
26. *Schaefer L.M., Thompson J.K.* The development and validation of the physical appearance comparison scale-revised (PACS-R) // Eating behaviors. 2014. V. 15. № 2. P. 209–217.
27. *Stormer S.M., Thompson J.K.* Explanations of body image disturbance: A test of maturational status, negative verbal commentary, social comparison, and sociocultural hypotheses // International Journal of Eating Disorders. 1996. № 19. P. 193–202.
28. *Thompson J.K., Heinberg L.J., Altabe M., Tantleff-Dunn S.* Exacting Beauty. Washington DC: American Psychological Association, 1999.
29. *Thompson J.K., Heinberg L., Tantleff S.* The physical appearance comparison scale (PACS) // The Behavior Therapist. 1991. № 14. P. 174.
30. *Wheeler L.* Motivation as a determinant of upward comparison // Journal of Experimental Social Psychology. 1966. 1 (Supplement 1). P. 27–31.
31. *Wills T.A.* Downward comparison principles in social psychology // Psychological Bulletin. 1981. V. 90. № 2. P. 245–271.

THE PHYSICAL APPEARANCE COMPARISON SCALE (PACS-R): APPROBATION ON THE RUSSIAN SAMPLE²

N. G. Artemtseva*, E. S. Samoilenko**

*Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, bldn. 1, Russia.*

Laboratory of Cognitive Processes and Mathematical Psychology.

*PhD (Psychology), Senior Research Associate. Laboratory of Cognitive Processes and Mathematical Psychology.

E-mail: artemcevang@ipran.ru

**ScD (Psychology), Chief Researcher. Laboratory of Cognitive Processes and Mathematical Psychology.

E-mail: elena.samoilenko@ipran.ru

Received 09.03.2022

Abstract. The article concerns the results of approbation of the Physical Appearance Comparison Scale-Revised, PACS-R, for Russian-speaking population. The Russian version of the PACS-R was administered to 579 Russian males and females. To check the convergent validity, the measures of social comparison orientation and body image were used. Satisfactory psychometric characteristics, in particular, high internal consistency of the scale and test-retest reliability were shown. Meaningful significant correlations of the PACS-R with measures of self-esteem, and three factors of the Big Five questionnaire were obtained. Overall, the results indicate that the Russian version of the PACS-R scale is a reliable and valid tool for assessing appearance comparison tendencies in Russian population.

Keywords: comparison, comparison of appearance, social comparison, body image, personal characteristics.

REFERENCES

1. *Garanian N.G., Pushkina E.S.* Establishing validity and reliability of the Russian version of IOWA NETHERLANDS Comparison Orientation measure in student's sample. *Counseling Psychology and Psychotherapy*. 2016. V. 24. № 2. P. 64–92. (In Russian)
2. *Zolotareva A.A.* Validity and Reliability of the Russian Version of the Rosenberg Self-Esteem Scale. *Herald of Omsk University. Series Psychology*. 2020. № 2. P. 52–57. DOI: 10.24147 /2410-6364.2020.2.52-57. (In Russian)
3. *Zhuravlev A.L., Ushakov V.D., Yurevich A.V.* Mentalitet, obshchestvo I psikhosotsial'nyy chelovek (otvet uchastnikam diskussii). *Psikhologicheskij zhurnal*. 2017. V. 38. № 1. P. 107–112. (In Russian)
4. *Kuryshcheva O.V., Nuzhnykh K.V.* Social comparison as a mechanism for constructing the cognitive component of the self-concept. *Vestnik VolGU. Series 7. Philosophy. Sociology and social technologies*. 2008. № 2. P. 142–148. (In Russian)
5. *Savchenko T.N., Samoilenko E.S., Korbut A.V.* Psychometric properties of instruments of measurement of social comparison orientation. *Experimental psychology*. 2019. V. 12. № 2. P. 112–130. (In Russian)
6. *Samoilenko E.S.* The process of comparison in systems of cognition, communication and personality: Dis. ... dr. psikhol. sciences. Moscow: Institute of Psychology RAS, 2012. (In Russian)
7. *Samoilenko E.S., Savchenko T.N., Korbut A.V.* Metodicheskiy instrument izmereniya orientirovannosti na vidy social'nogo sravneniya. *Fundamental'nye I prikladnye issledovaniya sovremennoj psihologii: rezul'taty I perspektivy razvitiya*. Eds. A.L. Zhuravlev, V.A. Kol'tcova. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2017. P. 532–541. (In Russian)
8. *Skugarevsky O.A., Sivukha S.V.* Self-image: development of an assessment tool. *Psikhologicheskij zhurnal*. 2006. V. 27. № 2. P. 40–48. (In Russian)
9. *Khromov A.B.* Five-factor personality questionnaire: Educational and methodological manual. Kurgan: Publishing House of the Kurgan State. University, 2000. 23 p. (In Russian)
10. *Alicke M.D.* Evaluating social comparison targets. *Handbook of Social Comparison: Theory and Research*. Eds. J. Suls, L. Wheeler. N.Y.: Kluwer Academic/Plenum Publishers, 2000. P. 271–293.
11. *Bailey S.D., Ricciardelli L.A.* Social comparisons, appearance related comments, contingent self-esteem and their relationships with body dissatisfaction and eating disturbance among women. *Eating Behaviors*. 2010. V. 11. № 2. P. 107–112.
12. *Brown T.A., Cash T.F., Mikulka P.J.* Attitudinal body image assessment: Factor analysis of the Body-Self

²The study was carried out within the framework of the State Assignment, project № 0138-2022-0007.

- Relations Questionnaire. *Journal of Personality Assessment*. 1990. № 55. P. 135–144.
13. Fairburn C.G., Beglin S.J. Eating Disorder Examination Questionnaire (EDE-Q 6.0). *Cognitive behavior therapy and eating disorders*. Ed. C.G. Fairburn. N.Y.: Guilford Press, 2008. P. 309–313.
 14. Ferring D., Hoffmann M. “Still the same and better off than others?”: Social and temporal comparisons in old age. *European Journal of Ageing*. 2007. № 4. P. 23–34.
 15. Festinger L. A theory of social comparison processes. *Human Relations*. 1954. № 7. P. 117–140.
 16. Fisher E., Thompson J.K. Body comparison scale. *APA PsycTests*, 1999.
 17. Gerber J.P. Social Comparison Theory. *Encyclopedia of Personality and Individual Differences*. Eds. V. Zeigler-Hill, T.K. Shackelford. Springer International Publishing AG, 2018.
 18. Gibbons F.X., Buunk A.P. Individual differences in social comparison: development and validation of a measure of social comparison orientation. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1999. V. 76. № 1. P. 129–142.
 19. Jones D.C. Social comparison and body image: attractiveness comparisons to models and peers among adolescent girls and boys. *Sex Roles*. 2001. № 45. P. 645–664.
 20. Leckebusch V. The Influence of Shame in the Relation Between Social Comparison and Body Image Dissatisfaction: Dis., 2021.
 21. Myers T.A., Crowther J.H. Social comparison as a predictor of body dissatisfaction: A meta-analytic review // *Journal of Abnormal Psychology*. 2009. V. 118. № 4. P. 683–698.
 22. O'Brien K.S., Caputi P., Minto R., Peoples G., Hooper C., Kell S., Sawley E. Upward and downward physical appearance comparisons: Development of scales and examination of predictive qualities. *Body Image*. 2009. № 6. P. 201–206.
 23. Rosenberg M. *Society and the adolescent self-image*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1965.
 24. Schaefer L.M. The Development and Validation of the Physical Appearance Comparison Scale-Revised (PACS-R). A thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts. Department of Psychology, College of Arts and Sciences. University of South Florida, 2013.
 25. Schaefer L.M., Burke N.B., Thompson J.K., Heinberg L.J., Calogero R.M., Bardone-Cone A.M. et al. Development and validation of the Sociocultural Attitudes Towards Appearance Questionnaire-4 (SATAQ-4). 2014.
 26. Schaefer L.M., Thompson J.K. The development and validation of the physical appearance comparison scale-revised (PACS-R). *Eating behaviors*. 2014. V. 15. № 2. P. 209–217.
 27. Stormer S.M., Thompson J.K. Explanations of body image disturbance: A test of maturational status, negative verbal commentary, social comparison, and sociocultural hypotheses. *International Journal of Eating Disorders*. 1996. № 19. P. 193–202.
 28. Thompson J.K., Heinberg L.J., Altabe M., Tantleff-Dunn S. *Exacting Beauty*. Washington, DC: American Psychological Association, 1999.
 29. Thompson J.K., Heinberg L., Tantleff S. The physical appearance comparison scale (PACS). *The Behavior Therapist*. 1991. № 14. P. 174.
 30. Wheeler L. Motivation as a determinant of upward comparison. *Journal of experimental social psychology*. 1966. 1 (Supplement 1). P. 27–31.
 31. Wills T.A. Downward comparison principles in social psychology. *Psychological Bulletin*. 1981. V. 90. № 2. P. 245–271.

УДК 159.9.092

Е. В. ШОРОХОВА КАК ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПСИХОЛОГ (К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)¹

© 2022 г. В. П. Позняков*, А. Л. Журавлев**

ФГБУН Институт психологии РАН;

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.

* Доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник.

E-mail: pozn_v@mail.ru

** Академик РАН, профессор, научный руководитель Института психологии РАН.

E-mail: alzburavlev2018@yandex.ru

Поступила 28.01.2022

Аннотация. Анализируются работы Е.В. Шороховой в области экономической психологии, ее взгляды на взаимосвязи социально-экономических и социально-психологических явлений, а также психологические аспекты отношений собственности. Представлены данные, полученные Е.В. Шороховой в процессе изучения социально-психологической динамики в условиях изменения форм собственности в период НЭПа, результаты теоретико-эмпирических исследований отношения к собственности в условиях социально-экономических изменений в сельском хозяйстве России в 20–30-е годы XX в. и во вьетнамской деревне в 1990-е годы в условиях перехода к многоукладной экономике. Рассматриваются результаты историко-психологической реконструкции, выполненной Шороховой на большом эмпирическом материале документальных источников, характеризующих психологическую специфику российского предпринимательства, к которой автор относит мотивацию предпринимательской деятельности, личностные особенности предпринимателей, социально-психологические явления в предпринимательских общностях. Изучена и оценена научно-организационная и редакторская деятельность Е.В. Шороховой, способствовавшая становлению и интенсивному развитию отечественной экономической психологии.

Ключевые слова: Е.В. Шорохова, история психологии, экономическая психология, психология предпринимательства, отношения собственности, психологические отношения.

DOI: 10.31857/S020595920021488-2

В 2022 г. отечественные психологи отмечают несколько памятных для российской психологии дат: 50-летний юбилей Института психологии РАН, 95-летие со дня рождения основателя, организатора и первого директора института Бориса Федоровича Ломова и 100-летие со дня рождения заместителя директора института, руководителя сектора (лаборатории) социальной психологии, одного из основателей и лидеров московской академической школы социальной психологии Екатерины Васильевны Шороховой. Вспоминая Е.В. Шорохову, хочется отметить, что в истории отечественной психологии она выступает не только как выдающийся организатор психологической науки, крупнейший специалист в области теоретических и методологических проблем психологии, но и как талантливый, продуктивный ученый, внесший большой личный вклад в становление и развитие

целого ряда ее отраслей и направлений. В публикациях, посвященных анализу научного наследия Е.В. Шороховой, уже был представлен ряд направлений ее научного творчества. Так, в публикации Т.И. Артемьевой были рассмотрены представления Шороховой о личности как объекте психологии, в том числе социальной [1]. В наших статьях был дан анализ вклада Шороховой в разработку проблем истории, теории и методологии социальной психологии [5]. При этом в качестве одного из важных направлений этой работы отмечались проблемы экономической психологии и психологии предпринимательства. Вместе с тем научные взгляды Шороховой в области экономической психологии до сих пор не были специальным объектом исследования историков отечественной психологии. В данной публикации ставится задача проанализировать и систематизировать основные направления и результаты этой работы. К их числу относятся, по нашему мнению, во-первых, исследования

¹ Публикация подготовлена по Госзаданию № 0138-2022-0001.

психологических особенностей личности и группы и их динамики в период радикальных социально-экономических изменений, связанных со сменой форм собственности. Во-вторых, представления Шороховой о взаимосвязи и взаимодействии экономических и психологических факторов и феноменов в условиях изменяющегося общества. Специальные работы Е.В. Шороховой были посвящены историко-психологическим исследованиям социальной психологии российского предпринимательства. Далее выделенные направления исследований Шороховой будут рассмотрены более подробно. Однако прежде всего хочется дать общую характеристику вклада Шороховой в развитие отечественной экономической психологии.

К проблемам экономической психологии Е.В. Шорохова обратилась в последние годы своей жизни и научного творчества. Эти годы совпали с периодом радикальной трансформации российского общества, масштабных экономических и политических реформ. В своих теоретико-эмпирических исследованиях Е.В. Шорохова основное внимание уделила анализу психологических особенностей и проблем социально-экономических преобразований в России. Ее исследования и размышления по поводу этих преобразований носили фундаментальный, междисциплинарный характер, и их результаты внесли значительный научный вклад в разработку проблем не только социальной и экономической психологии, но и ряда других отраслей: психологии личности, этнической, исторической психологии.

В период обращения к экономической психологии Шорохова уже имела большой опыт разработки фундаментальных теоретических и методологических проблем социальной психологии. В течение 12 лет она руководила работой сектора философских проблем психологии Института философии Академии наук СССР, который в 1972 г., после организации Института психологии Академии наук СССР, практически полностью вошел в его состав. За это время Шорохова внесла огромную лепту в развитие отечественной психологической науки, философскими основаниями которой в те годы были работы классиков марксизма. Фундаментальные положения о соотношении бытия и сознания, взаимосвязях личности и общества, индивидуального и общественного, биологического и социального факторов жизнедеятельности человека и его внутреннего мира, роли общественных, и в первую очередь производственно-экономических, отношений в формировании и развитии многообразных социальных групп и сущности человека как субъекта и объекта этих отношений, наконец, о психологических

механизмах и закономерностях социальной детерминации поведения человека явились прочным фундаментом ее теоретико-методологических представлений и теоретико-эмпирических исследований в области экономической психологии.

АНАЛИЗ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В РОССИИ В 20–30-е годы XX в.

Обратившись к одному из ярких и драматических этапов отечественной истории, Е.В. Шорохова провела историко-психологическую реконструкцию социально-экономических преобразований в сельском хозяйстве России в 20–30-е годы XX в. в условиях НЭПа [13–16]. Проанализировав динамику психологии личности и социальных групп в эти годы и сравнив их с аналогичными феноменами, имевшими место в нашей стране, но в другой временной период, а именно в начале 1990-х годов, и также связанными с изменением форм и отношений собственности, Шорохова обратила внимание на то, что в условиях радикальных социально-экономических преобразований особенности социально-психологической динамики имели много общего, что позволило ей говорить о закономерном характере подобных изменений.

Результатом данных исследований стало выявление многочисленных повторяющихся экономико-психологических феноменов, связанных с повышением субъективной значимости экономических ценностей и индивидуалистической направленности в экономической активности представителей различных социальных групп. В качестве общих тенденций Шорохова отмечала рост имущественного расслоения российского общества, появление новых социальных общностей, представители которых различались по своим не только социально-экономическим характеристикам (уровню дохода и материального благополучия), но и экономико-психологическим особенностям (уровню деловой активности, успешности хозяйственной деятельности). Усиление межгрупповой дифференциации нередко сопровождалось ростом межгрупповой напряженности и враждебности. Результаты проведенных исследований позволили Е.В. Шороховой сделать фундаментальный теоретический вывод о характере взаимодействия социально-экономических и социально-психологических феноменов в изменяющемся обществе. Наряду с типичной и наиболее характерной для исторического

процесса детерминацией психологии личности и групп, явлением объективного характера проявлялось обратное влияние психологии людей на ход социально-экономического развития. Причем это влияние могло способствовать реализации намеченных и проводимых изменений, а могло и тормозить ход экономического развития. Эти теоретические обобщения Шороховой получили развитие и эмпирическую конкретизацию в концепции А.Л. Журавлева об основных формах социально-психологического опосредствования экономических изменений и о типичных зонах взаимодействия социально-психологических и социально-экономических факторов (см., например, [4]).

К числу важных экономико-психологических феноменов и проблем, сопровождавших процессы социально-экономических преобразований в российской деревне, Шорохова отнесла такие, как психологическая готовность населения к социально-экономическим преобразованиям, психологические проблемы интереса как важнейшего стимула хозяйственной и трудовой активности, динамика потребностей и личностных качеств участников происходящих в обществе изменений. Все эти психологические феномены и проблемы отчетливо проявились и в период социально-экономических реформ начала 1990-х годов. В качестве ключевого фактора социально-экономических преобразований рассматриваемого периода Е.В. Шорохова выделила изменение форм и отношений собственности. Как уже ранее отмечалось в одной из наших работ, результаты историко-психологического анализа позволили ей сделать ряд важных теоретических выводов о характере динамики социально-психологических феноменов в условиях изменения отношений собственности. «Отношения собственности, по мнению автора, отражались и проявлялись в социально-психологических отношениях личности и группы. Изменения отношений собственности выступали факторами изменения социально-психологических отношений. Наконец, экономические и психологические отношения собственности выступали как взаимосвязанные и взаимозависимые процессы. Социально-психологические феномены, в их числе психологические отношения к собственности, внутригрупповые и межгрупповые отношения, отражая объективные экономические отношения, одновременно выполняли функцию регуляторов экономического и социального поведения личности и групп, оказывая существенное влияние на экономические отношения и социально-экономическое развитие деревни в целом» [5, с. 82–83]. Сформулированные автором положения об определяющей роли отношений собственности среди

факторов социальной детерминации психики и поведения человека и об обратном влиянии социально-психологических феноменов на экономическое поведение и экономические отношения стали важнейшими в становлении и развитии отечественной экономической психологии [7].

Важным этапом исследования Шороховой психологических проблем отношения к собственности стало теоретико-эмпирическое изучение этого отношения у вьетнамских крестьян в условиях социально-экономических изменений, проведенное вьетнамским психологом Д.Т. Тханем под руководством Е.В. Шороховой [20]. В данном исследовании влияние отношения к собственности на экономическое поведение и социально-психологические феномены изучалось на примере вьетнамских крестьян в условиях социально-психологических изменений, связанных со сменой форм собственности и переходом к многоукладной экономике. Исследовалась динамика внутри- и межгрупповых отношений во вьетнамской деревне, а также динамика социально-психологических качеств личности вьетнамских крестьян.

На основании результатов данного эмпирического исследования авторы сделали вывод о том, что в процессе социально-экономических изменений существенно преобразовывались все основные компоненты отношений крестьян к собственности: потребностный, представленный экономическим интересом; когнитивный, выразившийся в осознании крестьянином своего экономического статуса, своей принадлежности к определенной социальной группе; эмоциональный, проявлявшийся в отношении как эмоциональной оценке происходивших преобразований, и конативный (поведенческий), представленный психологической готовностью крестьянина к определенной экономической деятельности. Изменения отношений собственности сопровождались сменой оснований межгрупповой интеграции и дифференциации индивидов и групп как субъектов хозяйственной деятельности. Основным групповым субъектом деловой активности становилась крестьянская семья. Дифференциация субъектов производственно-экономической деятельности сопровождалась ростом имущественного расслоения сельских жителей, появлением новых групповых типов собственников на селе: «неумелые», «середняки» и «крепкие хозяева». В условиях изменения форм собственности происходило изменение деловых и личных качеств крестьян. Повысилась степень выраженности таких качеств, как инициативность, самостоятельность и независимость, при этом одновременно и существенно снизилась выраженность таких качеств, как

исполнительность, дисциплинированность, идейная убежденность. Сопоставление результатов и выводов, полученных в исследовании Шороховой и Тханя, с результатами ранее проведенного авторами статьи исследования [6] указывает на сходство зафиксированных эмпирических феноменов и теоретических выводов, что еще раз подтверждает закономерный характер исследуемых экономико-психологических явлений. С позиции современных актуальных проблем социальной и экономической психологии, привлекающих внимание исследователей, хочется специально отметить феномен семейного малого бизнеса, активно исследуемый в последние годы [8]. Очень важным представляется сделанный в исследовании Шороховой и Тханя вывод о том, что в условиях, когда основным групповым субъектом собственности и деловой активности выступает семья, происходит трансформация внутрисемейных отношений. Материальное благополучие семьи становится важным фактором ее стабильности. Отношение к собственности способствует формированию династической стратегии в развитии крестьянской семьи. Усиливается функциональное инструментальное отношение родителей к детям, которые рассматриваются как наследники не только духовных, но в первую очередь материальных ценностей.

Подводя итоги результатам исследований Е.В. Шороховой, следует подчеркнуть, что сформулированные положения и выводы сделаны на основе результатов, полученных с использованием разных стратегий и методов исследования: историко-психологической реконструкции, выполненной на большом эмпирическом материале документальных источников, и эмпирического исследования, проведенного в естественных реальных условиях совместной жизнедеятельности сельских жителей. Результаты этих исследований имеют выраженный междисциплинарный характер и не только вносят фундаментальный вклад в развитие социальной и экономической психологии, но имеют важное научное значение для психологии личности, этнической и исторической психологии.

ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ РОССИЙСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Важными разработками Е.В. Шороховой проблем экономической психологии явились историко-психологические исследования российского предпринимательства. Они развивались в двух направлениях. Во-первых, анализируя многочисленные исторические источники, произведения российской

художественной литературы, мемуары и публицистику, Шорохова выявила и проанализировала целый ряд экономико-психологических явлений, характерных для российского предпринимательства [17]. Во-вторых, она провела историко-психологический анализ российских предпринимательских общностей, в результате которого установила закономерные тенденции, характеризующие психологические особенности жизнедеятельности и взаимоотношений участников совместной предпринимательской активности и их динамики при переходе от одних форм предпринимательских общностей к другим [12].

Рассматривая сущность предпринимательства как сложного социально-экономического явления, Шорохова отмечала, что, наряду с такими важными социально-экономическими характеристиками предпринимательства, как его исключительно важная роль в экономическом развитии общества, инновационность, своеобразное сочетание трудового и капиталистического компонентов и др., важное место в характеристике предпринимательства принадлежит его психологическим составляющим. В качестве основных, психологических по своей природе составляющих предпринимательства Шорохова выделяет организационно-хозяйственное новаторство и экономическую свободу. Психологическая сущность предпринимательства заключается, по мнению автора, в таких экономико-психологических явлениях, как самостоятельность, готовность действовать в условиях риска, инициативность и творчество в хозяйственной деятельности, способность преодолевать препятствия, смелость и решительность в принятии решений и ответственность за последствия их реализации. Опираясь на взгляды выдающегося русского ученого, основателя отечественной психологической школы в юриспруденции Л.И. Петражицкого, Шорохова выделяет такие важные для успешного предпринимательства психологические феномены, как надежда на успех и эмоциональный оптимизм. Важным и актуальным для современных исследователей является положение о том, что субъектами предпринимательской деятельности могут выступать не только отдельные индивиды, но и социальные группы, такие как семья и предпринимательские общности. Анализируя особенности мотивации предпринимательской деятельности, Шорохова выявляет ее сложный, многоуровневый характер, наличие в ней общественного, группового и индивидуально-личностного уровней. В качестве позитивного примера действия общественного уровня мотивации автор называет долг полезного служения Отечеству. На групповом уровне мотивации основная цель предпринимательства — получение

выгоды — может быть направлена на развитие семейного предприятия, фирмы или предпринимательской общности. На индивидуальном уровне выгода может быть самоцелью и использоваться для удовлетворения индивидуальных потребностей предпринимателя. Если в предпринимательской деятельности преобладают общественно-отрицательные формы ее направленности, то стремление к максимизации прибыли и выгоды может принимать такие уродливые и порицаемые в обществе формы, как ростовщичество. Однако в случае доминирования общественно-положительных форм направленности деятельности предпринимателя выгода от нее идет на пользу общества, а сами предприниматели получают общественное признание и реализуют свои способности.

При изучении социально-психологических явлений в предпринимательских общностях автор проводит сравнительный анализ их различных видов. Отличительными социально-психологическими особенностями таких традиционных российских предпринимательских общностей, как артели, Е.В. Шорохова считает совместное участие их членов в трудовой и хозяйственной деятельности и равенство в распределении прав и обязанностей. В более характерных для этапа развитого капитализма общностях, таких как акционерные общества, личная ответственность их участников и возможности личного участия в хозяйственной деятельности предприятия ограничивались размером их личного вклада. В качестве общей тенденции, характерной для различных видов предпринимательских общностей, автор указывает на то, что “по мере возрастания капиталистического элемента личное участие и объем ответственности членов товарищества уменьшаются” [12, с. 145].

В качестве специфических социально-психологических феноменов, характеризовавших взаимоотношения в предпринимательской среде, Шорохова выделила доверие и ответственность, партнерство и конкуренцию и др. В последние годы эти и другие социально-психологические феномены привлекают все большее внимание современных исследователей.

Справедливо и актуально звучат сегодня слова Е.В. Шороховой, которыми она заканчивает свою публикацию: “Ретроспективный анализ психологических явлений российского предпринимательства при дальнейшем сопоставлении с данными современных исследований позволяет предположить, что в истории развития предпринимательской деятельности содержались истоки, элементы, составные части современных ее форм, что в истории можно обнаружить некоторые аналогии

предпринимательства в настоящее время. Исторический анализ поможет использовать позитивный опыт, традиции, избежать неудачи ошибок. В этом заключается смысл историко-психологического исследования предпринимательства” [17, с. 40].

НАУЧНО-ОРГАНИЗАЦИОННАЯ И РЕДАКТОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Е.В. ШОРОХОВОЙ В ОБЛАСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Последние годы научной работы Е.В. Шороховой совпали с периодом радикальных социально-экономических реформ, начатых в России на рубеже 1990-х годов. Становление и стремительное развитие экономической психологии в России в этот период в значительной степени были обусловлены данными реформами. Именно в это время произошло организационное оформление статуса новой научной дисциплины, что нашло свое отражение и в изменении названия лаборатории, которой ранее руководила Екатерина Васильевна, — лаборатории социальной и экономической психологии Института психологии РАН (подробнее см. [3]). Важным направлением работы Е.В. Шороховой по становлению и развитию отечественной экономической психологии была научно-организационная и редакторская деятельность. Шорохова активно способствовала организации теоретико-эмпирических исследований по самым различным направлениям в области экономической психологии, проводившихся в 1990-е и начале 2000-х годов в лаборатории социальной и экономической психологии Института психологии РАН.

В ней был реализован целый ряд крупных научных проектов и отдельных исследований, заложивших основы нового научного направления в отечественной науке — социально-экономической психологии. К числу таких исследований можно отнести работы Е.Д. Дорофеева, Н.А. Журавлевой, В.П. Познякова, Е.В. Тугаревой, В.А. Хашченко и др. По инициативе А.Л. Журавлева и при активном участии Е.В. Шороховой и других сотрудников в лаборатории развернулись масштабные исследования динамики социально-психологических явлений в изменяющемся обществе, к которым привлекались как члены лаборатории, так и ведущие отечественные и зарубежные ученые из других организаций. Результатом данных исследований стала коллективная работа, в которой впервые не только в отечественной, но и мировой психологической науке была сформулирована проблема детерминации поведения личности и группы,

а также других социально-психологических явлений в изменяющемся обществе, которая до сих пор не потеряла своей актуальности [2].

Е.В. Шорохова вместе с А.Л. Журавлевым выступила в те годы ответственным редактором целого ряда коллективных работ, посвященных актуальным проблемам экономической психологии. Причем она не только активно участвовала в редактировании статей других авторов, но и сама выступила автором ряда статей, опубликованных в этих книгах. Так, в коллективной монографии, посвященной анализу социально-психологической динамики в условиях экономических изменений [10], ответственным редактором которой Е.В. Шорохова выступала вместе с А.Л. Журавлевым, были опубликованы две ее авторские статьи: о психологических особенностях социально-экономических преобразований в сельском хозяйстве России в 20–30-х годах XX в. и о динамике психологии личности и групп в условиях НЭПа. В следующем, 1999 г. вышли еще две коллективные работы, ответственным редактором которых (вместе с А.Л. Журавлевым) была Е.В. Шорохова. Одна из них, посвященная социально-психологическим проблемам руководства и предпринимательства [11], вышедшая в издательстве “Институт психологии РАН”, уже давно стала библиографической редкостью. Именно в ней впервые в развернутом виде были представлены не только теоретические положения, послужившие впоследствии основой формирования социальной психологии российского предпринимательства как нового научного направления, но и результаты целого ряда конкретных эмпирических исследований, выполненных во второй половине 1990-х годов в рамках этого направления сотрудниками и аспирантами лаборатории социальной и экономической психологии ИП РАН. В их числе известные сейчас специалисты, такие как А.Л. Журавлев, Е.Д. Дорофеев, Н.А. Журавлева, А.Б. Купрейченко, А.Н. Лебедев, В.П. Левкович, Т.А. Нестик, В.П. Позняков, В.А. Хашенко и др., а также коллеги и специалисты, представлявшие другие организации, связанные с лабораторией партнерскими отношениями. Именно в этой книге была опубликована работа Е.В. Шороховой, посвященная историко-психологическому анализу психологических особенностей российского предпринимательства, основные положения которой изложены выше.

Вторая монография [9], вышедшая в том же году в издательстве “Наука”, стала первой в истории отечественной науки работой, посвященной теоретико-эмпирическим исследованиям социальной психологии экономического поведения. В этой

книге вновь были представлены публикации целого ряда сотрудников и аспирантов лаборатории социальной и экономической психологии ИП РАН. К числу перечисленных выше авторов к ним добавились новые, работы которых в области экономической психологии получили впоследствии заслуженную известность и признание (Т.В. Дробышева, Е.В. Журавлева, М.Е. Колесникова, Е.Н. Резников, В.П. Ростовский, Е.Н. Сивашенко, Г.В. Турецкая). В этой монографии вновь были опубликованы две авторские статьи Шороховой. В одной из них была представлена вторая редакция статьи о социально-психологических преобразованиях в сельском хозяйстве. Вторая, написанная в соавторстве с Д.Т. Тханем, была посвящена изложению результатов теоретико-эмпирического исследования отношений к собственности вьетнамских крестьян в условиях социально-экономических изменений. Во вводной статье А.Л. Журавлева был сделан теоретико-методологический анализ одной из центральных проблем экономической психологии — взаимодействия социально-экономических и социально-психологических феноменов в изменяющемся обществе. В многочисленных статьях членов авторского коллектива были представлены результаты теоретико-эмпирических исследований целого ряда новых для российского общества экономико-психологических феноменов и проблем. Эта монография явилась своеобразным итогом деятельности Е.В. Шороховой в области экономической психологии как автора, исследователя, а также опытного ответственного редактора.

В последние годы жизни и творчества Е.В. Шорохова уделяла большое внимание историко-психологическому анализу идей экономической психологии, представленных в трудах таких выдающихся представителей российской науки, как автор “Коллективной рефлексологии” В.М. Бехтерев [18], лидер психологической школы в юриспруденции Л.И. Петражицкий [17], в истории отечественной психологии труда [19]. Однако подробный анализ творческого наследия Е.В. Шороховой в области истории психологии и исторической психологии еще впереди и является актуальной исследовательской задачей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье представлены основные направления и результаты разработки Е.В. Шороховой проблем экономической психологии. Итоги историко-психологического анализа социально-психологической динамики в условиях экономических преобразований в России в 20–30-х годах XX в. позволили

Е.В. Шороховой выявить много сходных, повторяющихся феноменов, характеризующих взаимодействие экономических и социально-психологических факторов. На основании результатов теоретико-эмпирических исследований отношения к собственности в условиях социально-экономических изменений Е.В. Шорохова сделала ряд важных теоретических обобщений о характере динамики социально-психологических феноменов в условиях изменения отношений собственности. Результаты историко-психологического анализа исследований российских предпринимателей и предпринимательских общностей в России внесли существенный вклад в становление нового научного направления в отечественной психологии — социальной психологии российского предпринимательства. Научно-организационная и редакторская деятельность Е.В. Шорохова способствовала интенсивному становлению и развитию этой отрасли в отечественной психологической науке. Специальные авторские публикации Шороховой были посвящены анализу истории отечественной экономической психологии и взглядов отдельных выдающихся мыслителей в этой области. Перспективы дальнейших исследований творческого наследия Е.В. Шороховой связаны прежде всего с анализом ее трудов в области истории психологии и исторической психологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Артемяева Т.И.* Психология личности в работах Е.В. Шороховой // *Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии* / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2017. С. 176–182.
2. Динамика социально-психологических явлений в изменяющемся обществе / Отв. ред. А.Л. Журавлев. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 1996.
3. *Дробышева Т.В., Журавлев А.Л.* К истории становления и развития лаборатории социальной и экономической психологии Института психологии РАН (по материалам интервью) // *Социальная и экономическая психология. Часть 2*. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2018. С. 11–44.
4. *Журавлев А.Л.* Психология совместной деятельности в условиях организационно-экономических изменений: Дис. в виде научного доклада ... д-ра психол. наук. М.: Институт психологии РАН, 1999.
5. *Журавлев А.Л., Позняков В.П.* Вклад Е.В. Шороховой в становление и развитие социальной и экономической психологии (к 95-летию со дня рождения) // *Психологический журнал*. 2017. Т. 38. № 6. С. 77–87.
6. *Журавлев А.Л., Позняков В.П.* Динамика межгрупповых отношений в условиях изменения форм собственности // *Психологический журнал*. 1992. Т. 13. № 4. С. 24–32.
7. *Журавлев А.Л., Позняков В.П.* Экономическая психология: теоретические проблемы и направления эмпирических исследований // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2004. Т. 1. № 3. С. 46–64.
8. *Мурзина Ю.С., Позняков В.П., Дьячков С.М.* Черная кошка в темной комнате: отличаются ли ценностные ориентации владельцев семейного и несемейного бизнеса // *Организационная психология*. 2020. Т. 10. № 4. С. 88–108.
9. Социальная психология экономического поведения / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.В. Шорохова. М.: Наука, 1999. 237 с.
10. Социально-психологическая динамика в условиях экономических изменений / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.В. Шорохова. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 1998. 295 с.
11. Социально-психологические исследования руководства и предпринимательства / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.В. Шорохова. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 1999.
12. *Шорохова Е.В.* К истории исследования предпринимательских общностей в России // *Динамика социально-психологических явлений в изменяющемся обществе* / Отв. ред. А.Л. Журавлев. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 1996. С. 144–151.
13. *Шорохова Е.В.* Личностные проявления в отношениях собственности у российских крестьян 20–30-х годов XX века // *Психологический журнал*. 1997. Т. 18. № 4. С. 15–25.
14. *Шорохова Е.В.* Психологические особенности социально-экономических преобразований в сельском хозяйстве России в 20–30-х гг. XX века // *Социально-психологическая динамика в условиях экономических изменений* / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.В. Шорохова. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 1998. С. 37–80.
15. *Шорохова Е.В.* Динамика психологии личности и групп в условиях НЭПа // *Социально-психологическая динамика в условиях экономических изменений* / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.В. Шорохова. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 1998. С. 81–106.
16. *Шорохова Е.В.* Психологические особенности социально-экономических преобразований в сельском хозяйстве России в 20–30-е годы XX века // *Социальная психология экономического поведения* / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.В. Шорохова. М.: Наука, 1999. С. 28–55.
17. *Шорохова Е.В.* Психологические особенности российского предпринимательства: исторический аспект // *Социально-психологические исследования руководства и предпринимательства* / Отв. ред.

- А.Л. Журавлев, Е.В. Шорохова. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 1999. С. 17–43.
18. *Шорохова Е.В.* Идеи экономической психологии в коллективной рефлексологии В.М. Бехтерева // Экономическая психология. Актуальные теоретические и прикладные проблемы: Материалы Второй международной научно-практической конференции. Иркутск: Иркутская государственная экономическая академия, 2001. С. 16–19.
19. *Шорохова Е.В.* Идеи экономической психологии в истории отечественной психологии труда // Современная психология: состояние и перспективы: Тезисы докладов на юбилейной научной конференции ИПРАН 28–29 января 2002 г. / Отв. ред. А.В. Брушлинский, А.Л. Журавлев. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2002. Т. 2. С. 271–274.
20. *Шорохова Е.В., Тхань Д.Т.* Отношение к собственности вьетнамских крестьян в условиях социально-экономических изменений // Социальная психология экономического поведения / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.В. Шорохова. М.: Наука, 1999. С. 117–129.

E. V. SHOROKHOVA AS AN ECONOMIC PSYCHOLOGIST (TO THE 100TH ANNIVERSARY)²

V. P. Poznyakov*, A. L. Zhuravlev**

*Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, bldn. 1, Russia.*

**Doctor of Psychological Sciences, Principal Research Associate, Laboratory of History of Psychology and Historical Psychology.*

E-mail: pozn_v@mail.ru

***Academician of RAS, Professor, Scientific Supervisor of Institute of Psychology RAS.
E-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru*

Received 28.01.2022

Abstract. The article presents the results of the analysis of E.V. Shorokhova’s works in the field of economic psychology. Shorokhova’s ideas about psychological aspects of property relations, the results of her studies of social-psychological dynamics in the conditions of changing forms of ownership during the NEP period are considered. Her views on the relationship of social-economic and social-psychological phenomena are analyzed. The article presents the results of theoretical and empirical research into the attitude to property under the conditions of social-economic changes in the agriculture of Russia in the 20–30s of the 20th century and in the Vietnamese village in the 1990s under the conditions of transition to multiform economy. The paper presents the results of historical-psychological reconstruction performed by Shorokhova on the large empirical material of documentary sources, characterizing the psychological features of Russian entrepreneurship, which include the features of entrepreneurial motivation, entrepreneurial personality, social-psychological phenomena in business communities. Shorokhova’s scientific-organizational and editorial activity that had promoted the formation and intensive development of Russian economic psychology is analyzed.

Keywords: E.V. Shorokhova, history of psychology, economic psychology, psychology of entrepreneurship, property relations, psychological relations.

REFERENCES

1. *Artem’eva T.I.* Psihologija lichnosti v rabotah E.V. Shorohovoj. Fundamental’nye i prikladnye issledovanija sovremennoj psihologii. Eds. A.L. Zhuravlev, V.A. Kol’cova. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 2017. P. 176–182.
2. *Dinamika social’no-psihologicheskikh javlenij v izmenjajushhemsja obshhestve* / Отв. ред. А.Л. Журавлев. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 1996.
3. *Drobysheva T.V., Zhuravlev A.L.* K istorii stanovlenija i razvitija laboratorii social’noj i jekonomicheskoy psihologii Instituta psihologii RAN (po materialam interv’ju). Social’naja i jekonomicheskaja psihologija. Chast’ 2. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 2018. P. 11–44.

² The research was carried out according to the state assignments № 0138-2022-0001.

4. Zhuravlev A.L. Psihologija sovmestnoj dejatel'nosti v uslovijah organizacionno-jekonomicheskikh izmenenij: Dis. v vide nauchnogo doklada ... d-ra psihol. nauk. Moscow: Institut psihologii RAN, 1999.
5. Zhuravlev A.L., Poznjakov V.P. Vklad E.V. Shorohovo v stanovlenie i razvitie social'noj i jekonomicheskoy psihologii (k 95-letiju so dnja rozhdenija). Psihologicheskii zhurnal. 2017. V. 38. № 6. P. 77–87.
6. Zhuravlev A.L., Poznjakov V.P. Dinamika mezhhruppovykh otnoshenij v uslovijah izmenenija form sobstvennosti. Psihologicheskii zhurnal. 1992. V. 13. № 4. P. 24–32.
7. Zhuravlev A.L., Poznjakov V.P. Jekonomicheskaja psihologija: teoreticheskie problemy i napravlenija jempiricheskikh issledovanij. Psihologija. Zhurnal Vyshej shkoly jekonomiki. 2004. V. 1. № 3. P. 46–64.
8. Murzina Ju.S., Poznjakov V.P., D'jachkov S.M. Chjornaja koshka v tjomnoj komnate: otlichajutsja li cennostnye orientacii vladel'cev semejnogo i nesemejnogo biznesa. Organizacionnaja psihologija. 2020. V. 10. № 4. P. 88–108.
9. Social'naja psihologija jekonomicheskogo povedenija. Eds. A.L. Zhuravlev, E.V. Shorohova. Moscow: Nauka, 1999. 237 p.
10. Social'no-psihologicheskaja dinamika v uslovijah jekonomicheskikh izmenenij. Eds. A.L. Zhuravlev, E.V. Shorohova. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 1998. 295 p.
11. Social'no-psihologicheskije issledovanija rukovodstva i predprinimatel'stva. Eds. A.L. Zhuravlev, E.V. Shorohova. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 1999.
12. Shorohova E.V. K istorii issledovanija predprinimatel'skikh obshhnostej v Rossii. Dinamika social'no-psihologicheskikh javlenij v izmenjajushhemsja obshhestve. Ed. A.L. Zhuravlev. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 1996. P. 144–151.
13. Shorohova E.V. Lichnostnye projavlenija v otnoshenijah sobstvennosti u rossijskikh krest'jan 20–30-h godov XX veka. Psihologicheskii zhurnal. 1997. V. 18. № 4. P. 15–25.
14. Shorohova E.V. Psihologicheskie osobennosti social'no-jekonomicheskikh preobrazovanij v sel'skom hozjajstve Rossii v 20–30-h gg. XX veka. Social'no-psihologicheskaja dinamika v uslovijah jekonomicheskikh izmenenij. Eds. A.L. Zhuravlev, E.V. Shorohova. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 1998. P. 37–80.
15. Shorohova E.V. Dinamika psihologii lichnosti i grupp v uslovijah NJePa. Social'no-psihologicheskaja dinamika v uslovijah jekonomicheskikh izmenenij. Eds. A.L. Zhuravlev, E.V. Shorohova. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 1998. P. 81–106.
16. Shorohova E.V. Psihologicheskie osobennosti social'no-jekonomicheskikh preobrazovanij v sel'skom hozjajstve Rossii v 20–e–30–e gody XX veka. Social'naja psihologija jekonomicheskogo povedenija. Eds. A.L. Zhuravlev, E.V. Shorohova. Moscow: Nauka, 1999. P. 28–55.
17. Shorohova E.V. Psihologicheskie osobennosti rossijskogo predprinimatel'stva: istoricheskij aspekt. Social'no-psihologicheskije issledovanija rukovodstva i predprinimatel'stva. Eds. A.L. Zhuravlev, E.V. Shorohova. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 1999. P. 17–43.
18. Shorohova E.V. Idei jekonomicheskoy psihologii v kollektivnoj refleksologii V.M. Behtereva. Jekonomicheskaja psihologija. Aktual'nye teoreticheskie i prikladnye problemy: Materialy vtoroj mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Irkutsk: Irkutskaja gosudarstvennaja jekonomicheskaja akademija, 2001. P. 16–19.
19. Shorohova E.V. Idei jekonomicheskoy psihologii v istorii otechestvennoj psihologii truda. Sovremennaja psihologija: sostojanie i perspektivy: Tezisy dokladov na jubilejnoj nauchnoj konferencii IPRAN 28–29 janvarja 2002 g. Eds. A.V. Brushlinskij, A.L. Zhuravlev. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2002. V. 2. P. 271–274.
20. Shorohova E.V., Than' D.T. Otnoshenie k sobstvennosti v'etnamskikh krest'jan v uslovijah social'no-jekonomicheskikh izmenenij. Social'naja psihologija jekonomicheskogo povedenija. Eds. A.L. Zhuravlev, E.V. Shorohova. Moscow: Nauka, 1999. P. 117–129.

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

УДК 159.9.019

ПОЛВЕКА БЕЗ Б. Г. АНАНЬЕВА: ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ УЧЕНОГО В СОВРЕМЕННОЙ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЕ

© 2022 г. Н. А. Логинова

*Санкт-Петербургский государственный университет;
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9, Россия.*

*Доктор психологических наук, профессор кафедры психологии развития и дифференциальной психологии.
E-mail: n.loginova@spbu.ru*

Поступила 31.05.2022

Аннотация. Статья написана в память о Борисе Герасимовиче Ананьеве. Цель статьи — подвести некоторые итоги воплощения идей, исследований, начинаний Б.Г. Ананьева его учениками и последователями в научно-исследовательской и образовательной деятельности факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета за прошедшие после его кончины полвека. Здесь, в университете, происходили главные события истории Петербургской психологической школы второй половины XX в., состоялись знаменитые комплексные исследования человека, было открыто психологическое отделение, преобразованное позже в факультет. Б.Г. Ананьев выдвинул несколько крупных научных программ: первая — исследование психических процессов, в наибольшей степени чувственных, интегрированных в целостную сенсорно-перцептивную организацию. Вторая программа предполагает изучение человека как индивида, личности, субъекта деятельности и индивидуальности. Третья программа охватывает всевозрастную психологию развития, акмеологию. Четвертая программа включает педагогическую психологию как педагогическую антропологию. Научное наследие Ананьева далеко не исчерпано, но не все его программы и замыслы находят продолжение и развитие в современной Петербургской школе в постананьевский период. Этот вывод сделан на основе научных публикаций, собственных наблюдений, воспоминаний современников и мнений ученых разных поколений. Статья написана в жанре теоретического анализа истории Петербургской психологической школы в определенном хронотопе ее существования.

Ключевые слова: методология, история психологии, Петербургская психологическая школа, научное наследие Б.Г. Ананьева, сенсорно-перцептивная организация, интеллект, индивид, личность, субъект деятельности, индивидуальность, всевозрастная психология развития, педагогическая антропология.

DOI: 10.31857/S020595920021489-3

Борис Герасимович Ананьев бросил вызов времени. Он высказывал новаторские идеи и создал несколько научных программ в прогнозируемых им направлениях развития психологии и науки в целом. Для него было жизненно необходимым не только познавать, но и совершенствовать мир в ближайшей среде и в масштабах страны. Б.Г. Ананьев всегда работал на пределе сил, самоотверженно и неустанно. Самопожертвование этого человека — осознанная плата за смелость мысли, за истину, за мечту.

Важно оценить, востребованы ли идеи ученого, продолжается ли его дело. Большие обзоры достижений психологов СПбГУ появились в год 50-летия факультета психологии [31] и в другие памятные даты. Объект моего исследования и настоящей статьи — факультет (ранее отделение) психологии СПбГУ, потому что уже в послевоенное десятилетие

благодаря лидерству Б.Г. Ананьева именно факультет стал ядром всей Петербургской психологической школы. Этот факт дает основание называть Петербургскую школу второй половины XX в. — школой Ананьева. Объединение психологов в научную школу происходило в процессе выполнения научных программ Ананьева и общей учебно-воспитательной деятельности его коллектива.

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРОГРАММЫ Б.Г. АНАНЬЕВА И СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Б.Г. Ананьев разработал программу изучения проблем чувственного познания. По воле исторических обстоятельств и по собственному убеждению

о значимости видов чувственности Б.Г. Ананьев в конце 1930-х годов, будучи заведующим отделом психологии Института мозга им. В.М. Бехтерева, вплотную занялся исследованием этих явлений психики. В Институте мозга по программе Ананьева были выполнены экспериментальные работы, посвященные изучению зрительных, слуховых, вкусовых, болевых, тактильных и прочих ощущений. Были поставлены вопросы о функциональных связях ощущений, в том числе с мышлением и речью.

Б.Г. Ананьев не прекратил разработку этой тематики в годы Великой Отечественной войны и после ее окончания. В 1940–1960-е годы Ананьев предложил и развивал понятие сенсорно-перцептивной и психомоторной организации, что стало главной особенностью его теории чувственности как основы сознания, деятельности и органической жизни человека [21]. Итоги многочисленных эмпирических исследований были представлены в книгах “Психология чувственного познания” [4], “Теория ощущений” [5], “Человек как предмет познания” [6]. Позже проблема сенсорно-перцептивных процессов была поставлена в контексте индивидуального развития человека в монографии о константности восприятия [9] и заново осмыслена на последнем этапе жизни [6; 8].

Согласно положениям ананьевской теории чувственности, сенсорно-перцептивные процессы — первоначальный источник всякого знания о мире и самом человеке. На чувственной основе становится возможным развитие внутреннего, субъективного мира человека. Особую роль в автономизации внутреннего мира играют представления — вторичные образы, носители не только чувственных, но и теоретических знаний (мыслеобразы) [2].

Б.Г. Ананьев доказывал на разнообразных фактах системный характер чувственности человека, ее синтетическую или интегральную природу: “Человеку в целом как индивиду и личности соответствует лишь сенсорно-перцептивная организация как единая система анализаторов всех без исключения модальностей...” [8, с. 51]. Внимания психологов, подчеркивал Ананьев, заслуживают не только слух и зрение, но и все остальные виды ощущений. Существует связь сенсорно-перцептивных процессов с жизнеспособностью организма, с его органическими потребностями: “...сенсорно-перцептивные процессы, будучи отражением объективной действительности и регуляторами деятельности, относятся, видимо, к коренным феноменам, связанным с глубокими слоями целостной структуры человеческого развития личности” [Там же]. Они непосредственно включаются в регуляцию

жизнедеятельности организма и деятельности, поведения человека. Общим эффектом чувственности является *сенситивность* как индивидуальная особенность индивида. Позже наряду с сенсорно-перцептивной организацией в теории Ананьева появляется понятие *психомоторной организации* как составной части структуры индивида, генетически связанной с субъектом деятельности, особенно такой, как труд, спорт, искусство танца.

Б.Г. Ананьев сформулировал программное правило — изучать сенсорно-перцептивные процессы в связи с совместной работой больших полушарий головного мозга. Механизм билатеральности обеспечивает ориентацию в пространстве и времени [7]. Позже он пришел к оригинальной идее-гипотезе, что “большие полушария не только потребляют, но и производят энергию, во всяком случае, часть ее, необходимую для ее рефлекторной аналитико-синтетической деятельности” [6, с. 247].

Есть еще одна важная особенность концепции Ананьева — эволюционный подход к развитию ощущений и других психических процессов. Человек не только адаптируется к наличным природным условиям, но и создает собственную искусственную среду обитания и развития и тем самым влияет на развитие в том числе человеческой чувственности.

После ухода из жизни Б.Г. Ананьева 18 мая 1972 г. его последователи сделали немало для обогащения эмпирических основ концепции сенсорно-перцептивной и психомоторной организации в разных направлениях — в области дифференциальной, возрастной, клинической психологии, психологии труда, психологии спорта, психологии искусства и т.д. По проблеме ощущений был защищен ряд диссертаций: Н.И. Борисовой — о вибрационных и тепловых ощущениях (рук. Г.И. Акинщикова) [11], Ф.Р. Гильмановой — по обонянию (рук. Б.Г. Ананьев, И.М. Палей) [13], Т.А. Кирдяшкиной — по сенситивности (рук. И.М. Палей) [22]. По проблеме психомоторной организации в пост-ананьевский период защищена диссертация М.В. Оленниковой (рук. Н.А. Грищенко-Розе) [30]. В настоящее время на факультете психологии не обнаружено исследований такого рода.

К сожалению, на современном этапе развития факультета неблагоприятно обстоят дела с реализацией эволюционного подхода. Из научных планов факультета исчезла сравнительная психология (правда, в учебных планах сохранилась эволюционная и сравнительная психология). В советское время действовала научная база в Сухумском обезьяньем питомнике, где проводили исследования Н.А. Тих, Ю.Г. Трошихина, К.Д. Шафранская.

В этой работе участвовали прикомандированные студенты факультета психологии. Б.Г. Ананьев поддерживал это направление, поскольку полагал, что эволюция биологического вида *Homo Sapiens* продолжается под воздействием изменений среды обитания, новых технических средств труда, общения и познания, исторических изменений образа жизни людей в целом.

В постананьевский период жизни научной школы СПбГУ выполнены отдельные научные работы в духе идей Б.Г. Ананьева. Так, М.В. Осорина и ее ученики разрабатывают проблему взаимосвязи чувственного и вербально-логического уровней отражения [34; 38].

Остаются задачи, поставленные Ананьевым, и не получившие современного решения:

а) меж- и внутрифункциональные связи ощущений, что важно для эмпирического обоснования представлений Ананьева о ядре и “осях”, т.е. наиболее устойчивых и эволюционно обусловленных связей сенсорно-перцептивной организации человека;

б) влияние умственного и физического труда на развитие способностей, в том числе чувственных, у современного человека в изменившихся характеристиках трудовой деятельности под влиянием новейших технических средств — гаджетов, компьютеров, Интернета;

в) изучение сенсорного развития во всех возрастах у современного человека, соотнесение эмпирических фактов с теоретическими представлениями Б.Г. Ананьева и новыми конструктами, закономерностями современной психофизики и психофизиологии человека.

Спустя полвека после ухода Б.Г. Ананьева естественно развить его исследования уже в плане исторической психологии, точнее, исторической психофизиологии. Целесообразно повторить измерения теми же диагностическими методиками тех психофизиологических функций, которые были объектом изучения при Ананьеве, но уже на новых поколениях участников. Таким образом появится возможность судить о степени исторической изменчивости фундаментальных способностей человека. Это тем более стоит исследовать, чтобы дать педагогам научную основу для обучения детей в новых условиях.

Структура человека стала предметом второй исследовательской программы Б.Г. Ананьева. Он выделял подсистемы индивида, личности, субъекта деятельности, индивидуальности.

Индивид — психофизический организм человека. В его структуре есть все необходимое, хотя и недостаточное для формирования личности, субъекта деятельности и индивидуальности. По мере возрастного развития и прохождения жизненного пути индивид глубоко социализируется. Его психофизиологические функции и органические потребности приобретают новое качество, становятся культурными, при этом не теряя своей природности.

Личность, по Ананьеву, — это социальный человек, член общностей, объект и субъект истории. В структуре личности, в ее фундаменте находятся социальные параметры ее существования — статус, социальные роли, ценностные ориентации, объективные социальные отношения. Над ними надстраиваются мотивация, установки, субъективные отношения, направленность в целом, а выше формируется интегральное образование — характер.

Субъект деятельности — активный деятель в труде, познании и общении, а также в игровой и учебной деятельности. В этом качестве человек характеризуется уровнем и содержанием активности, а также способностями. Его сущностная функция — производить продукт, материальную или духовную ценность и возвращать самого себя, т.е. развивать свои способности к разным видам деятельности. В фундаменте субъекта лежит жизнеспособность индивида, а на верхних уровнях располагаются специальные способности, интеллект. Интеграция всей иерархии выражает общую одаренность человека.

Наконец, человек становится *индивидуальностью* — целостной полисистемой психофизиологических, социально-психологических, деятельностных систем. На этом уровне развития человек является субъектом самосознания, а его внутренняя инстанция самость, “я” достигает зрелости. Как отмечал Б.Г. Ананьев, внутренний мир работает, планирует дела и поступки, жизненный путь в целом. Внутренний мир является самобытным регулятором жизненного пути человека, он самовоспроизводится, автономизируется за счет накопленных в процессе жизни внутренних душевно-духовных ресурсов.

В настоящий период в СПбГУ естественно и привычно при планировании любых эмпирических исследований учитывать возраст и пол их участников. Другие структурные элементы индивида — конституция тела, органические потребности, задатки — эмпирически не изучаются и теоретически не соотнесены с новыми конструктами, появляющимися в психологии и смежных науках.

Сегодня индивид как таковой, в его целостности не является предметом новых научных программ¹.

Гораздо чаще, чем публикации об индивиде и его структуре, мы находим публикации по психологии личности. На современном этапе на факультете психологии СПбГУ изучают ценностные ориентации, причем в разных планах — возрастном, поколенческом, семейном, этнопсихологическом, профессиональном, клиническом. В последние десятилетия внимание ученых факультета привлекли вопросы копинга и его личностной дифференциации, жизнестойкости, психоэмоционального благополучия, нравственных черт характера — альтруизма и других видов просоциальных установок и поведения, межпоколенческая трансляция ценностей. В 1980–2000 гг. в СПбГУ появились новые направления и научные отрасли — политическая, экономическая, экзистенциальная, кросскультурная и этническая психология, психология здоровья, экстремальных ситуаций, разные формы и направления практической психологии.

Тесно переплетаются с проблемой характероге­неза, развития личности проблема психогнозиса (восприятия и понимания человека человеком). Б.Г. Ананьев на основе своих исследований пришел к важному выводу, что формирование личности, ее самосознания, самооценки, характера зависит от отношений развивающейся личности с другими людьми, от общения. Роль психогнозиса и речевых функций при этом очевидна. Таким образом, это поле деятельности для когнитивной, социальной психологии и психологии личности. Однако у современных ученых Петербургской школы таких исследований почти нет, кроме некоторых выпускных работ и диссертаций под рук. В.Н. Куницыной, ученицы зачинателя этого направления А.А. Бодалева [40].

Структура человека как субъекта деятельности остается предметом исследований в психологии труда, спорта, учения и обучения. В 1996 г. была защищена докторская диссертация Л.А. Головей. В ней охвачены все уровни психомоторной организации — от тремора, спонтанной двигательной активности до смысловых действий в разных видах профессиональной деятельности [15]. В последние годы появились новые направления — выгорание и факторы противодействия ему, психология служебной деятельности, психология кризисных ситуаций, влияние новых технических средств обучения и учения.

¹ Единственной монографией о структуре индивида до сих пор остается книга Г.И. Акиншиковой [1].

К большому сожалению, из научных планов факультета постепенно исчезла проблема интеллекта — главного структурного элемента субъекта деятельности. Такое положение дел противоречит убеждению Ананьева. Последнее крупное и уникальное исследование интеллекта учащейся молодежи, проживавшей в зоне Чернобыльской аварии, было выполнено группой самоотверженных университетских психологов в начале 2000-х годов [20]. В то же время в публикациях ученых факультета появилась новая тема — социальный и эмоциональный интеллект. Но эта тема пока теоретически слабо связана с ананьевскими идеями об общем интеллекте и психогнозисе.

Индивидуальность как полисистема и субъект внутренней жизни. В постананьевский период идет освоение и разработка проблем экзистенциальной психологии и биографической психологии, для которых индивидуальность является центральным объектом. Изучаются вопросы воспитания индивидуальности (В.И. Гинецинский) [14], биографического времени (О.Ю. Стрижицкая) [37], связь внутреннего мира с душевным здоровьем (О.И. Даниленко) [18], субъективный мир (И.Б. Дерманова) [19], психобиография ученого (Н.А. Логинова) [24; 27]. Опубликован первый в России учебник по экзистенциальной психологии (Н.В. Гришина) [17].

По определению Б.Г. Ананьева, “индивидуальность может быть понята только в системе синтетического человекознания” [6, с. 323]. Но сегодня нет и по многим причинам невозможны комплексные исследования, включающие в программу полные структуры индивида, личности, субъекта деятельности, индивидуальности, и само синтетическое человекознание остается перспективой. И все же идеи Ананьева — комплексность исследовательской стратегии и представление о целостности человека — живут в новейших коллективных исследованиях, например, по психоэмоциональному благополучию [32].

Остаются нерешенными вопросы синтетических методов, необходимых для многоуровневого исследования целостной структуры человека. Б.Г. Ананьев ставил задачу усовершенствованию метода психографии и биографического метода. Новые шаги в этом направлении сделаны в СПбГУ и других научно-психологических центрах России и зарубежных стран. Эта работа продолжается.

Психология развития. В наследии Б.Г. Ананьева выделяется большой раздел по возрастной психологии, содержащий не только идеи, но и множество эмпирических наработок. После Ананьева в этом направлении проведены исследования под

руководством Е.Ф. Рыбалко, повторяющие логику комплексных исследований детей разного школьного возраста [33]. Продолжала исследования по психогеронтологии М.Д. Александрова, а ныне О.Ю. Стрижицкая [37]. По программе Ананьева в 1990-х годах под руководством Е.И. Степановой проведены исследования по возрастной динамике психофизиологических функций взрослых, включая пожилых [36].

Ананьевская программа всевозрастной психологии в определенных ее элементах принципиально сохраняется на кафедре психологии развития и дифференциальной психологии СПбГУ². Преемственность с ананьевским наследием целенаправленно поддерживает основатель кафедры, ученица Бориса Герасимовича проф. Л.А. Головей. В настоящее время исследования здесь идут в широком возрастном диапазоне — от младенчества, детско-юношеских лет до взрослых возрастов, включая старость. Они охватывают самые разные процессы возрастной изменчивости личности, зависящие от детско-родительских отношений, условий воспитания, проживания и пр. Индивидуальная структура в возрастном плане обычно затрагивается при изучении характеристик темперамента без поэлементного углубления в соматические и нервные, психофизиологические структурные элементы индивида.

Примыкает к “возрастной” программе педагогическая антропология Ананьева как ее практическое приложение. Было бы весьма полезно обратиться к взглядам Бориса Герасимовича относительно новых средств обучения. Ананьев писал о кратковременности, ненадежности и даже опасности популярных в одно время методов гипнопедии, психофармакологии, экспериментов сверххранного обучения. Место и мера применения технических и других новых средств в учебном процессе должны определяться законами психического развития с опорой на теорию педагогической антропологии. В духе Ушинского он стремился сделать педагогику строго научной, дать ей руководства к действию. Целями же всей системы педагогических воздействий, по Ананьеву, должны стать умножение и обогащение “жизненных сил”, потенциалов, создание хорошо отлаженного механизма развития и саморазвития на всю жизнь [26]. К сожалению, публикации в терминах педагогической антропологии на современном факультете редки и не вызывают обмена мнениями.

² Б.Г. Ананьев еще в 1957 г. предложил всевозрастную психологию и выстроил ее систему [3].

Кроме программ Ананьев создал перспективные концепции [16]. Одна из них — концепция *человекознания*. Идеи и схемы человековедческих наук Б.Г. Ананьева за прошедшие 50 лет стали широко известными в российской науке [29]. В Петербургской школе предпринимались и предпринимаются попытки их использовать, разрабатывать и развивать. Новое описание структуры человека, отличное от ананьевской теории, но основанное на ней предложил В.А. Ганзен [12]. При этом базовыми избраны физические категории: субстрат, информация, энергия, время и пространство. Эта схема хорошо согласуется с идеями В.М. Бехтерева об энергии как сущностной характеристике психического и Б.Г. Ананьева о материальной детерминации психического, его бытии в пространстве и времени. Есть примеры применения системных представлений Ананьева и Ганзена к изучению политической жизни общества (А.И. Юрьев) [39], обращения к проблемам человекознания (В.М. Снетков) [35], создана версия теоретической психологии (В.Д. Балин) [10]. Методологическая проблематика развивается И.А. Мироненко [28; 29]. К сожалению, эти публикации не стали предметом научной дискуссии на факультете психологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Судя по всему, научному активу факультета не хватает теоретических работ, которые бы ставили цель довести многочисленные эмпирические исследования до логического завершения, т.е. до нового этапа понимания психологических явлений всех уровней структуры человека. Этому умению стоит поучиться у Б.Г. Ананьева и других наших классиков.

История психологии — обязательный и незаменимый источник ее теории, как подчеркивал Борис Герасимович. В сообществе психологов СПбГУ проводится мало историко-психологических работ исследовательского характера, не хватает открытий новых фактов и их соотнесения с современными достижениями наук о человеке, почти нет исследований творческой индивидуальности ученых прошлых лет. Среди исторических публикаций преобладают учебники, а также юбилейные и мемориальные статьи. Положительным явлением стали новейшие статьи И.А. Мироненко на английском языке, цель которых — переосмыслить в контексте мировой психологии научное наследие Ананьева, заинтересовать иностранных читателей творчеством этого выдающегося ученого [43]. В области истории психологической науки работал В.А. Якунин [41; 42] и в настоящее время работает автор этой статьи [23–25].

Очевидно, что для подготовки молодых ученых нужна специализация по истории психологии. Серия круглых столов, семинаров, секций по истории психологии на “Ананьевских чтениях”, устных докладов и печатных публикаций, а также спецкурс о Петербургской психологической школе не привели к заметному росту интереса студентов к истории психологии. В малочисленности историко-психологических исследований и недостаточном внимании к истории Петербургской научной школы кроется одна из существенных причин отставания психологической теории от нарастающего вала эмпирических работ сотрудников психологического факультета.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В научных публикациях Петербургской психологической школы обращения к идеям, программам и эмпирическому богатству, завещанным нам Борисом Герасимовичем Ананьевым, продолжают.

В современной науке и, конечно, на факультете психологии СПбГУ весьма востребованы представления Б.Г. Ананьева о структуре индивидуальности с ее подсистемами (индивид, личность, субъект деятельности). Эта концепция структуры человека используется в научной и учебной работе, служит ориентиром для планирования новых исследований. Чего не наблюдается в конкретных исследованиях, так это специальной нацеленности на развитие идей Ананьева, *теоретического* соотнесения его положений и выводов с результатами новых научных работ, нового осмысления его научного наследия.

Лучше обстоит дело с результатами возрастного блока программы Ананьева. Полученные в комплексных исследованиях данные о возрастной изменчивости психофизиологических функций включены в современный исследовательский дискурс, учебные пособия и современный учебный процесс. Под влиянием Ананьева и на основе уже многочисленных исследований психологии взрослых утвердилась новая научная отрасль — акмеология.

Приходится констатировать неоправданное затухание действенного интереса к некоторым темам и проблемам, которые при Ананьеве были в повестке дня и имеют и сегодня эвристический и полемический потенциал. Необходимы новые историко-теоретические работы по переосмыслению и переоценке разработанных Б.Г. Ананьевым антропологической психологии и концепции человекознания в связи с современным состоянием наук о человеке.

В настоящее время ждут своих исследователей поставленная им проблема сенсорно-перцептивной и психомоторной организации человека, а также проблема пространственной и временной функции больших полушарий головного мозга и каждого из анализаторов. Надо вернуть проблему интеллекта в актуальные научные проекты, потому что Ананьев считал интеллект наряду с личностью центральным предметом изучения в комплексных исследованиях.

Нужны исследования, в которых бы целевым образом развивалась концепция педагогической антропологии Б.Г. Ананьева, направленная на повышение жизнеспособности человека во всех формах его существования. Для практического приложения психологии необходимо теоретически проанализировать с позиций педагогической антропологии новые практики и технологии обучения.

Широко известны науковедческие взгляды Ананьева [6]. Неоспорим его новаторский вывод: классификация наук о человеке стала дублером общей классификации наук. Этот прогноз сбылся и продолжает подтверждаться новыми исследованиями, в том числе и в СПбГУ.

Научное наследие Б.Г. Ананьева включает еще много идей, научных исследований, которые ждут дальнейшей разработки. Психология в XXI в. не опередила Ананьева, напротив, исследователям и практикам, теоретикам и эмпирикам надо много работать, чтобы понять в целом и осуществить то, что прогнозировал, предугадывал, расставляя вехи для будущего психологии, Борис Герасимович Ананьев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Акинищикова Г.И.* Соматическая и психофизиологическая организация человека. Л.: ЛГУ, 1977.
2. *Ананьев Б.Г.* Проблема представлений в советской психологической науке. // *Философские записки.* Т. IV. М.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 59–68.
3. *Ананьев Б.Г.* О системе возрастной психологии // *Вопросы психологии.* 1957. № 5. С. 156–170.
4. *Ананьев Б.Г.* Психология чувственного познания. М.: АПН РСФСР, 1960.
5. *Ананьев Б.Г.* Теория ощущений. Л.: ЛГУ, 1961.
6. *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. Л.: ЛГУ, 1968.
7. *Ананьев Б.Г.* Уровни пространственной ориентации человека // *Вестник ЛГУ. Сер. 11. Экономика. Философия. Право.* 1971. № 2. С. 70–78.

8. *Ананьев Б.Г.* О проблемах современного человекознания. М.: Изд-во “Наука”, 1977.
9. *Ананьев Б.Г., Дворяшина М.Д., Кудрявцева Н.А.* Развитие человека и константность восприятия. М.: Просвещение, 1968.
10. *Балин В.Д.* Теоретическая психология. 2-е изд. М.: Юрайт, 2022.
11. *Борисова Н.И.* Исследование тепловой и вибрационной чувствительности в связи с особенностями реактивности организма человека: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Л., 1978.
12. *Ганзен В.А.* Системные описания в психологии. Л.: ЛГУ, 1984.
13. *Гильманова Ф.Р.* Исследование индивидуально-типических особенностей обоняния в структуре сенсорной организации человека: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Л.: ЛГУ, 1973.
14. *Гинецинский В.И.* Антропология индивидуализации: Учеб. пособие. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005.
15. *Головей Л.А.* Психология становления субъекта деятельности в периоды юности и ранней взрослости: Авторефер. дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 1996.
16. *Головей Л.А., Журавлев А.Л., Тарабрина Н.В.* Б.Г. Ананьев и междисциплинарные исследования в психологии (к 110-летию со дня рождения) // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 5. С. 108–117.
17. *Гришина Н.В.* Экзистенциальная психология: Учебник. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2018.
18. *Даниленко О.И.* Индивидуальность в контексте культуры: психология душевного здоровья: Учеб. пособие. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008.
19. *Дерманова И.Б.* Субъективная реальность // Психология развития и возрастная психология: Учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2016. С. 244–260.
20. Интеллектуальный потенциал человека: проблемы развития / Под ред. А.А. Крылова, Л.А. Головей. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003.
21. Исследования по проблеме чувствительности // Труды Института мозга им. В.М. Бехтерева. Т. XIII. Л., 1940.
22. *Кирдяшкина Т.А.* Индивидуально-типические особенности модальностной структуры сенситивности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Л., 1986.
23. *Логина Н.А.* Опыт человекознания: История комплексного подхода в психологических школах В.М. Бехтерева и Б.Г. Ананьева. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005.
24. *Логина Н.А.* Феномен человека: жизнь и творческая индивидуальность Б.Г. Ананьева // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 5. С. 38–48.
25. *Логина Н.А.* Антропологическая психология Бориса Ананьева. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2016.
26. *Логина Н.А.* О выступлении Б.Г. Ананьева на Всесоюзном семинаре работников школьного образования // Вопросы психологии. 2018. № 5. С. 105–116.
27. *Логина Н.А.* Биографические исследования истории психологии // Вестник Пермского университета. Сер. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 1. С. 38–51.
28. *Мироненко И.А.* Биосоциальная проблема и становление глобальной психологии. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2019.
29. *Мироненко И.А., Журавлев А.Л.* Биосоциальная проблема в контексте глобальной психологической науки: об универсальных характеристиках человека // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 6. С. 87–98.
30. *Оленникова М.В.* Исследование соотношений психомоторики и личностных характеристик в целях психодиагностики: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Л., 1983.
31. Психологическая наука в Санкт-Петербургском государственном университете. 1966–2016 / Отв. ред. Н.В. Гришина. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2016.
32. Психоземotionalное благополучие человека: интегративный подход / Отв. ред. Л.А. Головей. СПб.: Нестор-история, 2020.
33. *Рыбалко Е.Ф.* Избранные труды по психологии: Дифференциально-психологические проблемы развития человека / Под ред. Л.А. Головей. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2010.
34. *Сейферт И.В., Осорина М.В.* О роли образного и словесно-знаковых языков в формировании математических концептов у студентов инженерных специальностей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 16. Психология. Педагогика. 2015. № 2. С. 30–45.
35. *Снетков В.М.* Антропоцентрическая парадигма как основа интеграции психологии // Вестник СПбГУ. Сер. 12. Психология. Социология. Педагогика. 2010. Вып. 2. С. 134–142.
36. *Степанова Е.И.* Психология взрослых: Экспериментальная акмеология. СПб.: Алетей, 2000.
37. *Стрижицкая О.Ю.* Психология позитивного старения: условия, факторы и социальные эффекты геротрансцендентности: Дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 2018.
38. *Шербакова О.В., Новиковская Н.А.* “Как вы яхту назовете, так она и поплывет”? Роль вербальных компонентов мышления в актуализации образной структуры абстрактных и конкретных понятий // Психологические исследования. 2020. Т. 13. № 74.

39. *Юрьев А.И.* Введение в политическую психологию. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1992.
40. *Юшачкова Т.Б.* Личностные детерминанты способности к пониманию других людей: Дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2006.
41. *Якунин В.А.* История психологии. М.: Изд-во Михайлова В.А., 1998.
42. *Якунин В.А.* Психолого-педагогические идеи Б.Г. Ананьева и их развитие на факультете психологии СПбГУ // *Методология и история психологии*. 2008. № 4. С. 70–84.
43. *Mironenko I.A.* Activity theory: Quest for the Unattainable and Hope for the Future // *Integrative Psychological and Behavioral Science*. 2016. V. 50. № 3. P. 382–391.

HALF A CENTURY WITHOUT ANANIEV: THE CREATIVE HERITAGE OF A SCIENTIST AT THE MORDERN ST. PETERSBURG PSYCHOLOGICAL SCHOOL

N. A. Loginova

*St. Petersburg State University;
199034, St. Petersburg, Universitetskaya emb., 7/9, Russia.
ScD (Psychology), Professor of the Department of Developmental Psychology and Differential Psychology.
E-mail: n.loginova@spbu.ru*

Received: 31.05.2022

Abstract. The article was written in memory of Boris Gerasimovich Ananiev. The purpose of the article is to sum up some of the results of the implementation of the ideas, research, initiatives of B.G. Ananiev by his students and followers in the research and educational activities of the Faculty of Psychology of St. Petersburg State University over the past half century since his death. Here, at the university, the main events in the history of the St. Petersburg Psychological School of the second half of the 20th century took place, the famous complex studies of man took place, a psychological department was opened, later transformed into a faculty. The PURPOSE of this article is to understand the degree of development of ideas and concepts of B.G. Ananyev by those who worked and are working at the Faculty of Psychology in the post-Ananyev period and, in fact, more than others, should be the heirs and continuer of the ideas and deeds of the founder of the scientific school. B.G. Ananiev put forward several major scientific programs — on the psychology of mental processes, to the greatest extent — sensory, integrated into a holistic sensory-perceptual organization. The second program is the structure of a person as an individual, personality, subject and individuality. The third is all-age developmental psychology, acmeology. The fourth is pedagogical psychology as pedagogical anthropology. Ananiev's scientific heritage is far from being exhausted, but not all of his programs and ideas are continued and developed in the modern St. Petersburg school, in the post-Ananiev period. This conclusion was made on the basis of scientific publications, own observations, memoirs of contemporaries and opinions of scientists of different generations. The article is written in the genre of theoretical analysis of the history of the St. Petersburg psychological school in a certain chronotope of its existence.

Keywords: methodology, history of psychology, St. Petersburg School of Psychology, scientific legacy of B.G. Ananyeva, sensory-perceptual organization, intellect, individual, personality, subject of activity, individuality, developmental psychology of all ages, pedagogical anthropology.

REFERENCES

1. *Akinshhikova G.I.* Somaticheskaja i psihofiziologicheskaja organizacija cheloveka. Leningrad: LGU, 1977.
2. *Anan'ev B.G.* Problema predstavlenij v sovetskoj psihologicheskoj nauke. Filosofskie zapiski. T. IV. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1951. P. 59–68.
3. *Anan'ev B.G.* O sisteme vozrastnoj psihologii. Voprosy psihologii. 1957. № 5. P. 156–170.
4. *Anan'ev B.G.* Psihologija chuvstvennogo poznanija. Moscow: APN RSFSR, 1960.
5. *Anan'ev B.G.* Teorija oshhushhenij. Leningrad: LGU, 1961.
6. *Anan'ev B.G.* Chelovek kak predmet poznanija. Leningrad: LGU, 1968.
7. *Anan'ev B.G.* Urovni prostranstvennoj orientacii cheloveka. Vestnik LGU. Ser. 11. Jekonomika. Filosofija. Pravo. 1971. № 2. P. 70–78.

8. *Anan'ev B.G.* O problemah sovremennogo chelovekoznanija. Moscow: Izd-vo "Nauka", 1977.
9. *Anan'ev B.G., Dvorjashina M.D., Kudrjavceva N.A.* Razvitie cheloveka i konstantnost' vospriyatija. Moscow: Prosveshhenie, 1968.
10. *Balin V.D.* Teoreticheskaja psihologija. 2-e izd. Moscow: Jurajt, 2022.
11. *Borisova N.I.* Issledovanie teplovoj i vibracionnoj chuvstvitel'nosti v svjazi s osobennostjami reaktivnosti organizma cheloveka: Avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk. Leningrad, 1978.
12. *Ganzen V.A.* Sistemnye opisaniya v psihologii. Leningrad: LGU, 1984.
13. *Gil'manova F.R.* Issledovanie individual'no-tipicheskikh osobennostej obonjanija v strukture sensornoj organizacii cheloveka: Avtoref. ... kand. psihol. nauk. Leningrad: LGU, 1973.
14. *Ginecinskij V.I.* Antropogogika individualizacii. Uchebnoe posobie. Saint-Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2005.
15. *Golovej L.A.* Psihologija stanovlenija sub''ekta dejatel'nosti v periody junosti i rannej vzroslosti: Avtoref. ... d-ra psihol. nauk. Saint-Petersburg, 1996.
16. *Golovej L.A., Zhuravlev A.L., Tarabrina N.V.* B.G. Anan'ev i mezhdisciplinarnye issledovanija v psihologii (k 110-letiju so dnja rozhdenija). Psichologicheskij zhurnal. 2017. V. 38. № 5. P. 108–117.
17. *Grishina N.V.* Jekzistencial'naja psihologija: Uchebnik. Saint-Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2018.
18. *Danilenko O.I.* Individual'nost' v kontekste kul'tury: psihologija dushevno go zdorov'ja: Ucheb. posobie. Saint-Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2008.
19. *Dermanova I.B.* Sub''ektivnaja real'nost'. Psihologija razvitija i vozrastnaja psihologija: Uchebnik i praktikum dlja akademicheskogo bakalavriata. Moscow: Jurajt, 2016. P. 244–260.
20. Intellektual'nyj potencial cheloveka: problemy razvitija. Eds. A.A. Krylov, L.A. Golovej. Saint-Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2003.
21. Issledovanija po probleme chuvstvitel'nosti. Trudy Instituta mozga im. V.M. Behtereva. T. XIII. Leningrad, 1940.
22. *Kirdjashkina T.A.* Individual'no-tipicheskie osobennosti modal'nostnoj struktury sensitivnosti: Avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk. Leningrad, 1986.
23. *Loginova N.A.* Opyt chelovekoznanija: Istorija kompleksnogo podhoda v psihologicheskikh shkolah V.M. Behtereva i B.G. Anan'eva. Saint-Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2005.
24. *Loginova N.A.* Fenomen cheloveka: zhizn' i tvorcheskaja individual'nost' B.G. Anan'eva. Psichologicheskij zhurnal. 2007. T. 28. № 5. P. 38–48.
25. *Loginova N.A.* Antropologicheskaja psihologija Borisa Anan'eva. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2016.
26. *Loginova N.A.* O vystuplenii B.G. Anan'eva na Vsesojuznom seminare rabotnikov shkol'nogo obrazovanija. Voprosy psihologii. 2018. № 5. P. 105–116.
27. *Loginova N.A.* Biograficheskie issledovanija istorii psihologii. Vestnik Permskogo universiteta: Filosofija. Psihologija. Sociologija. 2022. № 1. 3. 38–51.
28. *Mironenko I.A.* Biosocial'naja problema i stanovlenie global'noj psihologii. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN". Moskva, 2019.
29. *Mironenko I.A., Zhuravlev A.L.* Biosocial'naja problema v kontekste global'noj psihologicheskoi nauki: ob universal'nykh karakteristikah cheloveka. Psichologicheskij zhurnal. 2019. T. 40. № 6. P. 87–98.
30. *Olenkova M.V.* Issledovanie sootnoshenij psihomotoriki i lichnostnykh karakteristik v celjah psihodiagnostiki: Avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk. Leningrad, 1983.
31. Psihologicheskaja nauka v Sankt-Peterburgskom gosudarstvennom universitete. 1966–2016. Eds. N.V. Grishina. Saint-Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2016.
32. Psihojemocional'noe blagopoluchie cheloveka: integrativnyj podhod. Ed. L.A. Golovej. Saint-Petersburg: Nestor-istorija, 2020.
33. *Rybalko E.F.* Izbrannye trudy po psihologii: Diferencial'no-psihologicheskie problemy razvitija cheloveka. Ed. L.A. Golovej. Saint-Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2010.
34. *Sejfert I.V., Osorina M.V.* O roli obraznogo i slovesnoznakovykh jazykov v formirovanii matematicheskikh konceptov u studentov inzhenernykh special'nostej. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Serija 16. Psihologija. Pedagogika. 2015. № 2. P. 30–45.
35. *Snetkov V.M.* Antropocentricheskaja paradigma kak osnova integracii psihologii. Vestnik SPbGU. Serija 12. Psihologija. Sociologija. Pedagogika. 2010. Vyp. 2. P. 134–142.
36. *Stepanova E.I.* Psihologija vzroslykh: Jeksperimental'naja akmeologija. Saint-Petersburg: Aletejja, 2000.
37. *Strizhickaja O. Ju.* Psihologija pozitivnogo starenija: uslovija, faktory i social'nye jeffekty gerotranscendentnosti: Dis. ... d-ra psihol. nauk. Saint-Petersburg, 2018.
38. *Shcherbakova O.V., Novikovskaya N.A.* "Kak vy yahtu nazovete, tak ona i poplyvet"? Rol' verbal'nykh komponentov myshleniya v aktualizacii obraznoj struktury abstraktnykh i konkretnykh ponyatij. Psichologicheskije issledovanija. 2020. T. 13. № 74.
39. *Jur'ev A.I.* Vvedenie v politicheskiju psihologiju. Saint-Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1992.
40. *Jushachkova T.B.* Lichnostnye determinanty sposobnosti k ponimaniju drugih ljudej: Dis. ... kand. psihol. nauk. Saint-Petersburg, 2006.
41. *Jakunin V.A.* Istorija psihologii. Moscow: Izd-vo Mihajlava V.A. 1998.
42. *Jakunin V.A.* Psihologo-pedagogicheskie idei B.G. Anan'eva i ih razvitie na fakul'tete psihologii SPbGU. Metodologija i istorija psihologii. 2008. № 4. P. 70–84.
43. *Mironenko I.A.* Activity theory: Quest for the Unattainable and Hope for the Future. Integrative Psychological and Behavioral Science. 2016. V. 50. № 3. P. 382–391.

ВЛАДИМИРУ ПЕТРОВИЧУ ПОЗНЯКОВУ — 70 ЛЕТ

21 июля 2022 г. исполнилось 70 лет известному отечественному специалисту в области социальной и экономической психологии, доктору психологических наук, профессору, главному научному сотруднику Института психологии РАН Владимиру Петровичу Познякову. Владимир Петрович родился в Москве в семье учителей. В 1970 г. с открытием третьего в Советском Союзе факультета психологии поступил в Ярославский государственный университет. Большое влияние на формирование его научного мировоззрения и выбор направления профессиональной специализации оказали представители ленинградской психологической школы — А.Л. Журавлев, Г.И. Терехова, А.А. Русалинова. Параллельно с обучением в ЯрГУ и после окончания университета В.П. Позняков регулярно посещал лекции на психологическом факультете Московского университета и заседания сектора социальной психологии в Институте психологии АН СССР. Первая его серьезная самостоятельная работа “Диалектика и психология” получила премию на Всесоюзном конкурсе студенческих научных работ.

После окончания университета в 1975 г. В.П. Позняков работал как психолог-исследователь на Центральной междугородной телефонной станции, в Центре НОТ Миннефтехимпрома, во внешнеторговом объединении “Судоимпорт”. Область его научных и практических интересов в те годы была связана с такими задачами организационной психологии и психологии управления, как подбор,

оценка и подготовка руководителей трудовых коллективов. В 1977 г. он поступил ассистентом на первую в Советском Союзе кафедру социологии и психологии управления в Институте управления им. С. Орджоникидзе, возглавляемую представителем Ярославской психологической школы А.В. Филипповым. Последующая научная и преподавательская деятельность В.П. Познякова была связана с работой по изучению и подготовке управленческих кадров в системе агропромышленного комплекса СССР. В 1989 г. В.П. Позняков поступил в аспирантуру Института психологии АН СССР по специальности “социальная психология”. В 1991 г. он защитил кандидатскую диссертацию “Динамика межгрупповых отношений в трудовом коллективе в условиях организационно-экономического нововведения” (научный руководитель — академик РАН А.Л. Журавлев). Фактически эта работа положила начало многолетним исследованиям динамики социально-психологических феноменов личности и группы, проводившимся в лаборатории социальной и экономической психологии в 1990-е годы.

В 1992 г., практически одновременно с появлением предпринимателей как новой социальной группы в современном российском обществе, по инициативе А.Л. Журавлева и под его руководством В.П. Позняков провел серию исследований социально-психологических проблем российского предпринимательства. Результаты этих исследований способствовали формированию социальной

психологии предпринимательства как нового научного направления и были представлены в серии статей, опубликованных в “Психологическом журнале”, журнале “Социологические исследования” и коллективных монографиях “Деловая активность российских предпринимателей: методы диагностики и воздействия” (1995, совместно с А.Л. Журавлевым), “Психология предпринимательской деятельности” (1995) и др. За достижения в области научных исследований в 1993 г. В.П. Позняков получил премию фонда “Культурная инициатива”.

В 2002 г. им была защищена докторская диссертация по теме “Психологические отношения в условиях изменения форм собственности”. С этого же года В.П. Позняков — ведущий научный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии, а с 2014 г. — главный научный сотрудник Института психологии РАН. В эти годы В.П. Позняков активно разрабатывает теоретические и методологические проблемы экономической психологии, формирует авторские представления о предмете экономической психологии, ее структуре и основных направлениях исследований, методологические принципы. Детально анализируется проблема взаимосвязей психологических и экономических явлений, экономического сознания и поведения, разрабатывается категория субъекта экономической активности. Итоги этой работы представлены в серии статей, опубликованных в “Психологическом журнале”, журнале “Психология” Высшей школы экономики, коллективной монографии “Проблемы экономической психологии” (Т. 1, 2004; Т. 2, 2005). Им были разработаны программы и прочитаны авторские учебные курсы по социальной и экономической психологии для бакалавров и магистров в нескольких московских университетах и институтах. В.П. Позняков является членом авторских коллективов учебников по социальной психологии.

В рамках разработанной В.П. Позняковым концепции психологических отношений субъектов

экономической деятельности была проведена серия теоретико-эмпирических исследований динамики психологических отношений личности и группы в условиях изменения форм собственности, социально-психологических факторов деловой активности субъектов экономической деятельности, психологии делового партнерства. Результаты исследований по данным научным направлениям опубликованы в ряде монографий: “Психологические отношения субъектов экономической деятельности” (2000), “Психологические отношения и деловая активность российских предпринимателей” (2001), “Социальная психология российского предпринимательства. Концепция психологических отношений” (совместно с А.Л. Журавлевым, 2012), “Психология делового партнерства: теория и эмпирически исследования” (совместно с Т.С. Вавакиной, 2016), “Психологические отношения индивидуальных и групповых субъектов совместной экономической деятельности” (2018).

Начиная с 2018 г. В.П. Позняков работает в лаборатории истории психологии и исторической психологии. В “Психологическом журнале” в последние годы опубликована серия его статей (в соавторстве с А.Л. Журавлевым), посвященных истории отечественной социальной психологии. Им проведен анализ вклада в восстановление и развитие этой отрасли психологической науки таких выдающихся ученых, как В.Н. Мясищев, Е.Н. Будилова, К.К. Платонов, Б.Ф. Ломов и Е.В. Шорохова.

Под научным руководством В.П. Познякова защищено шесть кандидатских диссертаций. Он член диссертационного совета Института психологии РАН, действительный член Международной академии психологических наук, эксперт РФФИ, член редколлегии журнала “Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология”.

Коллеги, ученики, редколлегия и редакция “Психологического журнала” поздравляют Владимира Петровича с юбилеем и желают ему крепкого здоровья, творческого долголетия и оптимизма!